

ПОЛИТИЯ

Анализ

·

Хроника

·

Прогноз

ПОΛΙΤΕΙΑ

№ 2 (113)

Москва
2024

ПОЛИТИЯ

Журнал
политической философии
и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

Учредители:
АНО «Общественно-
политический журнал.
Журнал политической
философии и социологии
политики «Полития.
Анализ. Хроника. Прогноз»;
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Главный редактор
Святослав Каспэ

Заместитель главного редактора:
Лидия Галкина

Ответственный редактор номера
Лидия Галкина

Над номером работали:
Даниил Клестов,
Светлана Микоян,
Андрей Петроковский,
Дина Розенберг

Адрес редакции:
117418, Москва, Нахимовский
проспект, д. 51/21, к. 1101
Телефон: (499) 713-02-64
Электронная почта: politeia@politeia.ru

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно
при условии ссылки на первоисточник

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал
политической философии и социологии политики
«Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2024

POLITEIA

Journal
of Political Philosophy
and Sociology of Politics
Founded by Alexei Salmin in 1996

Institutional founders:
Autonomous
non-profit organization
The Journal of Political Philosophy
and Sociology of Politics "Politeia.
Analysis. Chronicle. Forecast";
Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences

Editor-in-Chief
Svyatoslav Kaspe

Deputy Editor-in-Chief:
Lidia Galkina

Executive Editor
Lidia Galkina

This issue was prepared by:
Daniel Klestov,
Svetlana Mikoyan,
Andrei Petrokovsky,
Dina Rosenberg

Contact Information
Tel.: +7 499 7130264
Email: politeia@politeia.ru
Address: 51/21 Nakhimovsky av.,
office 1101, Moscow, 117418, Russia

The writings published in the Journal
can be reproduced elsewhere
so long as the original source is cited

© Autonomous non-profit organization The Journal
of Political Philosophy and Sociology of Politics
"Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast"

ПОЛИТИЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Совета

Сергей Хенкин (Москва, Россия)

Заместители председателя Совета

Александр Муzyкaнтский (Москва, Россия)

Алексей Кузнецов (Москва, Россия)

Члены Совета:

Татьяна Алексеева (Москва, Россия)

Фуад Алескеров (Москва, Россия)

Лидия Галкина (Москва, Россия)

Ирина Глебова (Москва, Россия)

Скотт Гельбах (Чикаго, США)

Джон Данн (Кембридж, Великобритания)

Андрей Дегтярев (Москва, Россия)

Дмитрий Ефременко (Москва, Россия)

Андрей Зубов (Брно, Чехия)

Михаил Ильин (Москва, Россия)

Сергей Караганов (Москва, Россия)

Святослав Каспэ (Москва, Россия)

Владимир Колосов (Москва, Россия)

Тимоти Дж. Колтон (Гарвард, США)

Юрий Коргунюк (Москва, Россия)

Александр Кузнецов (Москва, Россия)

Борис Макаренко (Москва, Россия)

Андрей Мельвиль (Москва, Россия)

Деннис К. Мюллер (Вена, Австрия)

Вячеслав Никонов (Москва, Россия)

Ханну Нурми (Турку, Финляндия)

Юрий Пивоваров (Москва, Россия)

Уильям М. Райзингер (Айова Сити, США)

Дина Розенберг (Бингемтон, США)

Николай Розов (Новосибирск, Россия)

Георгий Сатаров (Москва, Россия)

Александр Сунгуров

(Санкт-Петербург, Россия)

Леон Габриэль Тайванс (Рига, Латвия)

Андрей Тесля (Калининград, Россия)

Дэниэл Трейсмaн (Лос Анджелес, США)

Марк Урнов (Москва, Россия)

Михаил Филиппов (Бингемтон, США)

Леонид Фишман (Екатеринбург, Россия)

POLITEIA

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board

Sergei Khenkin (Moscow, Russia)

Vice-Chairmen

Alexander Muzykantskiy (Moscow, Russia)

Alexey Kuznetsov (Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board:

Tatiana Alekseeva (Moscow, Russia)

Fuad Aleskerov (Moscow, Russia)

Timothy J. Colton (Harvard, USA)

Andrey Degtyarev (Moscow, Russia)

John Dunn (Cambridge, UK)

Dmitry Efremenko (Moscow, Russia)

Mikhail Filippov (Binghamton, USA)

Leonid Fishman (Ekaterinburg, Russia)

Lidia Galkina (Moscow, Russia)

Scott Gehlbach (Chicago, USA)

Irina Glebova (Moscow, Russia)

Mikhail Ilyin (Moscow, Russia)

Sergey Karaganov (Moscow, Russia)

Svyatoslav Kaspe (Moscow, Russia)

Vladimir Kolosov (Moscow, Russia)

Yury Korgunyuk (Moscow, Russia)

Alexander Kuznetsov (Moscow, Russia)

Boris Makarenko (Moscow, Russia)

Andrey Melville (Moscow, Russia)

Dennis C. Mueller (Vienna, Austria)

Vyacheslav Nikonov (Moscow, Russia)

Hannu Nurmi (Turku, Finland)

Yuri Pivovarov (Moscow, Russia)

William M. Reisinger (Iowa City, USA)

Dina Rosenberg (Binghamton, USA)

Nikolai Rozov (Novosibirsk, Russia)

Georgy Satarov (Moscow, Russia)

Alexander Sungurov

(St. Petersburg, Russia)

Leons G. Taivans (Riga, Latvia)

Andrei Teslya (Kaliningrad, Russia)

Daniel Treisman (Los Angeles, USA)

Mark Urnov (Moscow, Russia)

Andrey Zubov (Brno, Czechia)

Содержание

	Материалы номера _____	5
Российская полития	Ю.Г.Коргунюк Советское прошлое как миф и повестка _____	6
	И.А.Помигуйев, Д.В.Алексеев Государство как ценность: репрезентация образа будущего в речах российских парламентариев _____	26
Политические теории	И.А.Николаев К вопросу о линиях интерпретации феномена гражданской войны в античной философии: stasis и bellum civile _____	46
	К.Е.Морозов В защиту ролзианского эгалитаризма (Критика Р.Бельковича и С.Виноградова) _____	62
Религия и политика	Н.А.Рыжков Гражданская религия как коммуникативная среда: концептуальный анализ ____	76
	С.П.Артеев, М.И.Сигачёв Новый раскол (Украинский кризис и религиозный фактор в контексте перспектив социально-политического развития) _____	97
Политические партии	И.И.Петров Паттерны трансформации партийных систем стран ЕС: направление перемен и причины различий _____	119
Историческая ретроспектива: размышления и гипотезы	М.А.Краснов Смешанная модель: Макс Вебер и реальность _____	138
	Н.С.Розов Кризисы модернизации 1990-х годов в контексте исторических циклов России _____	158
Кафедра	П.С.Каневский К вопросу о многогранности и практическом смысле публичной политики ____	175
Приложение	XIX конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина _____	196
	Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития» ____	197
	Table of Contents _____	200

Исходя из посылки, что любая идеология в восприятии массового сознания представляет собой прежде всего набор мифов, **Ю.Г.Коргунюк** предпринимает попытку взглянуть на тематику советского прошлого в межпартийных дискуссиях на выборах в современной России с точки зрения политического мифотворчества.

Отталкиваясь от модели пентабазиса, где образ будущего представлен в виде пяти элементов, одним из которых является государство, интерпретируемое через доверие к политическим институтам, **И.А.Помигуев** и **Д.В.Алексеев** исследуют репрезентацию государства как ценности в речах депутатов Государственной Думы.

С опорой на тексты Платона и Аристотеля, в наиболее систематическом виде сформулировавших теорию stasis, **И.А.Николаев** рассматривает, каким образом представление о гражданском конфликте как о соприродном жизни политической общности явлению и в известном смысле неизбежном зле может вновь оказаться актуальным в контексте философских и политических дискуссий XXI в.

На основе детального анализа аргументации Р.Бельковича и С.Виноградова, изложенной в статье «Спасение ролзовской справедливости» (*Полития*, 2021, № 1), **К.Е.Морозов** показывает, что их критика теории Дж.Ролза безосновательна и никакого выбора между эгалитаризмом удачи и принципом различия перед ролзианцами не стоит.

В рамках концептуального анализа гражданской религии как особой формы сопряжения сакрального и политического **Н.А.Рыжков** реконструирует генеалогию термина «гражданская религия», прослеживает различия между гражданской и политической религией и фиксирует те принципы, которым должна отвечать полития, чтобы можно было говорить о наличии в ней гражданской религии.

Рассматривая религиозное измерение украинского кризиса, **С.П.Артеев** и **М.И.Сигачев** уделяют особое внимание ситуации в мировом православии, раскрывая причины, по которым основная линия размежевания в современном христианстве образовалась именно в его православном сегменте.

В статье **И.И.Петрова** представлена оригинальная классификация паттернов трансформации партийных систем стран ЕС под влиянием институционализации нового постиндустриального размежевания. Используя базы данных о позиционировании партий, электоральные индексы и статистику, автор выделяет основные траектории трансформации европейских партийных систем в период с 1990 по 2023 г. и определяет факторы, ответственные за различия между ними.

Прослеживая истоки полупрезидентской, или смешанной, модели власти, **М.А.Краснов** обращается к творческому наследию М.Вебера, чья идея плебисцитарного президента положила начало становлению этой модели. Помимо самой веберовской концепции, он рассматривает роль Вебера в разработке Конституции Германии 1919 г. и сравнивает его взгляды с закреплённой там нормативной конструкцией.

По заключению **Н.С.Розова**, масштабные изменения в российской политике 1990-х годов происходили в параметрическом пространстве с осями «государственный успех» и «свобода». При этом переходы осуществлялись между фазами, характерными для более продолжительных циклов отечественной истории, — «кризис», «либерализация», «авторитарный откат», «распад государства», «военно-политический триумф».

Констатируя, что дискуссия о предметном поле и практической значимости публичной политики далека от завершения, **П.С.Каневский** анализирует развитие соответствующего понятия и научного направления на Западе и в России, показывая, что их содержательное наполнение варьирует в зависимости от теоретических, управленческих и идеологических ракурсов.

Ю.Г.Коргунюк
**СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ
КАК МИФ И ПОВЕСТКА**

Коргунюк Юрий Григорьевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН. Для связи с автором: partinform@mail.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка взглянуть на тему советского прошлого с точки зрения политического мифотворчества. Согласно исходной посылке исследования, любая идеология в восприятии массового сознания представляет собой прежде всего набор мифов. Одновременно предполагается, что мифы наиболее действенны, когда остаются имплицитными и влияют на массовое сознание не напрямую, а в фоновом режиме. При экспликации они подвергаются массивной критике и становятся менее убедительными для значительной части аудитории.

Отмечается, что на протяжении почти всего постсоветского периода тема советского прошлого присутствовала в межпартийной дискуссии больше в качестве фона и поэтому выступала главным образом как мифология. Ее присутствие выливалось в основном в противостояние между коммунистами и остальной частью политического спектра («коммунисты против всех»). В период с 1993 по 2003 г. такое противостояние оказывало существенное влияние на массовое политическое сознание и занимало в нем как минимум второе место.

С 2010-х годов на смену этому противостоянию пришло другое — «все против либералов», проявившееся в том числе в дискуссии по вопросам советского прошлого. Неся на себе отпечаток имперско-патриотической мифологии, оно не было явно эксплицированным, а на уровне политической повестки камуфлировалось тематикой советского прошлого. Превращение последней из «мифа» в «повестку» ставило советскую мифологию под огонь критики, выводя из-под удара мифологию имперско-патриотическую.

Ключевые слова: политические мифы, советское прошлое, политическая повестка, факторный анализ, избирательные кампании

Присущее человеку стремление заглянуть в будущее практически всегда оборачивается попыткой заместить его идеализированным и мифологизированным прошлым.

В этом нет ничего удивительного, поскольку порождение мифов — это то, что нашему сознанию удается лучше всего. Как отмечал Алексей Лосев, мифотворчество охватывает самые разные области умственной деятельности — религию, искусство, науку¹. Казалось бы, одна из целей науки — демифологизация знания, однако, сознательно разрушая одни мифы, наука попутно порождает массу новых, которые не осознаются в качестве таковых лишь потому, что не успели подвергнуться рефлексии.

¹ Лосев 2001: 128.

² «Миф вообще исключает неразрешимые проблемы и стремится объяснить трудно разрешимое через более разрешимое и понятное» (Мелетинский 2008: 419).

Мифотворчество — неотъемлемое свойство сознания, которое вообще склонно объяснять бесконечное конечными средствами². Это относится даже к научному сознанию и уж тем более — к сознанию массовому, которое за пределами обыденного опыта в принципе не способно оперировать чем-то кроме мифов. По справедливому замечанию Сергея Неклюдова, «неправильно полагать, что массовое сознание (которое скорее должно бы называться „массовым подсознанием“) мифологизируется только в новейшее время — оно вообще мифологично по своей природе»³.

³ Неклюдов 2000.

Вместе с тем у современных мифов есть свои особенности. Вот как описывает их Андрей Топорков: «1. В традиционных мифах объектом мифологизации являются боги, культурные герои или предки, в мифах XX в. — реальные люди и события настоящего и недавнего прошлого. 2. Политические мифы не наследуются из глубины веков, но создаются определенными людьми или группами людей. Эти люди опираются на научные теории своего времени, стремятся придать политическим мифам видимость правдоподобия и наукообразия. Другой вопрос, что миф начинает со временем существовать независимо от его создателей и сами они могут пасть его жертвами. 3. Политические мифы, в отличие от мифов архаических, распространяются не устным или рукописным путем, а главным образом через средства массовой информации»⁴.

⁴ Топорков 2003.

Не претендуя на охват всего комплекса теоретических наработок в области исследования политических мифов и мифологий⁵, попробуем сформулировать несколько тезисов о роли мифов в современном массовом политическом сознании (оговоримся, что это скорее вольная импровизация, чем претензия на теоретическое обобщение).

⁵ Подробнее о разработке проблемы см. Шестов 2005; Малинова 2015.

Очень сильно упрощая, миф можно назвать объяснительной конструкцией, одно из предназначений которой — заслонить собой пространство неизвестного и защитить сознание от дискомфорта, создаваемого наличием гигантских «дыр» и «серых зон» в картине мира. Миф — это нечто вроде раковины, ограждающей нежное тело моллюска от враждебной внешней среды. В противоположность самому организму (сознанию), эта раковина состоит из омертвевшей шелухи и именно поэтому способна защитить сознание.

Мифу присущи следующие черты.

1. *Простота, доступность для понимания обыденным сознанием.* Даже создаваемые учеными мифы вполне понятны широкой ауди-

тории. По большей части они возникают в результате не подвергнутого рефлексии неправомерного обобщения. В качестве примера такого мифа в области политического знания можно привести представление о том, что предприниматели в своей массе склонны к поддержке идей либеральной демократии, а рабочие и интеллигенция — социалистических идей. Да, в определенной ситуации — в определенных странах и в определенный период — это может как-то соответствовать действительности. Но как только выясняется неправомерность возведения частного случая в общее правило, становится очевидным и мифологический характер подобного рода представлений, обладавших некогда статусом непреложных фактов.

С доступностью для массового сознания связано и такое качество мифа, как *нарративность*, *повествовательность*⁶, придающие ему характер упрощенного и драматического рассказа⁷. И правда, массовое сознание любит описывать мир посредством немудреных историй. Однако если для мифов более ранних эпох это справедливо почти без оговорок, то сегодняшние мифы далеко не всегда принимают повествовательную форму⁸ и отличаются большим жанровым разнообразием — от конспирологических теорий до перлов из рубрики «всякая всячина» («британские ученые доказали...»).

2. *Непротиворечивость и очевидность для тех, кто находится «внутри» данного мифа.* Конечно, противоречия и когнитивная несостоятельность «чужого» мифа очевидны для внешнего наблюдателя. Но для вжившихся в миф это «наиболее яркая и самая подлинная действительность»⁹, «констатация „естественного порядка вещей“»¹⁰. И никакие логические доводы и эмпирические доказательства не в состоянии разрушить это ощущение подлинной действительности, поскольку они касаются лишь когнитивной, то есть не самой важной, составляющей мифа. Человек, верящий в тот или иной миф, способен достаточно легко отказаться от ряда фактических деталей мифологической конструкции, сохранив при этом верность его ценностной основе.

⁶ Малинова 2015: 13.

⁷ Bell 2003: 75.

⁸ Малинова 2015: 14.

⁹ Лосев 2001: 36.

¹⁰ Малинова 2015: 19.

¹¹ Топорков 2003.

NB! Сошлемся здесь, в частности, на мнение Топоркова, согласно которому «своеобразный конфликт внешнего и внутреннего восприятия мифа обусловлен тем, что сторонний наблюдатель видит несоответствие мифа реальности, носитель же традиции не сравнивает миф с реальностью, а стремится воплотить его в ней; миф для него более важен и обладает большей ценностью, чем реальность. Последней еще предстоит уподобиться мифу; она еще просто недостаточно совершенна для этого. В пределе миф упраздняет реальность и создает на ее месте новую, куда более совершенную и привлекательную»¹¹.

3. *Безусловное доминирование ценностной основы мифа над фактической.* Миф — это прежде всего ценностное отношение, установка и только во вторую очередь фактологическая конструкция. «По-

знание вообще не является ни единственной, ни главной целью мифа. Главная цель — поддержание гармонии личного, общественного, природного, поддержка и контроль социального и космического порядка», — констатирует Елеазар Мелетинский¹². Как подчеркивают Кьяра Боттичи и Бенуа Шаллан, миф, в том числе политический, «не научная гипотеза, а скорее выражение решимости действовать»¹³.

Рефлексия способна обнаружить несостоятельность мифа как когнитивной конструкции, но бессильна что-либо сделать с его ценностной основой. Так, невесть откуда взявшийся миф о том, что Аляску Америке передала Екатерина II, достаточно легко опровергается простейшим наведением справок, однако это опровержение никак не касается установки, согласно которой приобретение территории — несомненное благо, а ее отторжение (пусть даже добровольное) — столь же несомненное зло. В результате миф возрождается в новой «фактической» оболочке — в виде истории о потонувшем корабле, на котором везли золото, полагавшееся за проданную в 1867 г. Аляску.

4. *Психологическая комфортность и даже лестность для разделяющего миф индивида.* Если исходить из того, что мифология «служит гармонизации представлений об окружающем мире и месте в нем человека»¹⁴, можно сказать, что миф призван защитить человека от ужаса перед бездной. По замечанию Давида Гигаури и Владимира Гуторова, мифологизация «предлагает массовому сознанию концептуальные ориентиры, которые помогают справиться со страхами и неопределенностью в лице всякого рода угроз, особенно в периоды нестабильности и кризиса»¹⁵.

Сама по себе понятность такой психологической защиты не создает. Последняя возникает только в том случае, если конструкция мифа порождает у индивида ощущение, что он находится как минимум на правильной стороне в борьбе добра и зла, а еще лучше — практически в авангарде этой борьбы и может без лишних размышлений отринуть наветы врагов и недоброжелателей, ставящих под сомнение верность его картины мира.

5. *Существование множества мифов*¹⁶, некоторые из которых составляют пары — мифы и контрмифы, — являясь практически зеркальным отражением друг друга. Так, в религии понятие Бога неизбежно порождает понятие анти-Бога (дьявола), а практика молитвы — практику богохульства. Если в сфере массового сознания кто-то говорит «да», обязательно найдется тот, кто скажет «нет», породив спор, не имеющий никаких шансов преобразоваться в плодотворную дискуссию, но позволяющий самоутвердиться каждому из участников.

Контрмифы способствуют в том числе выстраиванию психологической защиты от покушений на истинность мифа, объясняя эти покушения злокозненностью покусившегося. Скажем, в споре о справедливости (благотворности) прогрессивной шкалы подоходного налога ее приверженцам очень удобно считать своих противников «жмотами» и «эгоистами», а противоположной стороне видеть в оппонентах «завист-

¹² Мелетинский 2008: 419—420.

¹³ Bottici and Challand 2006: 316 (цит. по: Гончарик 2009: 84).

¹⁴ Мелетинский 2008: 426.

¹⁵ Гигаури и Гуторов 2017: 30.

¹⁶ «В современности существует не одна мифология, а множество мифов и мифологий, причем продолжительность их существования может быть весьма незначительной: они возникают, конфликтуют друг с другом и столь же быстро исчезают или трансформируются во что-то иное» (Топорков 2003).

ников» и «лентяев». На деле же имеет место столкновение двух систем ценностей — эгалитаристской и индивидуалистической (меритократической), — каждая из которых базируется на собственной мифологии.

Отсюда мы легко переходим к заключению, что борьба идеологий, по сути, есть борьба мифологий. Если в случае элит идеология «обычно связывается с относительной системностью (идей, убеждений), способностью выражать „перспективу“ отдельных социальных групп и (псевдо)логическим форматом представления»¹⁷, то в массовом сознании она пребывает в виде набора мифов, преподносящих то же самое как нечто само собой разумеющееся, самоочевидное. Сомнения в фактической достоверности идеологий не мешают их успеху в качестве мифологий, основанных на определенных ценностных установках. Политическая борьба опирается не на научную состоятельность доказательств, а на их психологическую убедительность для той или иной группы населения, для которой главным аргументом в конечном счете становится ценностная близость соответствующих установок.

¹⁷ Малинова 2015: 15.

NB! По мнению Николая Шестова, «идеология есть получивший санкцию политического института (или исследователя, обозначающего конкретный мыслительный стереотип как идеологему) политический миф или, точнее, частная комбинация политических мифов в рамках политико-мифологического поля данного общества»¹⁸.

¹⁸ Шестов 2005: 95.

6. *Хрупкость и быстрая изнашиваемость.* Как справедливо отмечал Лосев, «наука никогда не может разрушить мифа»¹⁹ (в том числе потому, что атакует исключительно его внешнюю, фактологическую оболочку, а не внутреннюю ценностную суть), однако навязчивая эксплуатация тех или иных мифов, превращающая их в элемент политической повестки, способна снизить их убедительность для значительной части аудитории. Использование мифа в качестве политического инструмента неизбежно порождает критику и ведет к выявлению его слабых мест, что в свою очередь оставляет в числе сторонников данного мифа лишь самых верных адептов и отсеивает случайных попутчиков, при любых раскладах обычно составляющих большинство.

¹⁹ Лосев 2001: 46.

Профессиональным политикам это хорошо известно. Именно поэтому и возникли политтехнологии — своего рода техника безопасности при эксплуатации мифов как средства привлечения симпатий избирателей. Политические мифы хорошо работают, когда не подставляются под критику. Они более эффективны, если идут фоном, а не применяются в качестве тарана. Их прямое использование приводит к быстрому изнашиванию и необходимости искать замену в условиях острого дефицита времени. Это тем более непросто, если учесть, что миф — это, по словам Лосева, не выдумка, не фикция и не фантастический вымысел²⁰ и создается он, как правило, не намеренно, а мимоходом, в качестве побочного продукта деятельности сознания.

²⁰ Там же: 35.

²¹ Коргунок 2023.

На все эти мысли нас натолкнуло исследование места тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии на выборах в современной России²¹. Вопросы советского прошлого занимали довольно скромное место в повестке подавляющего большинства думских кампаний. Тем не менее в 1993—2003 гг. размежевание избирателей по вопросу об отношении к этому прошлому играло весьма заметную роль, причем на выборах 1993 и 1995 гг. — едва ли не решающую.

Да и на выборах 2016 г., на которых данная тематика почти отсутствовала, отношение к советскому прошлому в большей степени окрашивало второе по значимости электоральное размежевание, нежели противостояние по социально-экономическим вопросам. И наоборот: на выборах 2021 г. тематика советского прошлого была представлена намного богаче, чем во всех предыдущих кампаниях, однако размежевание по соответствующим вопросам растворялось в иных, более широких противостояниях. Другими словами, тематика советского прошлого работала гораздо лучше, когда оставалась на периферии сознания, то есть была мифом, и утрачивала значительную часть своей силы, будучи повесткой.

²² Gel'man and Obydenkova 2024.

В связи с этим у нас родилось подозрение, что педалирование повестки советского прошлого явилось сознательным политтехнологическим ходом, целью которого было отвести критику от другого мифа — имперско-патриотического, который, во многих чертах пересекаясь с советским, совпадает с ним лишь частично. Вполне соглашаясь с Владимиром Гельманом и Анастасией Обыденковой в том, что власти приложили немало усилий к построению образа «хорошего Советского Союза», чьи «положительные» стороны (иерархическая система управления, низкий уровень циркуляции элит и их привилегированный статус, государственный контроль над СМИ, репрессии против организованного инакомыслия) удивительно схожи с качествами нынешнего политического режима²², отметим, что такие усилия вознаграждаются именно тогда, когда осуществляются ненарочито, как бы вскользь. Если некие представления и настроения демонстративно выпячиваются, это вызывает отторжение у определенной части общества и, как результат, критику, способную повредить убеждающей силе мифа.

Поскольку советский миф в массовом политическом сознании связан прежде всего с коммунистами, они и принимают на себя главный удар критики. Миф же имперско-патриотический остается в тени и избегает прямого ущерба.

²³ Коргунок 2023.

Чтобы проверить эту гипотезу, мы немного изменили методику, определяющую место тематики советского прошлого в межпартийной дискуссии.

Методология исследования

Напомним, что в упомянутом выше исследовании²³ отслеживались позиции всех значимых участников выборов по вопросам советского прошлого от одной избирательной кампании к другой. Поскольку

участников было много, а вопросов, как правило, мало, для выявления основных противостояний в данной области была задействована Q-техника факторного анализа (линейная комбинация объектов) вместо более эффективной, на наш взгляд, R-техники (линейной комбинации признаков).

При Q-технике переменными (variables) выступают позиции партий (issue positions), а случаями (cases) — участвующие в дискуссии партии; R-техника, наоборот, роль переменных отводит партиям, а роль случаев — вопросам. Преимущество R-техники заключается в том, что на выходе она дает более сложную картину политических измерений (dimensions). Однако для ее использования необходимо, чтобы число вопросов, по которым ведется дискуссия, значительно превышало количество участников таковой. Это условие не выполнялось даже для думской кампании 2021 г. — число затрагивавших тему советского прошлого вопросов (19) в ней лишь немного превосходило число участников выборов по партийным спискам (14). На всех остальных выборах соотношение переменных и случаев было и вовсе неподходящим.

Проведенные в соответствии с Q-техникой расчеты показали, что во всех избирательных кампаниях — с 1993 по 2021 г. — в дискуссии по вопросам советского прошлого доминировало противостояние коммунистов и антикоммунистов («коммунисты против всех»), причем в 1993—2011 гг. оно было единственным. Начиная с 2016 г. к нему добавилось еще одно измерение, сгенерированное особой позицией ЛДПР, которая по одним вопросам советского прошлого примыкала к либералам, по другим — к коммунистам²⁴.

²⁴ Коргунок 2023.

Но если сократить число переменных (то есть участников дискуссии) и увеличить число вопросов, то появляется возможность использовать R-технику факторного анализа. Сокращение числа участников можно осуществить путем объединения партий в крупные идеологические семьи. В конце концов, не так важно, какие именно партии и блоки представляли на конкретных выборах то или иное идейно-политическое направление, важно, чтобы их позиции были более или менее постоянными.

Таких семей было выделено пять: 1) коммунисты и их сателлиты; 2) либералы; 3) «партия власти» и центристы; 4) государственники и националисты; 5) социал-популисты. В эту типологию, правда, не вписываются всякого рода маргиналы вроде некоммунистических социалистов, экологов и пр., но в связи с мизерностью полученных ими голосов их можно либо отнести к одной из групп (семей), либо исключить из анализа.

В группу «коммунисты и их сателлиты» вошли партии, которые либо сами идентифицировали себя в качестве коммунистов, либо придерживались соответствующих позиций по ряду ключевых моментов — во-первых, отдавали предпочтение государственно-плановой экономике перед рыночной; во-вторых, подчеркивали свои симпатии к советскому периоду истории страны. Сателлитами коммунистов в разное

время были Аграрная партия России и прочие коллективные члены Народно-патриотического союза России (1996—2004 гг.).

К группе «либералы» отнесены партии и объединения, декларировавшие приверженность принципам рыночной экономики и приоритета прав человека перед полномочиями государства. Все без исключения организации данного типа рассматривали советский период преимущественно в негативном ключе, делая акцент на отрицательных сторонах советской модели.

Группа «„партия власти“ и центристы» объединила организации, которые в 1990—2010-х годах колебались между реформистским и антиреформистским полюсами политического спектра. Не отрицая необходимости либеральных рыночных реформ и приоритета прав человека, они выступали за учет интересов пострадавших от этих реформ, а также агитировали за расширение полномочий государства в экономической и политической областях. В 1990-е годы большая часть представителей этой группы находилась в умеренной оппозиции к президенту Борису Ельцину и формируемым им правительствам. Исключение составляли разные вариации «партии власти», которые, с одной стороны, создавались для поддержки исполнительных органов, а с другой, по своим программным установкам были ближе к центристам, нежели к либеральным реформистам. В 2000-е годы центристы исчезли как самостоятельное течение, растворившись в «партии власти». Тематика советского прошлого представителей указанной группы интересовала мало, а их позиции по конкретным вопросам определялись в основном конъюнктурой.

Группу «государственники и националисты» составили партии и организации, отстаивавшие приоритет интересов государства (нации) перед правами отдельного индивида. В экономической сфере они придерживались умеренно антирыночных позиций, не испытывая вместе с тем особого пиетета к советским хозяйственным практикам и считая целесообразным заимствование из них лишь отдельных элементов. Общим и главным для этой группы была приверженность жесткой внешней политике, особенно на постсоветском пространстве — здесь ее представители претендовали на статус защитников прав «соотечественников», под которыми понималось русское и русскоязычное население бывших советских республик. Сколько-нибудь выраженного единства по поводу советского прошлого в данной группе не прослеживалось: одни высказывались в адрес советской модели скорее критически, другие, напротив, не без симпатии. Однако всех их объединяло подчеркивание преемственности между Российской империей, СССР и Российской Федерацией.

Наконец, группа «социал-популисты» — это партии и организации, фокусировавшие внимание на необходимости скорейшего решения острых социальных проблем, причем любыми способами. Вопросы экономики и политического устройства играли в их риторике подчиненную роль; декларировалась готовность пожертвовать любыми

экономическими и политическими моделями ради достижения провозглашаемых целей. Предпочтение при этом отдавалось популистским лозунгам и рецептам. Единства в отношении советского прошлого в этой группе тоже не наблюдалось, да и сама эта тематика была глубоко периферийной.

Отнесенные к указанным семьям партии придерживались достаточно близких позиций по отношению к советскому прошлому. Когда расхождения все-таки имели место, для каждой избирательной кампании выводилась средняя оценка с учетом политического веса участников, вычисляемого в соответствии с числом полученных на выборах голосов.

Что же касается случаев (вопросов), то их число было увеличено путем разведения данных по разным избирательным кампаниям. В связи с тем, что дополнительное измерение в пространстве дискуссии по вопросам советского прошлого появилось только в 2016 г., постсоветский период был разбит на два этапа — 1993—2011 и 2016—2021 гг., а позиции идейно-политических семей фиксировались по каждой кампании. Тем самым было обеспечено условие, необходимое для надежности результатов факторного анализа: число случаев (вопросов) превосходит число переменных (партий) в несколько раз.

**Анализ
пространства
межпартийной
дискуссии
по вопросам
советского
прошлого**

Прежде всего определимся с распределением основных участников выборов 1993—2021 гг. по перечисленным выше идейно-политическим семьям. Их типология представлена в *табл. 1*.

Более или менее устойчивые позиции по вопросам советского прошлого занимали только две семьи — коммунисты и либералы. У остальных они колебались, в том числе из-за смены участников, изменения конъюнктуры и просто импровизаций главных спикеров — например, Владимир Жириновский в ходе одного выступления мог несколько раз развернуться на 180 градусов.

Впрочем, вплоть до 2011 г. это действительно были скорее колебания, тем более что в избирательных кампаниях 1993—2011 гг. тематика советского прошлого всплывала нечасто. Всего за это время дискуссии велись примерно по восьми вопросам, однако с учетом количества кампаний, в ходе которых они поднимались, число случаев возрастает до 19, что дает хорошую пропорцию между случаями и переменными (см. *табл. 2*).

Факторный анализ позиций различных идейно-политических семей по вопросам советского прошлого выявил два основных размежевания: 1) между коммунистами и антикоммунистами (прежде всего либералами); 2) между правыми и левыми популистами (государственниками и националистами, с одной стороны, и социал-популистами, с другой). Причем доминирование первого размежевания над вторым было безусловным — 61,92 против 22,42% объясненной дисперсии (см. *табл. 3*).

Таблица 1 Участники избирательных кампаний 1993–2021 гг. по основным идейно-политическим семьям (начало)

	<i>Коммунисты и их сателлиты</i>	<i>Либералы</i>	<i>«Партия власти» и центристы</i>	<i>Государственники и националисты</i>	<i>Социал-популисты</i>
1993	КПРФ; Аграрная партия России	«Выбор России»; «Яблоко»; Российское движение демократических реформ	Партия российского единства и согласия; Демократическая партия России; «Женщины России»; «Гражданский союз»; Конструктивно-экологическое движение России «КЕДР»; «Будущее России — Новые имена»	ЛДПР	«Достоинство и милосердие»
1995	КПРФ; «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз»; Аграрная партия России; «Власть — народу!»	«Яблоко»; «Демократический выбор России — Объединенные демократы»; «Вперед, Россия!»; Памфилова — Гуров — Лысенко (РПРФ)	«Наш дом — Россия»; Блок Ивана Рыбкина; «Женщины России»; «Профсоюзы и промышленники России — Союз труда»; Российская экологическая партия «Зеленые»	ЛДПР; «Конгресс русских общин»; Социально-патриотическое движение «Держава»	Партия самоуправления трудящихся
1999	КПРФ; «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз»	Союз правых сил; «Яблоко»	«Единство»; «Отечество — Вся Россия»; «Наш дом — Россия»; «Женщины России»	Блок Жириновского	Партия пенсионеров
2003	КПРФ	«Яблоко»; Союз правых сил	«Единая Россия»; Народная партия РФ	ЛДПР; «Родина»	Аграрная партия России; Российская партия пенсионеров — Партия социальной справедливости; Партия возрождения России — Российская партия жизни; Концептуальная партия «Единение»

Таблица 1 Участники избирательных кампаний 1993–2021 гг. по основным идейно-политическим семьям (окончание)

	<i>Коммунисты и их сателлиты</i>	<i>Либералы</i>	<i>«Партия власти» и центристы</i>	<i>Государственники и националисты</i>	<i>Социал-популисты</i>
2007	КПРФ	«Яблоко»; Союз правых сил; «Гражданская сила»; Демократическая партия России	«Единая Россия»; Аграрная партия России	ЛДПР	«Справедливая Россия»; «Патриоты России»; Партия социальной справедливости
2011	КПРФ	«Яблоко»; «Правое дело»	«Единая Россия»	ЛДПР	«Справедливая Россия»; «Патриоты России»
2016	КПРФ; «Коммунисты России»	«Яблоко»; Партия народной свободы; Партия роста; «Гражданская платформа»; «Гражданская сила»	«Единая Россия»; Российская экологическая партия «Зеленые»	ЛДПР; «Родина»	«Справедливая Россия»; «Патриоты России»; Российская партия пенсионеров за справедливость
2021	КПРФ; «Коммунисты России»	«Яблоко»; «Новые люди»; Партия роста; «Гражданская платформа»	«Единая Россия»; Российская экологическая партия «Зеленые»	ЛДПР; «Родина»	«Справедливая Россия — Патриоты — За Правду»; Российская партия пенсионеров за социальную справедливость; Российская партия свободы и справедливости

Таблица 2 Позиции идейно-политических семей по вопросам советского прошлого в ходе думских кампаний 1993–2011 гг. (с факторными оценками вопросов)

	Коммунисты и их семьи	Либералы	«Партия власти» и центристы	Государственники и националисты	Социал-популисты	Фактор-1 Коммунисты — антикоммунисты	Фактор-2 Правые — левые популисты
Отношение к советскому прошлому (1993)	4	-5	-2	-3	0	-0,194	0,322
Отношение к советскому прошлому (1995)	4	-5	-2	-3	-3	-0,250	-1,182
Отношение к советскому прошлому (1999)	5	-5	-2	-5	3	-0,338	2,059
Отношение к советскому прошлому (2003)	5	-5	-2	-1	0	-0,148	0,080
Отношение к советскому прошлому (2007)	3	-5	-4	-2	1	-0,317	0,595
Отношение к советскому прошлому (2011)	5	-5	-3	-4	1	-0,454	0,879
Отношение к распаду СССР (1993)	-4	1	-2	-4	0	0,860	0,569
Восстановление СССР (1995)	5	-5	-3	-2	-1	-0,368	-0,361
Восстановление СССР (1999)	4	-5	-4	4	-3	-0,099	-2,128
Отношение к СССР (2007)	5	-4	-3	-4	1	-0,371	0,894
Восстановление советской власти (1995)	5	-5	-4	-4	-2	-0,651	-0,683
Восстановление советской власти (1999)	4	-5	-5	-5	-3	-0,795	-1,119
Восстановление советской власти (2003)	5	-5	-5	-5	-3	-0,872	-1,124
Перезахоронение тела Ленина (1999)	-5	4	0	5	0	2,024	-0,334
Перезахоронение тела Ленина (2007)	-5	5	3	5	-1	2,509	-0,648
Отношение к Сталину (1999)	5	-5	-4	-5	0	-0,675	0,439
Отношение к Сталину (2007)	5	-5	-4	-5	-1	-0,694	-0,063
Отношение к событиям августа 1991 г. (1999)	-5	5	1	-5	0	1,630	0,924
Отношение к Октябрю 1917 г. (2007)	5	-5	-5	-5	1	-0,797	0,882

Таблица 3 Факторы размежевания по вопросам советского прошлого между идейно-политическими семьями в думских кампаниях 1993–2011 гг.

Variable	Factor Loadings (Unrotated) Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000)	
	Factor 1	Factor 2
Коммунисты и их сателлиты	-0,945	-0,023
Либералы	0,960	0,061
«Партия власти» и центристы	0,918	0,137
Государственники и националисты	0,654	-0,455
Социал-популисты	0,098	0,944
Expl.Var	3,096	1,121
Prp.Totl	61,92%	22,42%

Судя по максимальным модульным значениям факторных оценок (см. *табл. 2*), наибольший раскол между коммунистами и либералами вызывало отношение к перезахоронению тела Ленина и событиям августа 1991 г., а между правыми (государственниками и националистами) и левыми популистами — отношение к советскому прошлому и необходимости восстановления СССР (1999 г.).

В 2016–2021 гг. ситуация существенно изменилась: на первое место выдвинулось противостояние между либералами и всеми остальными идейно-политическими семьями; размежевание между коммунистами и антикоммунистами отошло на второй план с большим отрывом от лидера — 29,54 против 52,25% объясненной дисперсии (см. *табл. 4*).

Главными пунктами расхождения между либералами и всеми остальными были отношение к перестройке, Горбачеву и разрушению СССР, недопустимость отождествления коммунистических и фашистских режимов, «фальсификация истории Западом», преемственность РФ по отношению к СССР. Применительно к коммунистам и антикоммунистам такими пунктами были восстановление памятника Дзержинскому, переименование Волгограда в Сталинград, отношение к Октябрю 1917 г., увековечение памяти Сталина, перезахоронение тела Ленина, отношение к празднику День России, смена географических названий, связанных с советским прошлым (см. *табл. 5*).

Таким образом, можно констатировать, что начатый в 2012–2013 гг. «партией власти» перехват левой повестки значительно реструктурировал пространство межпартийной дискуссии по вопросам совет-

Таблица 4 Факторы размежевания по вопросам советского прошлого между идейно-политическими семьями в думских кампаниях 2016–2021 гг.

<i>Variable</i>	<i>Factor Loadings (Unrotated)</i> <i>Extraction:</i> <i>Principal components</i> <i>(Marked loadings are >0,700000)</i>	
	<i>Factor 1</i>	<i>Factor 2</i>
Коммунисты и их сателлиты	0,794	-0,596
Либералы	-0,772	0,626
«Партия власти» и центристы	0,645	0,510
Государственники и националисты	0,595	0,585
Социал-популисты	0,784	0,357
Expl.Var	2,612	1,477
Prp.Totl	52,25%	29,54%

ского прошлого. Если прежде доминировало противостояние коммунистов и антикоммунистов («коммунисты против всех»), то теперь на роль доминирующего выдвинулось противостояние «все против либералов».

Разумеется, в большинстве избирательных кампаний тематика советского прошлого не присутствовала в дискуссии в четко оформленном виде и заходила в политическую повестку «боком». Интерес к ней то оживлялся, то падал, чаще всего он был не явным, а фоновым, описанные же выше идейно-политические семьи на деле были довольно размытыми и неустойчивыми из-за нетвердости и неоднозначности позиций некоторых их членов. Но все это по меньшей мере не противоречит гипотезе, согласно которой советское прошлое гораздо успешнее раскалывало постсоветское общество, когда присутствовало в массовом политическом сознании в фоновом режиме, в качестве мифа. Стоило ему эксплицироваться, превратиться из мифа в повестку, и противостояние между адептами и критиками советского прошлого отошло на второй план, выступив в качестве прикрытия для другой мифологии, которую можно обозначить как имперско-патриотическую.

Эта мифология местами просвечивала и сквозь советскую, но критические удары, наносимые по последней, не приносили ей особого ущерба. Да и те, что доставались имперско-патриотическим мифам, большей частью принимала на себя ЛДПР, тогда как эксплуатировавшая советскую повестку власть получала от этого маневра максимум выгоды и минимум издержек.

Таблица 5 Позиции идейно-политических семей по вопросам советского прошлого в ходе думских кампаний 2016–2021 гг. (с факторными оценками вопросов)

	Коммунисты и их сателлиты	Либералы	«Партия власти» и центры	Государственные и националисты	Социал-популисты	Фактор 1 Либералы — консерваторы	Фактор 2 Коммунисты — антикоммунисты
Отношение к советскому прошлому (2016)	5	-5	0	-3	-2	-0,049	-1,057
Отношение к советскому прошлому (2021)	5	-5	2	-3	2	0,708	-0,335
Отношение к Сталину (2021)	5	-5	1	-3	1	0,472	-0,582
Отношение к Октябрю 1917 г. (2016)	5	-5	-4	-4	3	0,223	-1,117
Отношение к Октябрю 1917 г. (2021)	5	-5	-2	-4	-1	-0,155	-1,309
Увековечение памяти Сталина (2016)	5	-5	-2	-3	0	0,045	-1,093
Увековечение памяти Сталина (2021)	5	-5	-1	-2	1	0,341	-0,745
Отношение к разрушению СССР (2016)	-5	2	-1	-5	-1	-1,220	0,232
Отношение к разрушению СССР (2021)	-5	1	-4	-5	-3	-1,721	-0,490
Смена советских названий (2016)	-5	4	-3	3	1	-0,789	1,202
Смена советских названий (2021)	-5	5	-1	3	-2	-1,092	1,220
Отношение к Ленину (2016)	5	-5	-2	-2	1	0,246	-0,877
Отношение к Ленину (2021)	5	-5	-1	-3	1	0,282	-0,847
Недопустимость отождествления коммунистических и фашистских режимов (2016)	5	-5	5	4	1	1,261	0,662

Недопустимость огудного осуждения коммунистических и фашистских режимов (2021)	5	-5	5	5	5	5	5	1,888	1,220
Переименование Волгограда в Сталинград (2016)	5	-5	-3	-4	0	-0,108	-1,328		
Переименование Волгограда в Сталинград (2021)	5	-5	-1	4	1	0,693	-0,133		
Восстановление памятника Дзержинскому (2016)	5	-5	-2	-4	-2	-0,297	-1,424		
Восстановление памятника Дзержинскому (2021)	5	-5	-1	-1	2	0,541	-0,528		
Отношение к перестройке (2016)	-5	5	1	-5	-2	-1,372	0,669		
Отношение к перестройке (2021)	-5	5	-1	-5	-1	-1,419	0,518		
Фальсификация истории Западом (2021)	5	-5	5	5	4	1,746	1,106		
Отношение к Горбачеву (2021)	-5	5	-1	-5	-3	-1,703	0,290		
Преемственность РФ по отношению к СССР (2021)	5	-5	4	5	4	1,651	0,974		
Отношение к пакту Молотова—Риббентропа (2021)	5	-5	-1	3	0	0,492	-0,349		
Отношение к празднику День России (2021)	-5	4	3	3	4	0,205	2,339		
Перезахоронение тела Ленина (2021)	-5	5	-1	4	1	-0,607	1,664		
Отношение к ГКЧП (2016)	5	-5	-2	4	-1	0,314	-0,494		
Отношение к ГКЧП (2021)	5	-5	-1	5	1	0,751	-0,031		
Принятие закона об ответственности за пропаганду сталинизма (2016)	-5	5	-4	-1	0	-1,327	0,643		

Заключение

В политическом сообществе широко распространено мнение, что у нынешней власти нет идеологии. Даже если понимать под этим отсутствием определенного проекта развития страны хоть с каким-то теоретическим обоснованием, данное утверждение не вполне истинно, в том числе и по формальным критериям. Государственные мужи и «партия власти» во множестве производят документы, претендующие на соответствующий статус (другое дело, что даже разработчики этих документов прекрасно отдают себе отчет в их пустопорожности).

Тем более неправильно говорить о безыдейности власти, если видеть в идеологии прежде всего мифологию. Как мы попытались показать выше, мифы наиболее действенны, когда остаются имплицитными. Стоит их эксплицировать, и они, открываясь для критики, заметно теряют в убедительности для значительной части аудитории.

На протяжении почти всего постсоветского периода тема советского прошлого присутствовала в межпартийной дискуссии фрагментарно, в фоновом режиме, и сводилась в основном к противостоянию между коммунистами и остальной частью политического спектра («коммунисты против всех»). Тем не менее это противостояние оказывало существенное влияние на массовое политическое сознание. В 1990-х годах оно фактически занимало первую позицию, затем отошло на второе место.

С 2010-х годов на смену этому противостоянию пришло другое — «все против либералов», проявившееся и в ходе дискуссии по вопросам советского прошлого. Данное противостояние несло отпечаток иной мифологии — имперско-патриотической. Но эта мифология была слабо эксплицирована и на уровне политической повестки как щитом прикрывалась дискуссией относительно советского прошлого. Анализ этой повестки все так же отдает главную роль противостоянию между коммунистами и антикоммунистами (либералами), отводя второстепенную особую позицию ЛДПР, являвшейся наиболее крикливым носителем имперско-патриотической идеологии. Однако если абстрагироваться от деталей (путем объединения отдельных участников в крупные идейно-политические семьи), обнаруживается, что во второй половине 2010-х годов имперская и советская мифология, по сути, поменялись местами и вторая фактически прикрывала собою первую от внешней критики.

В какой-то мере это можно считать результатом тактики власти, предпочитавшей не ввязываться в открытые идеологические дискуссии, а действовать из-за кулис, выставляя на ринг других: коммунистов — за советскую мифологию, жириновцев — за имперскую. Это позволяло эксплуатировать ту и другую, не неся особых издержек. Критика советской мифологии была прежде всего по коммунистам, критика имперской — по ЛДПР. При этом, как показывает опыт кампании 2021 г., в качестве такого прикрытия власть предпочитала использовать именно советскую мифологию, а не более близкую ей имперскую.

Раздающиеся в последние два года призывы отвергнуть зафиксированный в Конституции отказ от государственной идеологии и закре-

пить в качестве таковой «патриотическую» или «консервативную» исходят в основном от второразрядных политических акторов вроде «Справедливой России — За Правду», Российской партии пенсионеров или «Родины». Сама власть этим призывам следовать не спешит. Возможно, именно потому, что осознает риски экспликации симпатичных ей мифов. Для нее безопаснее не делать из этих мифов догматы, а проводить их контрабандой, под видом критики либерализма и «коллективно-го Запада».

Впрочем, ситуация изменилась настолько, что превращение означенной мифологии в официальную идеологию стало почти неизбежным. Как это произойдет, мы узнаем, наверно, уже скоро.

Библиография

Гигаури Д.И. и В.А.Гуторов. (2017) «Политический миф в структуре исторической памяти» // *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*, № 2: 24—45. URL: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/8245/> (проверено 14.03.2024).

Гончарик А.А. (2009) «Понятие мифа и его применение в исследованиях политики» // *Политическая наука*, № 4: 79—87.

Коргунюк Ю.Г. (2023) «Тематика советского прошлого в избирательных кампаниях постсоветской России» // *Полития*, № 1 (108): 88—125. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-88-125.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-88-125.pdf) (проверено 14.03.2024).

Лосев А.Ф. (2001) *Диалектика мифа*. М.: Мысль.

Малинова О.Ю. (2015) «Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилок» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 12—21. URL: https://mgimo.ru/files2/2015_07/up52/file_1461603bd457f1471ea69595901334ed.pdf (проверено 14.03.2024).

Мелетинский Е.М. (2008) «Миф и двадцатый век» // Мелетинский Е.М. *Избранные статьи. Воспоминания*. М.: РГГУ: 419—426.

Неклюдов С.Ю. (2000) «Структура и функция мифа» // Аймермахер К., Ф.Бомсдорф и Г.А.Бордюгова, ред. *Мифы и мифология в современной России*. М.: АИРО-XX: 17—38. URL: <https://web.archive.org/web/20211130141643/http://philologos.narod.ru/myth/nekludov.htm> (проверено 14.03.2024).

Топорков А.Л. (2003) *Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие*. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (проверено 14.03.2024).

Шестов Н.И. (2005) *Политический миф теперь и прежде*. М.: ОЛМА-ПРЕСС. URL: <https://dokumen.tips/documents/-557206ff497959fc0b8ba07a.html?page=4> (проверено 14.03.2024).

Bell D. (2003) «Mythscape: Memory, Mythology, and National Identity» // *British Journal of Sociology*, vol. 54, no. 1: 63—81.

Bottici C. and B.Challand. (2006) «Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-fulfilling Prophecy» // *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no. 3: 315—336.

Gel'man V. and A.Obydenkova. (2024) «The Invention of Legacy. Strategic Uses of a „Good Soviet Union“ in Elite Policy Preferences and Film-making in Russia» // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 57, no. 1: 1–24.

ПОЛИТИКА

Yu.G.Korgunyk THE SOVIET PAST AS MYTH AND AGENDA

Yury G. Korgunyk — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Political Science Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS).
E-mail: partinform@mail.ru.

Abstract. The article attempts to look at the theme of the Soviet past through the lenses of the political myth making. According to the starting premise of the study, any ideology from the point of view of mass consciousness is first and foremost a set of myths. At the same time, the article assumes that myths are most effective when they remain implicit and impact mass consciousness by implication, rather than directly. When explicated, myths are subject to intensive criticism and become less persuasive for a significant part of the audience.

The author states that during almost the whole post-Soviet period, the topic of the Soviet past was present in the inter-party discussion more in the background and therefore acted mainly like mythology. The discussion around it largely resulted in the confrontation between the communists and the rest of the political spectrum (“communists against everyone”). In 1993–2003, that confrontation had a significant impact on mass political consciousness and occupied at least second place in its importance.

Since the 2010s, this confrontation has been replaced by another one e.g., “everyone against the liberals”, which also manifested in the discussion on the issues of the Soviet past. Bearing the imprint of the imperial-patriotic mythology, the new confrontation was not clearly explicit, and at the level of the political agenda it was camouflaged by the theme of the Soviet past. The transformation of the latter from a “myth” into an “agenda” put Soviet mythology under the fire of criticism, diverting attention from the imperial-patriotic mythology.

Keywords: political myths, Soviet past, political agenda, factor analysis, election campaigns

References

- Bell D. (2003) “Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity” // *British Journal of Sociology*, vol. 54, no. 1: 63–81.
- Bottici C. and B.Challand. (2006) “Rethinking Political Myth: The Clash of Civilizations as a Self-fulfilling Prophecy” // *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no. 3: 315–336.
- Gel'man V. and A.Obydenkova. (2024) “The Invention of Legacy. Strategic Uses of a „Good Soviet Union“ in Elite Policy Preferences and Film-making in Russia” // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 57, no. 1: 1–24.
- Gigauri D.I. and V.A.Gutorov. (2017) “Politicheskij mif v strukture istoricheskoj pamjati” [Political Myth in the Structure of Historical Memory] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Ser. 12: Political Science], no. 2: 24–45. URL: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/8245/> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Goncharik A.A. (2009) “Ponjatie mifa i ego primenenie v issledovani-jakh politiki” [The Concept of Myth and Its Application in Political Studies] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 4: 79–87. (In Russ.)
- Korgunyuk Yu.G. (2023) “Tematika sovetskogo proshlogo v izbiratel'nykh kampanijakh postsovetskoj Rossii” [The Soviet Past Theme in the Electoral Campaigns in Post-Soviet Russia] // *Politeia*, no. 1 (108): 88–125. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-88-125.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-88-125.pdf) (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Losev A.F. (2001) *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. (2015) “Mif kak kategorija simvolicheskoi politiki: analiz teoreticheskikh razvilok” [Myth as a Category of Symbolic Politics: Analysis of Theoretical Junctions] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 12–21. URL: https://mgimo.ru/files2/2015_07/up52/file_1461603bd457f1471ea69595901334ed.pdf (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Meletinsky E.M. (2008) “Mif i dvadtsat' vek” [Myth and the Twentieth Century] // Meletinsky E.M. *Izbrannye stat'i. Vospominanija* [Selected Articles. Memories]. Moscow: RGGU: 419–426. (In Russ.)
- Neklyudov S.Yu. (2000) “Struktura i funktsija mifa” [The Structure and Function of Myth] // Eimermacher K., F.Bomsdorf, and G.A.Bordyugova, eds. *Mify i mifologija v sovremennoj Rossii* [Myths and Mythology in Modern Russia]. Moscow: AIRO-XX: 17–38. URL: <https://web.archive.org/web/20211130141643/http://philologos.narod.ru/myth/nekludov.htm> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Shestov N.I. (2005) *Politicheskij mif teper' i prezhdje* [Political Myth Now and Before]. Moscow: OLMA-PRESS. URL: <https://dokumen.tips/documents/-557206ff497959fc0b8ba07a.html?page=4> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)
- Toporkov A.L. (2003) *Mify i mifologija 20 veka: traditsija i sovremennoe vosprijatie* [Myths and Mythology of the 20th Century: Tradition and Modern Perception]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (accessed on 14.03.2024). (In Russ.)

ПОЛИТИЯ

И.А.Помигуев, Д.В.Алексеев
**ГОСУДАРСТВО КАК ЦЕННОСТЬ:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО
В РЕЧАХ РОССИЙСКИХ
ПАРЛАМЕНТАРИЕВ¹**

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта № 123091200064-6 «Ценностные аспекты образа будущего России в риторике депутатов Госдумы: опыт дискурсивного сетевого анализа», поддержанного ЭИСИ и Министерством науки и высшего образования РФ.

Илья Александрович Помигуев — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН. Для связи с автором: pomilya@mail.ru.

Дмитрий Владимирович Алексеев — младший сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН; преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Для связи с автором: mityaalexeev@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению репрезентации государства как ценности в речах депутатов Государственной Думы с точки зрения образа будущего России. В качестве отправной точки авторы использовали модель пентабазиса, где образ будущего представлен в виде пяти элементов, одним из которых является государство, интерпретируемое через доверие к политическим институтам. Теоретической основой исследования послужила концепция Стейна Роккана и его последователей, согласно которой формирование государства предполагает выстраивание социокультурных границ, обозначающих принадлежность к политическому сообществу, а его эмпирической базой — стенограммы выступлений депутатов по актуальным социально-экономическим, политическим и иным вопросам на пленарных заседаниях Госдумы VII—VIII созывов. Исследование осуществлялось методом дискурс-анализа.

Полученные авторами результаты отчетливо демонстрируют серьезную озабоченность отечественных парламентариев проблемой доверия. Хотя решения по наиболее принципиальным вопросам принимаются консенсусом, депутаты ощущают дефицит доверия у отдельных групп населения, что требует от них дополнительных усилий по обоснованию своих инициатив. К числу тем, к которым они чаще всего обращаются, можно отнести социальное государство, отношения «центр — регионы», экономическое развитие. При этом они редко напрямую касаются перспектив отечественных по-

литических институтов, а также темы образа будущего в целом, что может быть связано как с дефицитом стратегических идей, так и с внешними ограничителями парламентского дискурса.

Ключевые слова: образ будущего, государство, дискурс-анализ, Государственная Дума, парламентский дискурс

Образ будущего России все чаще оказывается в фокусе внимания отечественных политиков. В 2021 г. на съезде «Единой России» президент Российской Федерации Владимир Путин заявил, что образом будущего страны должна быть большая и крепкая семья², а два года спустя на форуме «Территория смыслов» развернулась целая дискуссия по этому поводу с участием лидеров парламентских фракций. Современные политические силы несколько по-разному видят будущее России: в частности, справедливоросс Сергей Миронов говорит о построении «СССР 2.0», а руководитель фракции «Новые люди» Алексей Нечаев делает упор на превращении ее в страну с привлекательным имиджем³. В то же время все они признают высокую роль государства в конструировании образа будущего. Характеризуя существующую на сегодняшний день палитру мнений, глава ВЦИОМа Валерий Федоров выделяет четыре образа страны: «комфортная Россия», «техно-гаджет-будущее», «великая Россия» и «справедливая Россия». По его оценке, в совокупности их можно интерпретировать как «Советы без коммунистов»⁴.

Повышенное внимание к теме образа будущего заметно и в отечественной научной литературе. Этот образ рассматривается как определенная стратегия или модель развития страны⁵; как консолидирующее ядро, позволяющее поддерживать стабильность и сплоченность общества⁶; как цели и ценности, отраженные в повестке и выступающие своеобразным показателем уровня общественной консолидации⁷. При этом практически во всех случаях ключевое место в нем опять же отводится государству⁸.

Наиболее структурированная версия государственно-фреймированного видения образа будущего и путей его конструирования представлена в модели пентабазиса, предложенной группой авторов во главе с начальником Управления президента РФ по обеспечению деятельности Госсовета Александром Харичевым, отталкивавшихся в своих построениях от взгляда на Россию как на «многокультурное общество, где возможности самобытного развития каждого народа сочетаются с прочным единством всей страны»⁹. По сути, модель состоит из пяти «мировоззренческих» элементов: человек (созидание) — страна (патриотизм) — семья (традиции) — государство (доверие к институтам) — общество (согласие)¹⁰. Примечательно, что большая часть работы, где изложена данная модель, посвящена осмыслению роли именно государства (в том числе при рассмотрении метафор образа будущего России).

² Путин 2021.

³ Что политики говорили 2023.

⁴ Глава ВЦИОМа 2023.

⁵ Желтикова 2021: 11.

⁶ Савельева 2020.

⁷ Глухова (ред.) 2020: 4.

⁸ Подробнее см. Помигуев и Прокопчук 2025.

⁹ Чернов 2023.

¹⁰ Харичев и др. 2022.

Признавая за теоретической моделью пентабазиса серьезный эвристический потенциал, мы использовали ее в качестве отправной точки своего исследования. Его предметом стала репрезентация государства как ценности в речах депутатов Государственной Думы с точки зрения образа будущего России. Сходятся ли представители разных парламентских партий в своих взглядах на государство, его функции и роль с создателями модели пентабазиса? Какими смыслами наполняется это понятие в парламентском дискурсе? Однако прежде чем пытаться ответить на эти вопросы, обратимся к самому концепту «образ будущего».

Теоретические аспекты концепта «образ будущего» сквозь призму формирования государства/нации

Теоретической основой нашего исследования выступает концепция Стейна Роккана¹¹ и его последователей¹², согласно которой построение государства предполагает выстраивание социокультурных («членских») границ, обозначающих принадлежность акторов к политическому сообществу, которые играют даже большую роль, чем территориальные. Другими словами, если следовать идеям Роккана, государственное строительство тесно связано с формированием нации. По сути, речь идет о двуедином процессе — образовании политического сообщества в границах определенной территории и идентификации национального правительства в качестве представляющего это общество¹³.

Добавим, что контуры национальной идентичности и наций как таковых складываются посредством выбора между конкурирующими трактовками национальной общности, которые могут базироваться на гражданских, государственных, религиозных, этнических и иных основаниях. Условно эти трактовки можно подразделить на государственно-фреймированные и контргосударственные. Именно на них и строится «точка-зрения-на-мир», определяющая понятие нации¹⁴.

Сужение возможностей «выхода» акторов за пределы государства способствует выработке механизмов структурирования территориальной политики и легитимации центральной иерархии¹⁵, в свою очередь усиливающих контроль над границами — как территориальными, так и социокультурными. В итоге властные институты добиваются «согласия граждан по важным „устанавливающим“ вопросам (природа государства, критерии членства в нации, права и статус членов политического сообщества) и его закрепления в формальных нормах и правилах»¹⁶.

Существенную роль в формировании и укреплении политических и социокультурных границ способны сыграть институты, обеспечивающие идентификацию, социализацию и участие населения в политической жизни¹⁷. И поскольку одно из ключевых мест среди таких институтов занимает парламент, репрезентация государства как ценности в речах парламентариев может дать ключ к постижению сути и смысла государственно-фреймированной трактовки государства/нации.

¹¹ Rokkan 1987.

¹² См., напр. Saratani 2004.

¹³ Rae 2002.

¹⁴ Брубейкер 2012.

¹⁵ Bartolini 2005: 29.

¹⁶ Мелешкина 2012: 40.

¹⁷ Там же: 38.

В этом плане особого внимания заслуживает формулирование депутатами образа будущего, который в социокультурном разрезе представляет собой систему ценностей, обычаев и стереотипов, присутствующих в менталитете народа. Соответственно, народные избранники могут рассматриваться как проводники этих ценностей, обычаев и стереотипов, агрегирующие и артикулирующие их в публичном политическом пространстве.

Обозначенный выше подход доминировал в русской философии, из него исходили такие писатели и мыслители, как Федор Достоевский, Николай Данилевский, Иван Ильин, Николай Бердяев и др. Многие из них отмечали противоречивость будущего страны, проистекающую из диалектики русской души. С одной стороны, русским людям присуще стремление к простору и свободе, с другой — пиетет к государству как к чему-то сильному, гораздо большему, чем человек. Весьма показательны в этом отношении две характеристики России, данные в свое время Бердяевым: «Россия — страна бесконечной свободы и духовной дали, государство стихийно-страшное и мятежное»¹⁸ и «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, истине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью»¹⁹.

¹⁸ Бердяев 2023: 16.

¹⁹ Там же: 11.

Подобная двойственность наложила отпечаток и на последующий поиск и рассмотрение образа будущего в отечественной философской мысли. Так, в тексте Григория Померанца «Корни будущего» делается акцент на достоинстве и защите личности как главных политических идеях России²⁰. При этом философ не видит противоречия между центральным положением личности и державностью как судьбою страны. В этой точке и соединяются государственное и личностное измерения: первое стоит на страже второго.

²⁰ Померанц 1993.

Определенной идеологической новацией в тексте Померанца можно считать тезис о вписанности России в глобальный мир: «Судьба России как великой державы — действовать в глобальных масштабах, рассматривать глобальные интересы человечества как свои собственные и не противопоставлять национальное вселенскому»²¹. И хотя подобные рассуждения, безусловно, отражают конкретный временной контекст (статья написана в 1993 г.), нельзя исключить, что в дальнейшем они вновь станут релевантными.

²¹ Там же.

Во многом соглашался с Померанцем и Михаил Гефтер, воспринимавший исторический путь России как череду развилочек. Ставя во главу угла возвращение человеку достоинства при сохранении единства страны и народа, он связывал силу и будущее российского народа именно с его многообразием, с интеграцией «российских стран в пределах новой России»²². Забегая вперед, отметим, что мотив России как «семьи народов» нередко возникает в российской политике, в том числе в парламентском дискурсе. О том, что такая конструкция выступает одной

²² Гефтер 2000.

из государственных скреп, свидетельствует, в частности, структура курсов «Основы российской государственности», а также обращение к ней в цикле уроков «Разговоры о важном».

Аналогичная «диалектика» просматривается и в трудах ряда западных российских философов, например Владимира Библихина. De facto не рассматривая культуру и будущее России в отрыве от Запада, он вместе с тем говорит о «полярной разности» наших миров, причем проводит разделение как раз по линии «государственное» (общинность) и «личностное» (индивидуализм)²³.

²³ Библихин 2000: 81—85.

Другими словами, вот уже несколько веков в российской мысли не утихают дискуссии вокруг образа будущего. Как следствие, этот концепт остается размытым и неопределенным, в том числе в публичном политическом поле. С уверенностью можно сказать лишь одно: даже если образ будущего сильно связан с прошлым, он по определению устремлен вперед — в то время (а иногда и пространство), которое еще не наступило.

Методика исследования

Для изучения образа будущего в дискурсе российских парламентариев нами была разработана специальная методика. Как уже отмечалось, в качестве точки отсчета была взята модель пентабазиса. Каждая грань пентабазиса анализировалась отдельно и раскладывалась на определенные категории, а в некоторых случаях и на подкатегории. Вместе с тем в центре нашего внимания находилась категория «государство» как ценность (точнее, ее отражение в речах депутатов Государственной Думы). При этом, подобно авторам модели пентабазиса, мы исходили из того, что смысловым наполнением уровня «государство» выступает доверие к политическим институтам.

Эмпирической базой исследования послужили стенограммы выступлений депутатов на пленарных заседаниях Госдумы VII—VIII созывов по социально-экономическим, политическим и иным вопросам. Как правило, такие выступления предваряют рассмотрение законопроектов, что открывает перед фракциями значительную свободу в выборе тем. При выделении конкретных категорий, в соответствии с которыми кодировался корпус речей парламентариев, учитывался также временной контекст. В период работы Государственной Думы указанных созывов произошло немало значимых событий: повышение пенсионного возраста, проведение в России чемпионата мира по футболу, пандемия COVID-19, начало специальной военной операции (СВО) и др. Все они наложили отпечаток на повестку дня парламента и, соответственно, на речи парламентариев.

Говоря о конкретных параметрах кодировки, отметим, что категории определяют наиболее общие параметры уровня пентабазиса «государство», а субкатегории являются инструментами уточнения в рамках выделенных категорий. Введение субкатегорий необходимо для фиксации смысловых оттенков и более глубокого анализа тем и смыслов,

которые содержат речи парламентариев. Полный перечень категорий и субкатегорий, в соответствии с которыми кодировался корпус выступлений депутатов по грани пентабазиса «государство», представлен в *табл. 1*.

В рамках сформированной системы категорий и субкатегорий вместо традиционной дихотомии «авторитарный — демократический» были задействованы категории «государственнических» и «демократических» ценностей. Выделение категории «доверие» обусловлено не только априорной важностью последнего, но и параметрами пентабазиса, где развитие государственных институтов напрямую увязано с ростом доверия между обществом, государством и бизнесом.

Категория «сбалансированное развитие» охватывает аргументы и темы, связанные с поступательным движением, а также с учетом точек зрения различных политических акторов. К категории «некомпетентность власти» отнесен весь пласт критических замечаний, которые по большей части направлены в сторону исполнительных органов.

Применительно к субкатегориям особого внимания заслуживает их довольно тесное переплетение. Нередки случаи, когда тезисы, содержащиеся на первый взгляд несочетаемые субкатегории, встречаются в одном и том же выступлении.

Исследование проводилось инструментами дискурс-анализа. Вместе с тем его логика близка к контент-анализу с той оговоркой, что категории и субкатегории служили отправной точкой систематизации и постижения смыслов и содержания речей парламентариев.

Технически анализ осуществлялся с помощью специализированной программы DNA²⁴, позволяющей загружать большое количество стенограмм, а потом кодировать их по категориям и субкатегориям, а также фиксировать принадлежность спикера к фракции и идентифицировать его личность. Важным достоинством программы является возможность выгружать данные в Excel. Это позволяет не только оценить степень представленности категорий и субкатегорий в парламентском дискурсе, но и понять, какие фракции и депутаты больше выступали по связанным с ними вопросам.

²⁴ <https://github.com/leifeld/dna>.

**Количественные
показатели
представленности
категорий
и субкатегорий
грани
пентабазиса
«государство»
в парламентском
дискурсе**

Теперь обратимся к ключевым статистическим результатам исследования.

На основе анализа около 1,5 тыс. выступлений парламентариев по актуальным социально-экономическим, политическим и иным вопросам, не касавшихся напрямую процедуры рассмотрения законопроектов, было зафиксировано 1248 тезисов, раскрывающих выделенные категории.

Говоря о представленности тех или иных категорий в парламентском дискурсе в принципе (см. *табл. 2*), прежде всего следует отметить почти одинаковое количество обращений к государственным ценностям и категории доверия.

Таблица 1 Разделение грани пентабазиса «государство» на категории и субкатегории

<i>Компонент ценностной матрицы</i>	<i>Категория</i>	<i>Субкатегория</i>
Государство — доверие к институтам	Демократические ценности	Права человека — важная ценность Глобализация, приоритет наднациональных институтов перед национальными Государство — ночной сторож, минимальное вмешательство в экономику и частную жизнь Приоритет частного перед государственным Верховенство права Демократические ценности
	Государственные ценности	Локализация, приоритет национального перед глобальным Высокая роль государства в жизни общества, экономика преимущественно государственная Государство доминирует и может вмешиваться в частную жизнь граждан Приоритет вопросов безопасности Приоритет государственного перед частным Сильное государство Стабильность государства;
	Некомпетентность власти	Некомпетентность / непрофессионализм власти
	Доверие — ключевая ценность	Доверие в треугольнике «государство — бизнес — общество» Партийная система и доверие к партиям «Сетевое» государство Открытость власти Компетентность власти Доверие к выборам
Сбалансированное развитие		Отношения между региональными и федеральными политическими институтами / центр — регионы Социальное государство Будущее политических институтов Поступательное развитие (без резких движений)

Таблица 2 **Общее количество выявленных категорий в рамках компонента ценностной матрицы «государство»**

<i>Категория</i>	<i>Количество тезисов</i>
Государственнические ценности	339
Доверие — ключевая ценность	335
Сбалансированное развитие	261
Демократические ценности	182
Некомпетентность власти	131
Всего	1248

Значительно менее востребованы депутатами демократические ценности, уступающие не только государственническому подходу, но и акценту на сбалансированном развитии. Это связано как с недостатком демократических политических сил в парламенте, так и с тем политическим и историческим контекстом, в котором действуют парламентарии. В сущности, парламентарии не столько формируют политический дискурс, сколько воспроизводят его, немного видоизменяя.

Что касается субкатегорий, то здесь особенно выделяются «социальное государство» (92 тезиса) и «приоритет вопросов безопасности» (88). Поскольку депутаты так или иначе репрезентируют общество, подобный уклон может свидетельствовать о наличии в нем явно выраженных патриархальных черт. Вместе с тем немало и критики власти (131). Частая апелляция к государственническим ценностям в сочетании с претензиями к политическим элитам подтверждает справедливость давно укоренившегося мнения о значительных надеждах, которые возлагают граждане на государство, несмотря на недовольство отдельными его действиями.

На потребность общества в доверии указывает не только частое обращение депутатов к этой категории, но и равномерное распределение субкатегорий внутри категории «доверие — ключевая ценность». Парламентарии говорят как о важности доверия к выборам (67) и партийной системе (78), так и о необходимости укрепления доверительных отношений между государством, бизнесом и обществом (86).

Дихотомию образуют категория «некомпетентность власти» и субкатегория «компетентность» таковой. Вторая встречается в дискурсе парламентского большинства — но намного реже, чем указания на некомпетентность в риторике парламентской оппозиции (35 против 131). Через критику власти оппозиция надеется «достучаться» до потенциального избирателя, но не следует забывать, что критические интенции практически не несут в себе ценностной или смысловой нагрузки. Гораздо большее значение имеет собственное ценностное предложение,

в конструировании которого можно оттолкнуться от критики, но нельзя базироваться исключительно на ней.

Субкатегории категории «демократические ценности» распределены относительно равномерно. Парламентарии так или иначе обращаются и к правам человека (56), и к экономическим свободам («государство — ночной сторож», 37), и к верховенству права (28), и к глобализации (25). Другими словами, демократические ценности трактуются достаточно широко, как совокупность принципов, связанных с различными сферами жизни. Отметим также, что субкатегория прав человека включает в себя весь корпус неотъемлемых прав личности, в том числе право на жизнь, жилище, политические права и др.

Суммируя, можно констатировать, что выделенные субкатегории позволяют полнее раскрыть суть категорий, высвечивая смысловые оттенки парламентского дискурса. Депутаты активно апеллируют к ценностям доверия, сбалансированного развития и государственному подходу. В центре внимания предсказуемо оказываются вопросы безопасности и социальной политики.

В рамках категории «сбалансированное развитие» доминируют субкатегории, связанные с социальным государством и с отношениями между центром и регионами. Частое обращение к последней теме во многом обусловлено представительной функцией парламента.

Вместе с тем бросается в глаза, что субкатегории, касающиеся права собственности и в целом экономического измерения образа будущего, находятся на периферии внимания парламентариев. Относительно слабый интерес у них вызывает и соотношение государственного и частного.

**Особенности
парламентского
дискурса
о государстве как
ценности
в образе
будущего:
фракционный
срез**

Наряду с общими характеристиками парламентского дискурса, существенное значение имеют его фракционные версии. Посмотрим, к каким категориям и субкатегориям обращались конкретные парламентские фракции²⁵. Анализ по каждой из фракций представлен отдельно.

«Единая Россия». Фракция «Единая Россия» регулярно апеллирует к категории доверия (85 тезисов). Эта категория в выступлениях единороссов встречается даже чаще, чем государственно-ценности (75). Причина, вероятно, заключается в том, что, несмотря на почти тотальное доминирование, «партия власти» вынуждена искать поддержку у различных слоев населения. Очевидно, парламентарии ощущают недостаток доверия между властью и обществом, а также отдельными группами граждан, что находит выражение в повышенном внимании к данной теме. Ее востребованность у парламентского большинства, как и среди депутатского корпуса в целом, подчеркивает важность доверия для стабилизации общественных отношений и укрепления конструктивных начал в обществе.

²⁵ Подробные данные о распределении обращений парламентских фракций к категориям и субкатегориям грани пентабазиса «государство» приведены в Приложении.

В речах единороссов практически отсутствует критика в адрес исполнительной власти. Фракция ЕР является ключевым союзником последней в Государственной Думе. В отличие от парламентской оппозиции, даже в текущих условиях критикующей власть по некоторым вопросам (в частности, по экономическим), крупнейшая партия этого, видимо, не может себе позволить.

Если говорить о субкатегориях, то прежде всего бросается в глаза довольно частое обращение «Единой России» к доверию между бизнесом, обществом и государством. Показательно, что по числу упоминаний (32) эта субкатегория превосходит вопросы безопасности (24), хотя после начала СВО, в принципе серьезно повлиявшей на парламентский дискурс, ее перевес сократился. Важно, однако, что апелляция единороссов к доверию больше касается экономической сферы, чем политической. Нередко используется в риторике и открытость власти как одна из ключевых предпосылок возникновения доверия, что вполне предсказуемо. Здесь возникает широкое поле для популистских спекуляций.

Еще одним значимым элементом дискурса парламентского большинства являются социальные вопросы. Помимо политического контекста (например, проведения пенсионной реформы, которую единороссам пришлось отстаивать), это во многом обусловлено цикличностью законодательного процесса (ежегодным принятием федерального бюджета и бюджета Фонда социального страхования).

Особого упоминания заслуживает слабый интерес парламентского большинства к субкатегории «будущее политических институтов». Беспокойство вызывают даже не столько высказываемые на этот счет идеи, которые могут быть неудачными. Не осознана важность самой этой темы, что может привести к отсутствию политической программы действий в случае возникновения кризисной ситуации.

КПРФ. Фракция КПРФ намного чаще прибегает к критике власти (65) даже по сравнению с другими оппозиционными партиями (ЛДПР — 28, «Справедливая Россия» — 32, «Новые люди» — 1). В то же время КПРФ в основном выступает с государственных позиций. Примечательно, что коммунисты чаще единороссов обращаются к демократическим ценностям (44). При этом в сфере экономической политики они ратуют за высокую роль государства в хозяйственной жизни. Даже о безопасности коммунисты говорят реже. Ввиду консенсуса между парламентскими фракциями по вопросам внешней политики их субъектность проявляется преимущественно в областях, связанных с экономикой и отношениями между центром и регионами.

Относительно фракции большинства коммунисты больше говорят о будущем политических институтов. Это свидетельствует о том, что, несмотря на всю готовность КПРФ к компромиссам, у нее есть уже готовое «политическое предложение», пусть и идентифицирующееся скорее с прошлым. В этом смысле она по-прежнему является влиятельной силой в обществе.

В рамках категории доверия у коммунистов тоже несколько иначе расставлены акценты. Подобно единороссам апеллируя к потребности в повышении доверия между государством, обществом и бизнесом, они вместе с тем уделяют немало внимания доверию к выборам и партиям.

Коммунисты вообще сравнительно много говорят о выборах, особенно после единых дней голосования. В известном смысле критика электоральных процедур у КПРФ носит циклический характер. В ход идут аргументы об использовании административного ресурса и давлении на оппозиционных кандидатов. В любом случае не в последнюю очередь благодаря коммунистам тема выборов остается ключевой в публичном политическом дискурсе.

ЛДПР. Несмотря на то что фракция ЛДПР тоже выступает как государственническая, ее представители часто обращаются к ценностям доверия (107). Кроме того, именно ЛДПР лидирует по числу отсылок к демократическим ценностям (52).

На примере ЛДПР особенно хорошо заметно, насколько большей свободой для артикуляции своей позиции по политическим темам *de facto* обладают оппозиционные фракции. Правда, после начала СВО ситуация несколько изменилась, а на ЛДПР серьезно повлияла смерть ее создателя и многолетнего лидера Владимира Жириновского. Тем не менее анализ показывает, что, комбинируя политические темы, немного заигрывая с демократическими ценностями и апеллируя к региональной повестке, можно создать оригинальный политический дискурс.

Вместе с тем в части государственнических ценностей повестка ЛДПР во многом напоминает единороссовскую. Приоритет вопросов безопасности в ней выражен даже сильнее, чем у «Единой России». При этом, хотя позиция фракции по экономическим вопросам отнюдь не монолитна, либерал-демократы чаще демонстрируют приверженность рыночной экономике — правда, со значительным государственным влиянием.

«Справедливая Россия — Патриоты — За правду» (СРЗП). В дискурсе справедливороссов существенное место занимает категория сбалансированного развития (70). Здесь, видимо, сказывается идеологическая приверженность партии социал-демократической программе, особенно заметно проявлявшаяся в Думе VII созыва. Но еще более значимы для СРЗП государственнические ценности (83).

На практике справедливороссы оказываются едва ли не большими государственниками, чем фракция большинства. Если в выступлениях депутатов от «Единой России» доля связанных с государственническими ценностями тезисов от общего числа тезисов со смысловой нагрузкой составляет 29,4%, то у представителей СРЗП — 30,5%. Такой удивительный на первый взгляд результат обусловлен доминирующим среди справедливороссов мнением, что экономика должна быть по большей

части государственной, и их отчетливо выраженной поддержкой нарастающей локализации производства и фактически протекционизма.

В то же время частое обращение СРЗП к темам, связанным с социальным государством, а также, хотя и несколько реже, с потенциальным будущим социальных институтов и региональным развитием, особенно в Думе VII созыва, позволяет называть ее партией социал-демократической ориентации.

«Новые люди». Это самая молодая парламентская партия, однако некоторые ценностные приоритеты уже заметны. В частности, для этой фракции в меньшей степени, чем для других, характерен государственный уклон, и апеллируют ее представители скорее к ценностям демократии, доверия и сбалансированного развития. Казалось бы, для современной России это не совсем стандартный подход, но тем не менее он встречает поддержку, чему не в последнюю очередь способствует акцент «Новых людей» на экономических вопросах. С их точки зрения, государство должно меньше вмешиваться в экономику, а власть должна оставаться открытой.

Примеры высказываний, отражающих государственный парламентский дискурс

В завершение рассмотрим несколько конкретных высказываний депутатов, иллюстрирующих и интерпретирующих выделенные категории и подкатегории.

Выше уже говорилось, что в дискурсе «Единой России» значимое место принадлежит категории доверия. Нельзя не отметить, что за повышенным вниманием к ней стоит и корпоративный интерес, причем не только этой фракции, но и парламента в целом. Генерируя дискурс, депутаты стараются создать Государственной Думе имидж площадки, где разрешаются политические противоречия: *«На мой взгляд, Дума была и остается важнейшей для нашей страны площадкой для дискуссий, споров и поиска компромисса, причем максимально открытой для общества, и это подтверждают и парламентские слушания по важнейшим и наиболее чувствительным для людей вопросам»* (А.Д. Жуков, 2018 г.). Такое позиционирование нацелено на усиление парламента как института.

Даже обладая административным ресурсом и солидной электоральной базой, фракция большинства хочет нравиться избирателю, ищет поддержки со стороны самых разных групп населения: *«Я... ежедневно встречаюсь с представителями малого и среднего бизнеса, настоящими героями, выводящими на рынок новые товары и услуги»* (А.Г. Когогина, 2023 г.).

С началом СВО существенно актуализировалась тема безопасности. Этот сдвиг вполне логичен, ведь указанная тема обладает серьезным консолидирующим потенциалом: *«...активно способствовать деятельности филиалов фонда²⁶ в наших субъектах Федерации, в наших регионах, установить контакт, разъяснить нашим избирате-*

²⁶ Речь идет о Государственном фонде «Защитники Отечества», помогающем ветеранам СВО и членам семей погибших ее участников.

лям, помочь организовать взаимодействие с теми общественниками, которые уже работают на этом поле» (И.А.Яровая, 2023 г.).

Одним из ключевых элементов дискурса фракции КПРФ является государственная экономика. При этом данный мотив носит рекурсивный характер, так как, по сути, воспроизводит себя. Нередко при выражении соответствующей идеи на первый план выходят отдельные ее составляющие, такие как плановая экономика, государственная монополия на алкоголь, централизованное распределение материальных благ: *«Хотите нарастить доходы бюджета? Пожалуйста, предлагаем три конкретные меры — национализация ключевых отраслей экономики, дифференцированный подоходный налог и госмонополия на производство спиртосодержащей продукции...»* (Д.Г.Новиков, 2017 г.).

Несмотря на все разговоры о том, что подобные тезисы устарели и обращены в прошлое, они образуют устойчивую идеологическую платформу, близкую для определенной части избирателей.

Дискурс фракции ЛДПР отличается мозаичностью. Зачастую разные члены фракции высказывают противоположные идеи. Более того, такие идеи могут артикулироваться одним и тем же депутатом. Так, покойный лидер партии Жириновский мог в своей речи прямо обратиться к теме свободы и тут же комплиментарно отозваться о Николае II: *«Повторяю еще раз: и наш парламент, и фракция ЛДПР — за полную свободу... Так что только многопартийная демократия! Ведь царь не успел ее ввести — лет бы на двадцать пораньше, и была бы мощная страна»* (В.В.Жириновский, 2018 г.).

СРЗП — государственническая партия, уделяющая особое внимание социальной политике. При этом справедливоросы нередко критикуют решения, принимаемые большинством, хотя в последние годы все больше превращаются в откровенных лоялистов: *«„Справедливая Россия“ поддерживает усилия Президента Российской Федерации, Министерства обороны по укреплению обороноспособности страны, по расширению российского участия в Организации Договора о коллективной безопасности»* (С.М.Миронов, 2017 г.).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что российские парламентарии видят государство сильным и стабильным, но вместе с тем демонстрируют заметную озабоченность проблемой доверия. Можно сказать, что категория доверия является политическим мейнстримом, по крайней мере в отечественных реалиях. Исследование речей парламентариев в целом подтверждает гипотезу создателей модели пентабазиса об интерпретации государства как доверия к институтам. Соответствующий запрос действительно существует и едва ли пропадет в ближайшее время.

На фоне общего согласия парламентского корпуса с текущим политическим курсом просматривается тенденция к недостаточной

реализации Думой своей представительной функции. Депутаты заостряют внимание на доверии к государству именно потому, что чувствуют дефицит такового со стороны как минимум отдельных групп населения.

К важным особенностям трактовок думскими фракциями образа будущего следует отнести сравнительно слабый интерес к перспективам отечественных политических институтов. Это может объясняться как отсутствием мотивации к подобным дискуссиям, так и политическим контекстом, делающим такие дискуссии рискованными.

КПРФ выступает за плановую экономику с опорой на регионы и нередко критикует парламентское большинство, в том числе обвиняя «Единую Россию» в фальсификации выборов. ЛДПР ратует за широкую палитру ценностей и развитие доверия в обществе. СРЗП отстаивает идею социального государства, не ставя при этом под сомнение централизацию власти.

В завершение отметим, что структурирование территориальной политики и легитимация центральной иерархии в России включает в себя определение государства как ценности сквозь призму его функций. Налицо запрос на построение социального государства, обеспечение предпринимательских свобод, соблюдение прав человека в широком смысле, улучшение условий жизни и, подчеркнем особо, экономическое развитие. Тот факт, что в модели пентабазиса экономика, по сути, выведена за скобки, бесспорно, является ее слабым местом.

Библиография

- Бердяев Н. (2023) *Судьба России*. М.: АСТ.
- Бибахин В.В. (2000) *Наше положение*. М.: Изд-во гуманитарной литературы.
- Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Гефтер М. (2000) «Какой я вижу Россию конца XX века?» // *Независимая газета*, 24.11. URL: https://www.ng.ru/specfile/2000-11-24/13_russia.html (проверено 2.02.2024).
- «Глава ВЦИОМа рассказал о четырех образах будущего у россиян». (2023) // *РБК*, 30.09. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/651721c49a7947ff1dd4d161> (проверено 2.02.2024).
- Глухова А.В., ред. (2020) *Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России*. Воронеж: Научная книга.
- Желтикова И.В. (2021) *Образ будущего*. Орел: Каргуш.
- Мелешкина Е.Ю. (2012) *Формирование новых государств в Восточной Европе*. М.: ИНИОН РАН.
- Померанц Г.С. (1993) *Корни будущего*. URL: https://nowimir.ru/DATA/040023_9.htm (проверено 17.02.2024).
- Помигуев И.А. и Т.А.Прокопчук. (2025) «Государство как основной актор формирования образа будущего» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС* (в печати).

«Путин рассказал об образе будущего России». (2021) // *РИА Новости*, 24.08. URL: <https://ria.ru/20210824/buduschee-1747083891.html> (проверено 2.02.2024).

Савельева У.С. (2020) «Образ будущего как фактор консолидации российского общества» // *Вопросы политологии*, т. 10, № 12 (64): 3689—3693.

Харичев А.Д., А.Ю.Шутов, А.В.Полосин и Е.Н.Соколова. (2022) «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации)» // *Журнал политических исследований*, № 3: 9—19. URL: <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2022/A.Shutov.Perception-of-basic-values.pdf> (проверено 17.02.2024).

Чернов А. (2023) «Александр Харичев обсудил с участниками „Территории смыслов“ образ будущего России» // *Газета.ru*, 18.08. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/08/18/21100742.shtml?updated> (проверено 2.02.2024).

«Что политики говорили об образе будущего молодым госслужащим и силовикам». (2023) // *Ведомости*, 19.08. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/08/19/990961-что-govorili-ob-obraze-buduschego-molodim-gossluzhaschim> (проверено 2.02.2024).

Bartolini S. (2005) *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. Oxford: Oxford University Press.

Caramani D. (2004) *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Rae H. (2002) *State Identities and the Homogenization of People*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rokkan S. (1987) «The Center-Periphery Polarity» // Rokkan S., D.Urwin, F.H.Aarebrot, P.Malaba, and T.Sande. *Center-Periphery Structures in Europe: An ISSC Workbook in Comparative Analysis*. Frankfurt, New York: Campus Verlag: 17—50.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1 Распределение обращений парламентских фракций к категориям и субкатегориям грани пентабазиса «государство» (начало)

Категория	Субкатегория	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые люди
		Количество тезисов				
Государствен- нические ценности	Приоритет вопросов безопасности	24	13	27	20	4
	Локализация, приоритет национального перед глобальным	15	13	14	20	5
	Высокая роль государства в жизни общества, экономика преимущественно государственная	5	21	11	16	0
	Сильное государство	19	8	8	10	3
	Государство доминирует и может вмешиваться в частную жизнь граждан	1	22	11	12	0
	Стабильность государства	10	8	7	4	0
	Приоритет государственного перед частным	1	3	1	1	0
	Всего	75	88	79	83	12
Доверие — ключевая ценность	Доверие в треугольнике «государство — бизнес — общество»	32	18	11	19	6
	Доверие к партийной системе / политическим партиям	18	15	32	11	2
	Доверие к выборам	4	19	28	15	1
	Открытость власти	16	6	26	4	8
	Компетентность власти	13	5	7	7	3
	«Сетевое» государство	2	3	3	1	0
	Всего	85	66	107	57	20

Таблица 1 Распределение обращений парламентских фракций к категориям и субкатегориям грани пентабазиса «государство» (окончание)

Категория	Субкатегория	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые люди
		Количество тезисов				
Сбалансированное развитие	Социальное государство	27	15	15	32	3
	Отношения между региональными и федеральными политическими институтами / центр — регионы	16	22	29	17	3
	Будущее политических институтов	6	9	16	16	2
	Поступательное развитие	12	10	2	5	2
	Всего	61	56	62	70	10
Демократические ценности	Права человека — важная ценность	7	24	11	10	4
	Государство — ночной сторож, минимальное вмешательство в экономику и частную жизнь	6	0	7	8	15
	Верховенство права	4	11	7	5	0
	Глобализация, приоритет наднациональных институтов перед национальными	9	3	9	3	1
	Демократические взгляды	1	3	12	2	4
	Приоритет частного перед государственным	2	3	6	2	3
	Всего	29	44	52	30	27
Некомпетентность власти	Некомпетентность / непрофессионализм власти	5	65	28	32	1

Эксперт
Институт
Социальных
Исследований
и
Министерства
Образования
Российской
Федерации

²⁷ The article was prepared under the framework of the scientific project No. 123091200064-6 "Value aspects of the image of the future of Russia in the rhetoric of State Duma deputies: the experience of discourse network analysis", supported by the Expert Institute of Social Studies and the Ministry of Education of the Russian Federation.

I.A.Pomiguev, D.V.Alekseev
**STATE AS VALUE:
 REPRESENTATION OF THE IMAGE
 OF THE FUTURE IN SPEECHES
 OF RUSSIAN PARLIAMENTARIANS²⁷**

Ilya A. Pomiguev — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher at the Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Email: pomilya@mail.ru.

Dmitriy V. Alekseev — Junior Researcher at the Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); Lecturer at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Email: mityaalexeev@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to studying the representation of state as value in the speeches of the deputies of the State Duma from the viewpoint of the image of Russia's future. As a starting point, the authors used the pentabasis model, where the image of the future is presented in the form of five elements, one of which is the state, interpreted via trust in political institutions. The theoretical basis of the study was the concept of Stein Rokkan and his followers, according to which the state formation involves building socio-cultural boundaries that indicate belonging to a political community. The empirical basis was the transcripts of speeches of deputies on current socio-economic, political and other issues at the plenary sessions of the State Duma of VII—VIII convocations. The research was carried out by the method of discourse analysis.

The obtained results clearly demonstrate that national parliamentarians are deeply concerned about the problem of trust. Although decisions on the most fundamental issues are made via consensus, deputies feel a lack of trust among certain groups of the population, which requires them to exert additional efforts to justify their initiatives. The topics they most often turn to include welfare state, center-regions relations, and economic development. At the same time, they rarely directly touch upon the prospects of domestic political institutions, as well as the topic of the image of the future in general, which may be explained by both a shortage of strategic ideas and external restrictions on parliamentary discourse.

Keywords: image of the future, state, discourse analysis, State Duma, parliamentary discourse

References

- Bartolini S. (2005) *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. Oxford: Oxford University Press.
- Berdyayev N. (2023) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Bibikhin V.V. (2000) *Nashe polozhenie* [Our Situation]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoj literatury. (In Russ.)
- Brubaker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej skoly ekonomiki. (In Russ.)
- Caramani D. (2004) *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Chernov A. (2023) "Aleksandr Kharichev obsudil s uchastnikami „Territorii smyslov“ obraz budushchego Rossii" [Alexander Kharichev Discussed with the Participants of the "Territory of Meanings" the Image of the Future of Russia] // *Gazeta.ru*, 18.08. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/08/18/21100742.shtml?updated> (accessed on 2.02.2024). (In Russ.)
- "Chto politiki govorili ob obraze budushchego molodym gossluzhashchim i silovikam" [What Did Politicians Say about the Image of the Future to Young Civil Servants and Law Enforcers]. (2023) // *Vedomosti*, 19.08. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/08/19/990961-chto-govorili-ob-obraze-budushchego-molodim-gossluzhaschim> (accessed on 2.02.2024). (In Russ.)
- Gefter M. (2000) "Kakoj ja vizhu Rossiju kontsa 20 veka?" [How Do I See Russia at the End of the 20th Century?] // *Nezavisimaya Gazeta*, 24.11. URL: https://www.ng.ru/specfile/2000-11-24/13_russia.html (accessed on 2.02.2024). (In Russ.)
- "Glava VTsIOMa rasskazal o chetyrekh obrazakh budushchego u rossijan" [The Head of VTsIOM Spoke about Four Images of the Future for Russians]. (2023) // *RBC*, 30.09. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/651721c49a7947ff1dd4d161> (accessed on 2.02.2024). (In Russ.)
- Glukhova A.V. (2020) *Vnutripoliticheskaja povestka dnja kak faktor edinstva sovremennoj Rossii* [Domestic Political Agenda as a Factor of Unity in Modern Russia]. Voronezh: Nauchnaja kniga. (In Russ.)
- Kharichev A.D., A.Yu.Shutov, A.V.Polosin, and E.N.Sokolova. (2022) "Vosprijatie bazovykh tsennostej, faktorov i struktur sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovanij i aprobatcii)" [Perception of Basic Values, Factors and Structures of Socio-Historical Development of Russia (Based on Research and Testing Materials)] // *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], no. 3: 9–19. URL: <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2022/A.Shutov.Perception-of-basic-values.pdf> (accessed on 17.02.2024). (In Russ.)

Meleshkina E.Yu. (2012) *Formirovanie novykh gosudarstv v Vostochnoj Evrope* [Formation of New States in Eastern Europe]. Moscow: INION RAN. (In Russ.)

Pomerantz G.S. (1993) *Korni budushchego* [Roots of the Future]. URL: https://nowimir.ru/DATA/040023_9.htm (accessed on 17.02.2024). (In Russ.)

Pomiguyev I.A. and T.A.Prokopchuk. (2025) “Gosudarstvo kak osnovnoy aktor formirovaniya obraza budushchego” [The State as the Main Actor in Shaping the Image of the Future] // *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX] (In print). (In Russ.)

“Putin rasskazal ob obraze budushchego Rossii” [Putin Spoke about the Image of Russia’s Future]. (2021) // *RIA Novosti*, 24.08. URL: <https://ria.ru/20210824/budushee-1747083891.html> (accessed on 2.02.2024). (In Russ.)

Rae H. (2002) *State Identities and the Homogenization of People*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rokkan S. (1987) “The Center-Periphery Polarity” // Rokkan S., D.Urwin, F.H.Aarebrot, P.Malaba, and T.Sande. *Center-Periphery Structures in Europe: An ISSC Workbook in Comparative Analysis*. Frankfurt, New York: Campus Verlag: 17–50.

Savelyeva U.S. (2020) “Obraz budushchego kak faktor konsolidatsii rossijskogo obshchestva” [The Image of the Future as a Factor of Consolidation of Russian Society] // *Voprosy politologii* [Political Science Issues], vol. 10, no. 12 (64): 3689–3693. (In Russ.)

Zheltikova I.V. (2021) *Obraz budushchego* [The Image of the Future]. Orel: Kartush. (In Russ.)

полития

И.А.Николаев

К ВОПРОСУ О ЛИНИЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: STASIS И BELLUM CIVILE¹

¹ Статья
подготовлена
при поддержке
Программы
развития МГИМО
«Приоритет-
2030».

Иван Андреевич Николаев — магистр международных отношений, аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ. Для связи с автором: johannes.nikolaev@gmail.com.

Аннотация. На фоне устойчивого роста интереса политических философов к гражданским конфликтам в целом, понятие гражданской войны остается относительно малоизученным. Многослойная генеалогия данного концепта включает в себя элементы существенно различающихся подходов к его определению. Уже в античной философии прослеживаются две несопадающие линии интерпретации феномена гражданских войн: греческий *stasis* и римский *bellum civile*. В последние годы понятие *stasis* возвращается в научный оборот благодаря обращению к нему Николь Лоро, Джоржо Агамбена и ряда других авторов. В то же время при осмыслении гражданских войн по-прежнему доминирует подход, опирающийся преимущественно на их римскую трактовку, исходящую из монистической социально-онтологической модели и имеющую серьезные ограничения применительно к современным условиям.

В статье анализируются основные особенности восприятия феномена гражданских войн в древнегреческой и римской философии. С опорой на тексты Платона и Аристотеля, в наиболее систематическом виде сформулировавших теорию *stasis*, показывается, что признание возможности преодоления лишь наиболее острых внешних проявлений *stasis*, но не принципиального его искоренения неизбежно накладывает отпечаток на оценку значимости плюрализма в жизни политической общности, интерпретацию действий побежденной стороны и «политику памяти». В связи с этим рассматривается, каким образом представление о гражданском конфликте как о сопряженном жизни полиса явлению и в известном смысле неизбежном эле может вновь оказаться актуальным в контексте философских и политических дискуссий XXI в.

Ключевые слова: гражданская война, внутренний конфликт, *stasis*, агонизм, Платон, Аристотель, Джоржо Агамбен

Общепризнано, что гражданские войны относятся к числу наиболее «темных» социальных явлений. Само это понятие, представляющее собой кальку с латинского *bellum civile* и основанное на оксюмороне (как перенос войны — внешнего конфликта — во внутреннюю жизнь политики), порождает немало трудностей с определением. При этом со второй половины XX в. именно гражданские войны стали доминирующим типом конфликтов в мире, что привело к взрывному росту числа посвященных им работ, накоплению значительного объема эмпирического материала, созданию специализированных научных баз, журналов и исследовательских центров. Несмотря на это, в рамках политической теории и философии тема гражданских войн по сей день носит по большей части маргинальный характер, и слова Мишеля Фуко, произнесенные им в 1973 г., не утратили своей актуальности: «Гражданская война остается слабо разработанным с философской, политической и исторической точек зрения понятием»². О том, что за прошедшие десятилетия положение дел в этой сфере принципиально не изменилось, свидетельствует заключение Джоржо Агамбена: «То, что сегодня совершенно недостает учения о гражданской войне, является общепризнанным фактом, однако это лакуна, судя по всему, не сильно беспокоит юристов и политологов»³.

² Foucault 2015: 13.

³ Агамбен 2021: 6.

Столь парадоксальную ситуацию можно интерпретировать по-разному. Один вариант объяснения был предложен Агамбеном со ссылкой на тезис Ханны Арендт о «безусловной гетерогенности понятия революции и гражданской войны»⁴: фокус внимания политических философов Нового времени оказался сконцентрирован на революции, тогда как во многом пересекающаяся с ней тематика гражданских войн получила статус некоего неприглядного *enfant terrible*⁵. Другой вариант связан с определенными чертами гражданских конфликтов, наличие которых практически неминуемо превращает их в объект политических манипуляций и своего рода «серую зону» для исследователя. В силу этого, по замечанию британского историка Дэвида Армитиджа, любое рассуждение о гражданской войне становится в некотором смысле ее формой⁶. Подобный подход в чем-то перекликается с традицией переноса метафоры гражданской войны на дискурсивные практики и сопряженные с ними элементы политического противостояния — от «герменевтических гражданских войн» Одо Маркварда⁷ до «культурных войн»⁸. Однако, как представляется, для полноценного понимания причин «вытеснения» гражданских войн из европейской мысли Нового времени необходимо учитывать не только специфику гражданских конфликтов *per se*, но и сложную, многослойную генеалогию соответствующего понятия в политической философии.

⁴ Арендт 2011: 5—17

⁵ Агамбен 2021: 8.

⁶ Armitage 2017: 233.

⁷ Marquard 1989: 126.

⁸ Hunter 1991: 64.

В какой-то степени такая многослойность неизбежна для термина, который, как уже упоминалось, без изменений перешел из латыни в большинство европейских языков и стабильно применяется на протяжении более двух тысяч лет. Современные представления о гражданских войнах, как правило, включают в себя исходные античные (пре-

имущественно римские) элементы, на которые накладываются следы переосмысления гражданских конфликтов в Новое время (в частности, в эпоху Французской революции). Кроме того, любое рассуждение о гражданских войнах обычно включает в себя попытки описать данное явление в юридических терминах и, в частности, в категориях международного права, относящихся преимущественно к XIX—XX вв.

Сочетание столь разнородных и в чем-то противоречащих друг другу элементов отчасти объясняет, почему теоретическое осмысление гражданских войн остается настолько проблематичным. Сложности начинаются уже на этапе уточнения того, что следует понимать под «гражданской» войной. Существующие дефиниции оказываются либо туманными (вроде расплывчатой характеристики гражданской войны как «насиленного конфликта внутри страны»), либо категориально бедными и редукционистски сводящими явление к набору усредненных критериев (например, «преимущественно внутренний конфликт, приводящий более чем к 1000 жертв боевых действий за год»). Нельзя не отметить, что подобные определения не охватывают значительную часть конфликтов, заранее не отнесенных к условному «канону» гражданских войн (как правило, составляемому по критерию масштаба того или иного внутреннего конфликта или его кровопролитности).

На фоне такого рода концептуальных сложностей весьма продуктивным, на наш взгляд, могло бы стать обращение к генеалогии понятия гражданской войны, начиная с Античности.

Помимо широко известной «римской» линии (соотносимой с идеей о *bellum civile*), античная философия гражданской войны включает в себя и греческую, описываемую понятием *στάσις* (*stasis*). По мнению целого ряда исследователей, понятие *stasis* представляет большой интерес для современной политической науки и обладает значительным потенциалом для построения теории войны вообще — в первую очередь в свете тенденции к стиранию границ между внешними и внутренними конфликтами⁹. В качестве аргументов в пользу продуктивности данного концепта при анализе реалий новейшей истории приводятся также ссылки на неприменимость к современным войнам старых критериев определения войны, слияние собственно армейских и полицейских аспектов военных операций, возрастание роли способа легитимации боевых действий и их глобального эффекта¹⁰. Как убедительно показано в книге Николь Лоро «Разделенный город: Забвение в памяти Афин»¹¹, интерпретация гражданского противостояния, «распри» в древнегреческой философии и политической мысли не только демонстрирует ряд схожих черт, но и парадоксальным образом делает *stasis* основанием жизни полиса, самым страшным и табуированным явлением социальной жизни — и одновременно событием, определяющим совместное существование граждан (и постоянно присутствующим в коллективной памяти). Опираясь на тезисы Лоро, в своих рассуждениях о *stasis* Агамбен говорит о гражданской войне как о «пороге фундаментальной политизации Запада»¹². Для Агамбена кардинально важна иная, чем для

⁹ Третьяк 2023: 7—9.

¹⁰ Там же: 18—19.

¹¹ Лоро 2021.

¹² Агамбен 2021: 5.

Лоро, локализация stasis: в его схеме тот рождается из конфликта в рамках семьи и становится «зоной неразличимости между неполитическим пространством семьи и политическим пространством города», «порогом политизации или деполитизации»¹³. Схожим образом рассуждает о stasis Моше Берент¹⁴, увязывающий с ним происхождение самого понятия политического в греческой мысли¹⁵.

Однако здесь сразу же возникает трудность. Как упоминалось выше, в рассуждениях о гражданских войнах до сих пор доминирует «римский» подход, тогда как греческий пласт философского осмысления гражданских конфликтов или описывается как нечто обусловленное специфическим контекстом существования классического полиса (и потому нерелевантное в позднейших ситуациях), или помещается в скобки в качестве предыстории концепта гражданской войны, рожденного именно в Риме. В частности, в своей книге «Гражданская война: История в идеях» Армитидж прямо называет гражданские войны «изобретением Рима»¹⁶. С его точки зрения, в силу ряда причин stasis есть нечто принципиально «иное». Аргументы сводятся к следующему: во-первых, греческое понимание stasis не включало войну как таковую в римском или современном смысле, а могло рассматриваться как состояние духа или расположение, способное привести к внешнему столкновению; во-вторых, в греческом контексте внутренние конфликты имели несомненно меньший по сравнению с римским масштаб, редко выходя за пределы локального уровня; в-третьих, stasis не предполагал наложения друг на друга категорий hostis (враг) и civis (гражданин), характерного для римских и последующих рассуждений о гражданских войнах (принимающих в качестве самоочевидной посылки противостояние граждан в рамках единого государства). Эти аргументы подкрепляются ссылками на римские источники I в. до н.э., в частности на Цицерона, который действительно утверждает, что римские гражданские войны не могут быть описаны в греческих категориях, будучи чем-то принципиально новым.

В рецензиях на книгу Армитиджа¹⁷ уже отмечалось, что за такого рода аргументацией в пользу неправомочности рассмотрения греческого концепта stasis в качестве элемента генеалогии понятия гражданской войны кроются, с одной стороны, изъяны в привлеченной базе источников¹⁸, а с другой — неоправданное уравнивание римской практики с современной. Добавим, что подобное уравнивание подспудно отождествляет одну из двух античных политических онтологий — условную римскую с ее акцентом на единстве в противовес плюралистической греческой — с современной (в значении «современной западной»), абсолютизируя ее (что тоже кажется весьма спорным). Если же от него отказаться, то, по сути, единственным аргументом против учета представлений о stasis как модели гражданской войны остается больший масштаб bellum civile, что, однако, не обязательно свидетельствует о большей актуальности римской концепции в нынешних условиях (сошлемся для наглядности на феномен неконвенциональных войн малой

¹³ Агамбен 2021: 24.

¹⁴ Berent 1998.

¹⁵ Надо, впрочем, отметить, что, по мнению Берента, греческое понятие политического принципиально несовместимо с современным концептуальным аппаратом в силу негосударственного характера классического полиса.

¹⁶ Armitage 2017: 31.

¹⁷ См., напр. Lange 2017.

¹⁸ При том что различия между греческой и римской концепциями бесспорны, достаточно очевидно, что римские авторы, в том числе не упоминаемые Армитиджем, например Кассий Дион (Кассий Дион 2011, 2014), опирались на греческих предшественников и включали в свои размышления о гражданских войнах греческие элементы, пусть и интерпретируя их в ином ключе.

¹⁹ Кревельд 2015.

²⁰ Там же: 140.

интенсивности / ограниченного масштаба, которые по данному параметру однозначно стоят ближе как раз к *stasis*¹⁹). В связи с этим даже высказывалась мысль о необходимости выработки более полного «греко-римского» подхода к понятию гражданских войн²⁰, который бы учитывал специфику обеих интерпретационных линий, присутствующих в античной философии.

²¹ Wenman 2013: 28—59.

²² Vardoulakis 2018: 95—123.

Решение подобной исследовательской задачи — дело будущего, и в настоящей статье мы ограничимся рассмотрением особенностей концепта *stasis* как плодотворного пролегомена к современной теории гражданской войны. Из сказанного выше очевидно, что его содержание имеет целый ряд параллелей с концептуальным аппаратом современных теоретиков политического агонизма, в частности Шанталь Муфф, Джеймса Тулли, Вильяма Коннолли и Бонни Хониг. Но хотя их политические проекты по ряду параметров опираются на такие топосы греческой мысли, как плюрализм, трагизм и признание ценности конфликта-агона²¹, само понятие *stasis* в них практически не включается. Аналогичным образом в работах греко-австралийского философа Димитриса Вардулакиса, уделяющего много внимания концепту *stasis*, последний интерпретируется как «агонистический монизм», определяющий типы отношений между демократией и суверенитетом и формирующий всю политическую практику²² (тем самым он фактически сливается с понятием агона). Сопряжение идей теоретиков агонистической демократии и понятия *stasis* тоже видится многообещающим направлением будущих работ. В качестве шага к подобному синтезу прежде всего нужно зафиксировать, какое содержание вкладывалось греческой философией в понятие гражданского конфликта.

Само слово *stasis* происходит от глагола ἵστημι — «стоять». Соответственно, *stasis* — это буквально «стояние», которое может трактоваться как «противостояние» фракций в разделенном полисе, в наиболее острых ситуациях принимающее форму вооруженных столкновений и гражданской войны. Важно подчеркнуть, что для греческой мысли *stasis* — не нечто иноприродное по отношению к полису. В отличие от римлян, греки четко разделяют πόλεμος (*polemos*), то есть войну как «внешнее» явление, и *stasis*, гражданскую войну — хотя и негативно оцениваемый, но неотъемлемый элемент жизни полиса.

Для греческой философии *stasis* не просто имманентно присутствует в политической жизни полиса, но и в определенном смысле выступает ее центральным элементом, вопреки всем связанным с ним многочисленным табу и запретительным практикам. Весьма показателен в этом плане один из самых известных законов Солона. В «Афинской политике» Аристотель так комментирует его принятие: «Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по безопасности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: „Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других (στασιαζούσης τῆς πόλεως μὴ θῆται τὰ ὄπλα μηδὲ μεθ' ἑτέρων), тот предается бесчестию и лишается граж-

²³ Аристотель 1937: 17.

данских прав (ἄτιμον εἶναι καὶ τῆς πόλεως μὴ μετέχειν)²³. Таким образом, в рамках реформ Солона и в последующей традиции вплоть до Аристотеля stasis предстает необходимым моментом «пересборки» политической общности, участие в котором в определенных ситуациях вменяется в обязанность гражданам.

²⁴ Лоро 2021: 195—226.

Конечно, такое восприятие stasis не могло не сказаться и на греческой «политике памяти» о гражданских войнах, коренным образом отличающейся от римской. Греческий подход исключал аналоги римского damnatio memoriae членов проигравшей фракции. Проведенный Лоро анализ закона 403 г. об амнистии в Афинах после очередного витка stasis, положившего конец правлению 30 тиранов, четко показывает, что запрет налагался лишь на «припоминание прошлых обид», конкретно — на их использование в качестве поводов для судебных исков²⁴. Память же о самом stasis, трагическом событии и одновременно основе сложившегося политического режима, несмотря на целый ряд табу, периодически актуализировалась посредством определенных практик — в том числе путем принесения гражданами по филам и демам клятвы о соблюдении главного достижения преодоленного stasis: примирения. Естественно, сохранявшего действительность лишь до следующего случая, когда упомянутый закон Солона предписывал присоединение к той или иной фракции.

²⁵ Отсылки к проявлениям внутренней вражды в жизни полиса встречаются и в греческой поэзии, в частности у Гомера, Гесиода, Эсхила и Еврипида, однако в силу их эпизодичности они выведены за пределы нашего исследования.

В рамках греческой философской мысли наиболее систематический анализ феномена stasis присутствует у Платона и Аристотеля²⁵. В «Государстве» Платона stasis рассматривается в контексте видов государственного устройства. Ему отводится ключевая роль в изменении форм правления вообще: «Может быть... изменения в государстве обязаны своим происхождением раздорам, возникающим внутри той его части, которая обладает властью? Если же в ней царит согласие, то хотя бы она была и очень мала, строй остается незабываемым»²⁶. Тем самым Платон намечает линию размышлений о связи stasis с трансформацией государственного устройства, metabole politeias (μεταβολή πολιτείας), впоследствии развитую Аристотелем. Несмотря на то что эти два понятия не идентичны (политическая практика знает достаточно много случаев stasis, не приводивших к metabole politeias, и государственных переворотов, не включавших в себя открытого гражданского противостояния), их увязка показательна в плане помещения stasis на границу законного и незаконного²⁷. Разумеется, статус stasis как средства смены политического режима не мог быть прямо прописан в конституции. Тем не менее именно stasis в широком смысле — не только как гражданский конфликт per se, но и как угроза его возникновения, состояние духа граждан, потенциально ведущее к раздору, — описывается в качестве уравновешивающего элемента жизни политии²⁸.

²⁶ Платон 2015: 272.

²⁷ Finley 1981: 82.

²⁸ Berent 1998: 343.

Как это общее положение применяется в платоновской схеме политических режимов? В VIII книге «Государства» при обсуждении форм политического устройства понятие stasis возникает как проявление конфликтов по поводу распределения ресурсов и политического влияния.

В частности, описание перехода от аристократии к тимократии начинается с предложения «обратиться к Музам», «чтобы они нам повели, как впервые вторгся раздор» (ὁπῶς δὴ πρῶτον στάσις ἔμπεσε)²⁹. Сам процесс возникновения такого изначального конфликта представлен как растянутая во времени и не обязательно предполагающая кровопролитие форма stasis: «Борясь и соперничая друг с другом, они [несовершенные потомки аристократов] пришли наконец к чему-то среднему: согласились установить частную собственность на землю и дома, распределив их между собою, а тех, кого они до той поры охраняли как своих свободных друзей и кормильцев, решили обратить в рабов, сделав из них сельских рабочих и слуг, сами же занялись военным делом и сторожевой службой»³⁰. Столкновение аристократических и «корыстных» принципов, формирующее вовлеченного в такую «мягкую» форму гражданского противостояния «тимократического человека», представлено с опорой на образы гесиодовских поколений как смешение железа, меди, золота и серебра: «Железный и медный влекли к наживе, приобретению земли и дома, а также золота и серебра, а золотой и серебряный рода, не бедные, но, наоборот, по своей природе богатые, вели души к добродетели и древнему устройению»³¹.

С большим насилием, по Платону, связаны эпизоды stasis, характеризующие политическую жизнь олигархии: «Подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно — государство бедняков, другое — богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга» (ἀεὶ ἐπιβουλεύοντα ἀλλήλοισι)³². При этом выдвижение внутренней вражды в центр полисной жизни перетягивает на нее ресурсы и неизбежно ослабляет внешнеполитические позиции полиса, в первую очередь в смысле желания и способности отстаивать свои интересы в формате «внешней» войны (πόλεμος): «Нехорошо еще и то, что они, пожалуй, не смогут вести какую бы то ни было войну, так как неизбежно получилось бы, что олигархи, дав оружие в руки толпы, боялись бы ее больше, чем неприятеля, либо, отказавшись от вооружения толпы, выказали бы себя подлинными олигархами даже в самом деле сражения. Вдобавок они не пожелали бы тратиться на войну, так как держатся за деньги»³³.

Рассуждая о гражданских конфликтах при демократическом устройстве, Платон формулирует тезис о соприродности stasis и демократии: «Подобно тому как для нарушения равновесия болезненно-го тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться, — а иной раз неурядица в нем бывает и без внешних причин (ἐνίστε δὲ καὶ ἄνευ τῶν ἔξω στασιάζει αὐτὸ αὐτῷ), — так и государство, находящееся в подобном состоянии, заболевает и воюет само с собой (καὶ αὐτὴ αὐτῇ μάχεται) по малейшему поводу, причем некоторые его граждане опираются на помощь со стороны какого-либо олигархического государства, а другие — на помощь демократического; впрочем, иной раз междоусобица возникает и без постороннего вмешательства» (ἐνίστε δὲ καὶ ἄνευ τῶν

²⁹ Платон 2015: 272; Plato 1894: 341.

³⁰ Платон 2015: 274.

³¹ Там же.

³² Там же: 278—279; Plato 1894: 350.

³³ Платон 2015: 279.

³⁴ Платон 2015: 284; Plato 1894: 358.

ἔξω στασιάζει)³⁴. Постоянное и имманентное внутреннее разделение при демократии на фоне минимизации в ней иерархического элемента оканчивается, таким образом, наиболее значимой предпосылкой перехода к тирании.

Наконец, stasis, связанный с узурпацией власти одним лицом, в следующей фазе платоновского цикла оборачивается народным восстанием против тирана: «Разве не то же и с представителем народа? Имея в руках чрезвычайно послушную толпу, разве он воздержится от крови своих соплеменников? Напротив, как это обычно бывает, он станет привлекать их к суду по несправедливым обвинениям и осквернит себя, отнимая у человека жизнь: своими нечестивыми устами и языком он будет смаковать убийство родичей. Карая изгнанием и приговаривая к страшной казни, он между тем будет сулить отмену задолженности и передел земли. После всего этого разве не суждено такому человеку неизбежно одно из двух: либо погибнуть от руки своих врагов, либо же стать тираном и превратиться из человека в волка?.. Он — тот, кто подымает восстание против обладающих собственностью» (ὁ στασιάζων γίγνεται πρὸς τοὺς ἔχοντας τὰς οὐσίας)³⁵.

³⁵ Платон 2015: 295; Plato 1894: 375.

Все эти эмпирические наблюдения обобщаются через сравнение stasis с болезнью (причем заразной: не будучи остановлен, stasis может распространиться не только на непосредственных участников переворота, но и на все общество), которое приводится в рамках аналогии между общественным устройством и душой, развитой, в частности, в IV книге «Государства». Как известно, Платон вводит положение о трех началах души (разумном, вожделеющем и яростном), а затем распространяет его на полис, соотнося каждую часть души с соответствующей категорией населения. Возникающие в полисе междоусобные конфликты при этом сравниваются с болезнью, нарушающей соотношение данных начал и, следовательно, гармонию социального тела. В здоровом состоянии каждая категория выполняет назначенную ей функцию, тем самым обеспечивая баланс и единство (ὁμόνοια), подобные гармонии внутри упорядоченной души. Противоположная ситуация в свою очередь прямо аналогична болезни тела (νόσος).

Помимо «Государства», Платон обращается к понятию stasis в «Законах». В данном произведении он в большей степени озабочен классификацией факторов, которые могут привести к внутреннему противостоянию, и конкретными способами его предотвращения или смягчения, предлагая комплексную систему социальной организации в рамках гармоничного государства, защищенного от междоусобиц как наиболее опасного вида конфликта: «Есть два вида войны: первый вид, который мы все называем междоусобицей... самый тягостный (τὸ μὲν ὁ καλοῦμεν ἄλλαντες στάσιν, ὃς δὲ πάντων πολέμων χαλεπώτατος); второй же... это война в случае раздора с внешними иноплеменными врагами; этот вид гораздо безобиднее первого»³⁶.

³⁶ Платон 2014: 82; Plato 1961: 18.

При сопоставлении положений «Государства» и «Законов» относительно внутренних конфликтов обращает на себя внимание при-

сутствующий во втором произведении акцент на неизбежности и неустранимости *stasis*, который наряду с *polemos* поднимается на уровень онтологического принципа, определяющего бытие как индивида, так и любого человеческого коллектива: «Законодатель [Крита], по-моему, установил все, принимая в соображение именно войну... Он заметил, я думаю, неразумие большинства людей, не понимающих, что у всех в течение жизни идет непрерывная война со всеми государствами» (ὅτι πόλεμος αἰεὶ πᾶσιν διὰ βίου συνεχὴς ἐστὶ πρὸς ἀπάσας τὰς πόλεις)³⁷. Точно такой же вывод делается и применительно к внутренним конфликтам: «Последнее [*stasis*] случается время от времени в государствах, хотя всякий очень хотел бы, чтобы междоусобий вовсе не было в его государстве, или, раз уж они возникли, то чтобы они как можно скорее прекратились»³⁸. При этом именно эпизоды *stasis* в наибольшей степени способствуют проявлению совокупности добродетелей — в отличие от внешних войн и иных эпизодов политической жизни: «Во время междоусобий никак нельзя остаться верным и здравомыслящим, не обладая всей добродетелью в совокупности»³⁹.

³⁷ Платон 2014: 78; Plato 1961: 6.

³⁸ Платон 2014: 80.

³⁹ Там же: 83.

Какими в таком случае могли бы быть механизмы минимизации проявлений *stasis* в жизни полиса? Платон неоднократно возвращается к данному вопросу, увязывая его, в частности, с экономическим укладом: «...В государстве, не причастном величайшей болезни, более правильным названием которой было бы „междоусобие“ или „раздор“, не должно быть ни тяжкой бедности среди некоторых граждан, ни в свою очередь богатства, ибо бедность и богатство взаимно порождают друга»⁴⁰. Следующий уровень защитных механизмов относится к политической сфере — и, однако же, вновь показывает принципиальную неустранимость *stasis* как выражения множественности в жизни полиса и учреждающей власти в противовес учрежденной: «...Причиной [*stasis*] служит также и государственный строй: демократический, олигархический, тиранический. Впрочем, ни то, ни другое, ни третье не есть даже государственный строй (πολιτεία), все это скорее может быть названо длительной междоусобицей (στασιωτεία), ибо ни одно из этих устройств не принимается добровольно, но держится постоянным насилием и произволом, подавляющим волю подданных»⁴¹.

⁴⁰ Там же: 190.

⁴¹ Там же: 269.

На фоне четко заявленной неизбежности гражданских конфликтов нейтрализация наиболее острых их проявлений в процессе утверждения единства представлена основной целью общественной жизни. Вместе с тем очевидно, что неустранимый онтологический статус *stasis* не означает признания его превосходства над мирной жизнью. В частности, по мысли Платона, «это все равно как если бы кто стал считать наилучшим такое состояние тела, когда оно страдает и ему достается в удел врачебное очищение, и не обратил бы внимания на состояние тела, когда оно в этом совсем не нуждается». Более того, «не может стать настоящим государственным человеком тот, кто, имея в виду благополучие всего государства и частных лиц, будет прежде всего и только обращать внимание на внешние войны. Не окажется он и хорошим за-

⁴² Платон 2014: 81.

конодателем, разве только станет устанавливать законы, касающиеся войны, ради мира, а не законы, касающиеся мира, ради военных действий»⁴². В связи с этим участники мятежей (естественно, с проигравшей стороны) в обязательном порядке подвергаются самым суровым наказаниям: «После преступлений против богов идут преступления, касающиеся ниспровержения существующего государственного строя. Кто стремится сделать законы рабами людей и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом всего государства в целом, А кто, хотя и не имеет ничего общего ни с кем из подобных людей, при отправлении главнейших государственных должностей не обратил внимания на такие явления или, хотя и обратил, из трусости не встал на защиту отечества, — такого гражданина следует числить на втором месте в смысле испорченности»⁴³.

⁴³ Там же: 291—292.

Рассмотрев ключевые составляющие платоновской интерпретации *stasis*, обратимся к особенностям подхода Аристотеля к этому явлению. В целом Стагирит более четко, чем Платон, определяет данное понятие и прямо соотносит его с колоссальным эмпирическим материалом (в «Политике» разбираются десятки эпизодов внутренних вооруженных конфликтов в различных полисах). *Stasis* преимущественно посвящена V книга «Политики», где он трактуется как совокупность насильственных действий, направленных на захват власти, изменение того или иного аспекта государственного устройства или его формы. Тем самым Аристотель вроде бы отходит от платоновского описания *stasis* как болезни общественного организма (соответствующие сопоставления *stasis-nosos* в его текстах встречаются значительно реже и в целом носят эпизодический характер). Это, однако, объясняется большей радикальностью его концепции: гражданская война понимается им не как заболевание, а как момент смерти полиса (пусть и повторяющейся), утраты им принципа собственного существования⁴⁴. В отличие от Платона, у Стагирита отсутствует привязка воспроизводящихся эпизодов *stasis* к несовершенным формам государственного устройства как отражению их порочности: *stasis*, безусловно, может приводить и к положительным изменениям в жизни государства. В то же время подлинно добродетельный гражданин не полагается на организацию восстания в качестве действительно применимого политического средства.

⁴⁴ Rogan 2013.

Аристотель подробно рассуждает о причинах *stasis* и сводит их к трем большим категориям: представлениям о равенстве или неравенстве; стремлению к получению прибыли и почестей; совокупности имеющих «накопительный эффект» факторов, нарушающих балансы в жизни полиса и создающих предпосылки для внутреннего противостояния. Выделение данных факторов в качестве причин *stasis* наглядно демонстрирует, что в фокусе внимания Аристотеля находятся в первую очередь идеационные аспекты генезиса гражданского противостояния. В то же время, в противовес концепции Платона, стремящегося подвести все виды внутренних конфликтов под единый «зонтичный» тер-

мин и единое объяснение (иррациональные устремления, приводящие к несправедливости), по-разному проявляющееся при разных формах государственного устройства, фиксируемые Аристотелем истоки *stasis* не видятся ему неизменными и жестко определенными. В каждом конкретном конфликте в рамках полиса мотивация участников может быть как справедливой, так и несправедливой. В этом смысле аристотелевская таксономия *stasis* более плюралистична и более открыта к новым интерпретациям и переносу в другие контексты, нежели унифицирующие и обобщающие построения Платона.

В силу данной особенности в последние десятилетия наследие Аристотеля оказалось более востребованным, будучи косвенно включено в одну из основных дискуссий о причинах возникновения гражданских конфликтов, описываемых как *greed versus grievance*⁴⁵. Тем самым аргументационная линия Аристотеля, акцентирующая элемент *grievance*, получила новое развитие, в первую очередь в работах Стивена Скалтети, где предпринята попытка построения современной версии аристотелианской конфликтологии⁴⁶. В литературе есть примеры использования терминологии, задействованной Аристотелем для анализа *stasis*, при обсуждении иных тем, помимо гражданских войн *per se*. Так, Дуглас Кейрнс⁴⁷ обращается к концептуальному аппарату V книги «Политики» при рассмотрении спора между Акселем Хоннетом и Ненси Фрейзер о соотношении фактора идентичности и экономической справедливости. В предлагаемом им прочтении линия рассуждений Аристотеля применяется для обоснования правоты Хоннета относительно преимущественного значения вопросов идентичности по сравнению с проблемами экономического равенства.

⁴⁵ Collier and Sambanis (eds) 2005.

⁴⁶ Skultety 2019.

⁴⁷ Cairns, Canevaro, and Mantzouranis 2022.

* * *

Как уже говорилось, словосочетание «гражданская война» в русском языке и аналогичные выражения в европейских языках являются калькой с латинского *bellum civile*. Латинский оригинал этого термина заключает в себе своего рода оксюморон, во многом пропадающий при переводе: речь идет о войне в рамках *civitas* или же *inter cives*, между гражданами. Парадоксальность понятия станет очевиднее, если вспомнить восходящий к тому же корню термин «цивилизация». В силу определенной монистичности римского мышления войны как таковые в их изначальном значении могли вестись против четкой категории, а именно *hostes*, врагов, понимавшихся как враги Рима. Однако *bellum civile* переносит войну непосредственно в сердце римской цивилизации, в среду граждан. Этому переносу подвергается война в собственном римском понимании: отсюда классические и в чем-то парадигмальные для последующей западной истории картины гражданской войны как серии батальных сцен с двумя противостоящими армиями, одна из которых предстает армией злодеев, покушающихся, например, на республиканские ценности или несущих экзистенциальную угрозу суще-

ствованию империи. Таким образом, в римской концепции и наследующих ей европейских теоретических схемах гражданская война принципиально локализуется вне политической системы, те же случаи, когда *bellum civile* врывается в *civitas*, трактуются как патология; побежденная сторона подлежит стигматизации, а в отдельных ситуациях и *damnatio memoriae*. Преодоление гражданского конфликта приводит к восстановлению единства и единственности государства и, в более широком смысле, экумены.

Даже с учетом обусловленности специфическим историческим контекстом жизни греческих полисов концепция *stasis* в ее классической форме у Платона и Аристотеля (несмотря на их расхождения по ряду вопросов) представляется во многих отношениях более плодотворным пролегоменом к современной теории гражданской войны, чем ее римский аналог, продолжающий доминировать в стандартных построениях. Понимание *stasis* как более широкого концепта, нежели его крайнее внешнее проявление в виде вооруженного противостояния; включение в фокус рассмотрения его причин совокупности идеационных факторов и признание предпочтительности предотвращения ситуации гражданской войны на идейном уровне по сравнению с подавлением конфликта посредством грубой силы; имманентное присутствие элемента *stasis* в политической жизни; его плюралистический характер и предполагаемый им отказ от дуалистического противопоставления проигравших и победителей — все это создает оригинальную концептуальную рамку и перекликается с парафразом известного высказывания Карла фон Клаузевица, предложенным Фуко: «Политика есть продолжение гражданской войны» («*La politique est la continuation de la guerre civile*»)⁴⁸. Очевидно, что во все более поляризованном и плюралистическом мире отказ от римского взгляда на *bellum civile* в пользу *stasis* открывает перспективу уточнения наших представлений о гражданских войнах и построения их полноценной теории.

⁴⁸ Foucault 2015: 32.

Библиография

- Агамбен Дж. (2021) *Stasis: Гражданская война как политическая парадигма*. СПб.: Владимир Даль.
- Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Европа.
- Аристотель. (1937) *Афинская полития*. М.: Государственное социально-экономическое изд-во.
- Кассий Дион Коккеян. (2011) *Римская история. Кн. LXIV—LXXX*. СПб.: Нестор-История.
- Кассий Дион Коккеян. (2014) *Римская история. Кн. LI—LXIII*. СПб.: Нестор-История.
- Кревельд М. ван. (2015) *Трансформация войны*. М.: ИРИСЭН; Социум.
- Лоро Н. (2021) *Разделенный город: Забвение в памяти Афин*. М.: Новое литературное обозрение.
- Платон. (2014) *Законы. Послезаконие. Письма*. СПб.: Наука.

- Платон. (2015) *Государство*. М.: Академический проект.
- Третьяк А.Р. (2023) «Stasis и политическая философия современной войны» // *Полития*, № 3 (110): 6—22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-3\(110\)-Pages-001-198-6-22.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-3(110)-Pages-001-198-6-22.pdf) (проверено 11.03.2024).
- Armitage D. (2017) *Civil War: A History in Ideas*. Yale: Yale University Press.
- Berent M. (1998) «Stasis, or the Greek Invention of Politics» // *History of Political Thought*, vol. 19, no. 3: 331—362.
- Cairns D., M.Canevaro, and K.Mantzouranis. (2022) «Recognition and Redistribution in Aristotle's Account of Stasis» // *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought*, vol. 39, no. 1: 1—34.
- Collier P. and N.Sambanis, eds. (2005) *Understanding Civil War: Evidence and Analysis*. Vol. 1—2. Washington: The World Bank.
- Finley M.I. (1981) *Economy and Society in Ancient Greece*. London: Chatto & Windus.
- Foucault M. (2015) *The Punitive Society: Lectures at the Collège de France 1972—1973*. London, New York: Palgrave Macmillan.
- Hunter J.D. (1991) *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: BasicBooks.
- Lange C.H. (2017) «Stasis and Bellum Civile: A Difference in Scale?» // *Critical Analysis of Law: An International & Interdisciplinary Law Review*, vol. 4, no. 2: 129—140.
- Marquard O. (1989) *Farewell to Matters of Principle: Philosophical Studies*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Plato. (1894) *Plato's Republic: The Greek Text*. Oxford: Clarendon Press.
- Plato. (1961) *Plato with an English Translation. Vol. IX: Laws*. Cambridge (MA): Harvard University Press; London: William Heinemann.
- Rogan E. (2013) «Crise politique (stásis) et métamorphoses de la cité chez Aristote» / «Political Crisis (stásis) and Metamorphosis of the City in Aristotle's Philosophy» // *Giornale di Storia Costituzionale / Journal of Constitutional History*, vol. 26, no. 2: 15—31.
- Skultety S.C. (2019) *Conflict in Aristotle's Political Philosophy*. Albany: SUNY Press.
- Vardoulakis D. (2018) *Stasis before the State: Nine Theses on Agonistic Democracy*. New York: Fordham University Press.
- Wenman M. (2013) *Agonistic Democracy: Constituent Power in the Era of Globalization*. New York: Cambridge University Press.

πολιτικά

⁴⁹ The article was prepared with the support from the MGIMO Development Program "Priority-2030".

Ivan A. Nikolaev — M.A. in International Relations; Ph.D. Student at the Department of World Political Processes, MGIMO University. Email: johannes.nikolaev@gmail.com.

I.A.Nikolaev
**ON THE INTERPRETATIONS
 OF THE PHENOMENON
 OF CIVIL WAR
 IN ANCIENT PHILOSOPHY:
 STASIS AND BELLUM CIVILE⁴⁹**

Abstract. The concept of civil war remains relatively underdeveloped given a steadily increasing interest of political philosophers in the study of civil conflicts in general. The multi-layered genealogy of this notion includes elements of significantly different approaches to its definition. The two divergent lines of interpretation of the phenomenon of civil wars can be traced back to the ancient philosophy: the Greek stasis and the Roman bellum civile. In recent years, the concept of stasis is making a comeback to the academic circles due to its use in the works of Nicole Loraux, Giorgio Agamben and a number of other authors. At the same time, the dominant approach to analyzing civil wars is based primarily on their perception in line with the Roman concept, which presupposes a monistic social ontology model and has significant limitations when applied to modern conditions.

In the article, the author analyzes the main features of the perception of the phenomenon of civil wars in the ancient Greek and Roman philosophy. Based on the texts of Plato and Aristotle, who elaborated the theory of stasis in the most systematic way, the author demonstrates that admitting the possibility to overcome just the extreme external manifestations of stasis (but not to eradicate it altogether) inevitably impacts the evaluation of the importance of pluralism in the life of a political community, the interpretation of the actions of the defeated party and memory politics. Hence, the author analyzes how the perception of a civil conflict as a phenomenon inherent in the life of the polis and, in one form or another, an “inevitable evil”, can again be relevant in the context of the philosophical and political discussions of the 21st century.

Keywords: civil war, internal conflict, stasis, agonism, Plato, Aristotle, Giorgio Agamben

References

- Agamben G. (2021) *Stasis: Grazhdanskaja vojna kak politicheskaja paradigma* [Stasis: La guerra civile come paradigma politico]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Arendt H. (2011) *O revoljutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Aristotle. (1937) *Afinskaja politija* [Athenian Politics]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo. (In Russ.)
- Armitage D. (2017) *Civil War: A History in Ideas*. Yale: Yale University Press.
- Berent M. (1998) "Stasis, or the Greek Invention of Politics" // *History of Political Thought*, vol. 19, no. 3: 331–362.
- Cairns D., M.Canevaro, and K.Mantzouranis. (2022) "Recognition and Redistribution in Aristotle's Account of Stasis" // *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought*, vol. 39, no. 1: 1–34.
- Cassius Dio. (2011) *Rimskaja istorija* [Roman History]. Books LXIV–LXXX. St Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russ.)
- Cassius Dio. (2014) *Rimskaja istorija* [Roman History]. Books LI–LXIII. St Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russ.)
- Collier P. and N.Sambanis, eds. (2005) *Understanding Civil War: Evidence and Analysis*. Vol. 1–2. Washington: The World Bank.
- Crevelde M. van. (2015) *Transformatsija vojny* [The Transformation of War]. Moscow: IRISEN; Sotsium. (In Russ.)
- Finley M.I. (1981) *Economy and Society in Ancient Greece*. London: Chatto & Windus.
- Foucault M. (2015) *The Punitive Society: Lectures at the Collège de France 1972–1973*. London, New York: Palgrave Macmillan.
- Hunter J.D. (1991) *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: BasicBooks.
- Lange C.H. (2017) "Stasis and Bellum Civile: A Difference in Scale?" // *Critical Analysis of Law: An International & Interdisciplinary Law Review*, vol. 4, no. 2: 129–140.
- Loraux N. (2021) *Razdelennyj gorod: Zabvenie v pamjati Afin* [La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Marquard O. (1989) *Farewell to Matters of Principle: Philosophical Studies*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Plato. (1894) *Plato's Republic: The Greek Text*. Oxford: Clarendon Press.
- Plato. (1961) *Plato with an English Translation. Vol. IX: Laws*. Cambridge (MA): Harvard University Press; London: William Heinemann.
- Plato. (2014) *Zakony. Poslezakonie. Pis'ma* [Laws. Epinomis. Letters]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Plato. (2015) *Gosudarstvo* [Republic]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Rogan E. (2013) "Crise politique (stásis) et métamorphoses de la cité chez Aristote" / "Political Crisis (stásis) and Metamorphosis of the City in

Aristotle's Philosophy" // *Giornale di Storia Costituzionale / Journal of Constitutional History*, vol. 26, no. 2: 15–31.

Skultety S.C. (2019) *Conflict in Aristotle's Political Philosophy*. Albany: SUNY Press.

Tretiak A.R. (2023) "Stasis i političeskaja filosofija sovremennoj vojny" [Stasis and Political Philosophy of Contemporary War] // *Politeia*, no. 3 (110): 6–22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-3\(110\)-Pages-001-198-6-22.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-3(110)-Pages-001-198-6-22.pdf) (accessed on 11.03.2024). (In Russ.)

Vardoulakis D. (2018) *Stasis before the State: Nine Theses on Agonistic Democracy*. New York: Fordham University Press.

Wenman M. (2013) *Agonistic Democracy: Constituent Power in the Era of Globalization*. New York: Cambridge University Press.

шолтфа

К.Е.Морозов
В ЗАЩИТУ
РОЛЗИАНСКОГО ЭГАЛИТАРИЗМА
КРИТИКА Р.БЕЛЬКОВИЧА И С.ВИНОГРАДОВА

Константин Евгеньевич Морозов — аспирант кафедры этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Для связи с автором: lovecraft.wittgenstein@gmail.com.

Аннотация. Либерально-эгалитарная концепция, сформулированная в «Теории справедливости» Джона Ролза, по сей день вызывает активные дискуссии. К числу критиков этой концепции относятся, в частности, Родион Белькович и Сергей Виноградов, по мнению которых ролзианцы неизбежно оказываются перед дилеммой: им нужно отвергнуть либо принцип различия, либо эгалитаризм удачи, причем любое из этих решений ведет к размыванию базовых оснований теории Ролза.

В статье представлен детальный анализ аргументации Бельковича и Виноградова, показывающий, что поставленная ими дилемма является ложной по трем основаниям. Во-первых, в ней смазывается различие между эгалитаризмом удачи и «строгим эгалитаризмом», предполагающим полное уравнивание доходов и богатства в обществе. Эгалитаристы удачи не поддерживают идею абсолютного равенства в распределении, считая справедливым неравенство, отражающее ответственность людей за их собственный выбор. Во-вторых, ролзианский эгалитаризм, по сути, отождествляется с эгалитаризмом удачи, тогда как это два четко различимых подхода. В-третьих, аргумент похитителя, с помощью которого доказывается несовместимость принципа различия с эгалитаризмом удачи, не является доводом против принципа различия. Его применимость ограничена лишь теми контекстами, где принцип различия встраивается как посылка в «аргумент от поощрения», а тот в свою очередь выдвигается потенциальными бенефициарами такого поощрения.

По заключению автора, приведенные соображения однозначно свидетельствуют о том, что никакого выбора между эгалитаризмом удачи и принципом различия перед ролзианцами не стоит, и предложенную Бельковичем и Виноградовым критику теории Ролза следует признать безосновательной.

Ключевые слова: Джон Ролз, эгалитаризм удачи, либерализм, принцип различия, взаимность, распределительная справедливость, неравенство

Введение

«Теория справедливости» Джона Ролза¹ по сей день остается одним из наиболее влиятельных и цитируемых трудов по политической философии в рамках аналитической традиции. Особый статус этой работы четко зафиксировал коллега Ролза по Гарварду Роберт Нозик в своей книге «Анархия, государство и утопия»: «Отныне политические философы обязаны либо работать в рамках теории Ролза, либо объяснить, почему они этого не делают»². Неудивительно, что до сих пор выходит немало работ, посвященных критике этой теории. В их числе статья Родиона Бельковича и Сергея Виноградова «Спасение ролзовской справедливости: совместимо ли братство с принципом различия?»³, опубликованная в «Политии».

По мнению Бельковича и Виноградова, ролзианцы неизбежно встают перед дилеммой: им нужно отвергнуть либо принцип различия, либо эгалитаризм удачи, причем любое из этих решений ведет к размыванию базовых оснований теории Ролза⁴. Аргументируя данное заключение, исследователи обращаются к книге другого видного либерально-эгалитарного философа Джеральда Аллана Коэна «Спасение справедливости и равенства»⁵, где представлены возражения против ролзовского принципа различия, оправдывающего социальные и экономические неравенства в той мере, в какой они ведут к «наибольшей ожидаемой выгоде наименее преуспевших»⁶. Согласно этому принципу, сохранение в обществе определенного неравенства вполне допустимо, поскольку положение наименее обеспеченных в таком обществе окажется лучше, чем в обществе абсолютного материального равенства, за счет системы экономических стимулов, способствующих повышению продуктивности экономики.

В глазах Коэна вескость подобного «аргумента от поощрения» зависит от того, кто его артикулирует. Если он звучит из уст тех, кому реализация принципа различия сулит наибольшую выгоду, он мало чем отличается от шантажа⁷. Действительно, с моральной точки зрения между заявлениями «Если вы не заплатите мне выкуп, я не верну вам вашего ребенка» и «Если вы не предоставите мне материальное поощрение, я не буду продуктивно работать для максимизации общего блага» нет принципиальной разницы, и коль скоро первое из них не является морально приемлемым, то не является им и второе. А это значит, что ролзианцы должны отвергнуть либо сам базирующийся на «аргументе от поощрения» принцип различия, либо лежащий в основе коэновского возражения эгалитаризм удачи, ибо наиболее действенный ответ на коэновскую критику предполагает оправданность притязаний на неравное материальное вознаграждение⁸.

Цель данной статьи — показать, что поставленная Бельковичем и Виноградовым перед ролзианцами дилемма является ложной по трем основаниям. Во-первых, в ней смазывается различие между эгалитаризмом удачи и строгим эгалитаризмом (straight egalitarianism), предполагающим полное уравнивание доходов и богатства в обществе⁹. Во-вторых, ролзианский эгалитаризм, по сути, отождествляется с эгалитаризмом

¹ Ролз 2010.

² Нозик 2008: 232.

³ Белькович и Виноградов 2021.

⁴ Там же: 71.

⁵ Cohen 2008. См. также Коэн 2020: 77—102.

⁶ Ролз 2010: 84.

⁷ Cohen 2008: 39; Коэн 2020: 90—91.

⁸ Белькович и Виноградов 2021: 68.

⁹ Середя 2021: 285.

¹⁰ Mandle 2009; Tomlin 2012; Forst 2020; Lippert-Rasmussen 2020.

¹¹ Коэн 2020: 82—83, 86—87, 102.

**Эгалитаризм
удачи —
это не строгий
эгалитаризм**

¹² Середя 2021: 275.

¹³ Van Parijs 1991: 105; Коэн 2020: 38.

удачи, тогда как это два четко различимых подхода¹⁰. В-третьих, даже если интерпретировать Ролза как эгалитариста удачи, непримиримого противоречия между его позицией и принципом различия не возникает, поскольку возражения Коэна вовсе не опровергают сам этот принцип, а лишь показывают неуместность его использования для оправдания конкретных политических мер¹¹.

Белькович и Виноградов квалифицируют теорию Ролза как эгалитаризм удачи. Это позиция, согласно которой распределение благ и экономических преимуществ должно быть чувствительным лишь к осознанному выбору людей, но не к тем обстоятельствам их жизни, которые они не выбирали (грубой удаче)¹². Наглядно проиллюстрировать логику эгалитаристов удачи можно с помощью двух примеров, один из которых был предложен Филиппом Ван Парайсом, а другой — Коэном¹³.

В первом примере речь идет о двух людях со сходными талантами и способностью к труду — энтузиасте (crazy) и лентяе (lazy). Хотя оба в равной мере трудоспособны, энтузиаст отличается трудолюбием и усердием, тогда как лентяй предпочитает праздность и безделье. Будет ли оправданно, если энтузиаст, выполняющий больше работы, будет иметь больше благ, чем лентяй? Обыденные моральные интуиции не видят в подобном неравенстве ничего несправедливого. Но эта оценка изменится, если заменить энтузиаста и лентяя из примера Ван Парайса на крепыша (able) и хилого (infirm) из примера Коэна. В противовес первой паре, крепыш и хилый одинаково трудолюбивы, однако если первый здоров и может продуктивно работать, то у второго есть врожденное заболевание, не позволяющее ему трудиться. Справедливо ли неравенство между крепышом и хилым, если причины, по которым они неравны, не зависят от их осознанного выбора? Моральная интуиция подсказывает, что в подобном неравенстве есть что-то проблематичное.

Эта разница моральных интуиций и выступает стартовой точкой рассуждений эгалитаристов удачи относительно оправданного и неоправданного неравенства. Если неравенство отражает ответственность людей за их собственный выбор, оно справедливо, если же в его основе лежит везение одних и невезение других, — то нет. Поэтому факторы, находящиеся вне человеческого контроля (раса, этническая принадлежность, гендер, социальное происхождение, наличие талантов или врожденных заболеваний и т.п.), не должны влиять на распределение благ и экономических преимуществ. Но на это распределение могут влиять факторы, которые зависят от самих людей (выбор профессии, решение о трудоустройстве или инвестициях, социально безответственное поведение и т.д.).

Уже на этом этапе становится ясно, что дилемма Бельковича и Виноградова является ложной. Они формулируют ее так: «Остаются лишь два пути к разрешению внутреннего противоречия в теории Ролза — отказ от постулатов эгалитаризма удачи и признание заслуженности

¹⁴ Белькович и Виноградов 2021: 71.

¹⁵ Babeuf 1997.

¹⁶ Shaw 1928.

¹⁷ Nielsen 1985.

¹⁸ От англ. *desert* — «заслуга».

¹⁹ Dworkin 1981;

Van Parijs 1991;

Arneson 1997;

Knight 2009;

Vallentyne 2009.

**Ролзианский
эгалитаризм —
это не эгалитаризм
удачи**

²⁰ Ролз 2010: 76.

²¹ Белькович и Виноградов 2021: 61. Мои комментарии на этот счет см. Морозов 2023: 96.

некоторых неравенств либо, напротив, признание принципа различия несправедливым и отказ от него в пользу абсолютного равенства в распределении»¹⁴. Но эгалитаризм удачи не предполагает абсолютного равенства в распределении, это позиция строгого эгалитаризма, которой придерживались разве что Гракх Бабёф¹⁵, Бернард Шоу¹⁶ и — с рядом оговорок — Кай Нильсен¹⁷. Эгалитаристы удачи разделяют представление о заслуженности некоторых неравенств, поскольку выстраивают свою аргументацию в пользу равенства на анализе выбора и ответственности. Таким образом, даже если бы Ролз был приверженцем эгалитаризма удачи, для него не составило бы труда признать заслуженность некоторых неравенств, ведь иногда люди неравны не в силу везения, а в результате собственных ответственных решений.

На это, конечно, можно возразить, что признание заслуженности некоторых неравенств не соответствует общему антидезертистскому¹⁸ духу теории Ролза. Это так, но здесь необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, данное соображение относится лишь к теории Ролза, но не к концепциям таких эгалитаристов удачи, как Ван Парайс, Ричард Арнесон, Рональд Дворкин, Карл Найт или Питер Валлентайн¹⁹. Во-вторых, причина, по которой теория Ролза так резко контрастирует с установками эгалитаризма удачи, состоит в том, что Ролз не был эгалитаристом удачи.

Квалификация Ролза как эгалитариста удачи неверно отражает его позицию. Да, позиция эта, бесспорно, сближается с эгалитаризмом удачи в крайне значимом аспекте — акценте на моральной произвольности удачи как фактора, обуславливающего неравное распределение благ и преимуществ между людьми. Действительно, Ролз был одним из первых политических философов, не только обративших внимание на существенную роль удачи в распределении преимуществ, но и использовавших этот факт для обоснования (в широком смысле) эгалитарной перераспределительной политики²⁰. Более того, Белькович и Виноградов совершенно справедливо отмечают, что именно размышления Ролза на эту тему стимулировали дальнейшие дискуссии по данной проблематике, которые и привели к возникновению эгалитаризма удачи как самостоятельного направления в современной политической философии²¹.

Однако одно дело начать дискуссию, а совсем другое — занять в ней определенную позицию. Ролз и эгалитаристы удачи сходятся в трактовке везения как морально произвольного оправдания неравенства между людьми, но делают отсюда совершенно разные выводы. Эгалитаристы удачи настаивают на разграничении неравенств, обусловленных выбором и удачей, чтобы противодействовать вторым, но сохранить первые. Ролз в свою очередь стремится исключить любые ссылки на ответственность в обосновании тех или иных неравенств. Эта особенность его теории станет более ясной, если обратиться к ис-

²² Ролз 2010: 32.

ходному мысленному эксперименту, используемому Ролзом, — завесе неведения²².

Находясь за завесой неведения, люди не имеют представления не только о своем социальном происхождении, гендерной, расовой и этнической принадлежности, врожденных дарованиях и т.д. Они не знают, что именно воспринимается ими как благо и каковы их предпочтения. Поэтому они не могут спрогнозировать, какими будут их решения в обществе, организованном в соответствии с принятыми за завесой неведения принципами справедливости. В связи с этим разумнее для них будет следовать не какой-либо концепции распределения, основанной на заслугах или ответственности, а той, что отвечает эгалитарной трактовке принципа взаимности²³.

²³ Там же: 99;
Rawls 2001: 49.
См. также
Sangiovanni 2007:
19—29; Quong
2011: 78—83.

Принцип взаимности предполагает, что все извлекающие выгоду из системы социальной кооперации должны вносить продуктивный вклад в ее поддержание. Пропорциональная интерпретация этого принципа устанавливает строгую соразмерность между вносимым вкладом и извлекаемой выгодой, но такую интерпретацию трудно назвать справедливой. Ведь она игнорирует то, в какой мере способность вносить продуктивный вклад обусловлена факторами, находящимися вне человеческого контроля.

Представим, что хилый, крепыш, энтузиаст и лентяй из рассмотренных выше примеров Ван Парайса и Коэна участвуют в некоем кооперативном проекте и им надо разделить выгоды от его реализации. Энтузиаст и крепыш — трудоспособные и трудолюбивые люди, поэтому они вносят значительный вклад в поддержание проекта. Хилый трудолюбив, но не трудоспособен, поэтому его вклад в проект очень мал, хотя он и делает все, что в его силах. Лентяй же трудоспособен, но не трудолюбив, поэтому его вклад в проект тоже невелик, при том что он в состоянии работать на равных с энтузиастом и крепышом. Пропорциональная интерпретация взаимности требует распределить большую часть кооперативных выгод между энтузиастом и крепышом, уравнивая положение хилого и лентяя. Но справедливо ли это? Кажется нечестным оценивать вклад хилого ниже, чем энтузиаста и крепыша, учитывая, что все трое выложились по максимуму.

Эгалитарная трактовка взаимности разрешает эту проблему. При такой трактовке те, кто вносит справедливый вклад в кооперативное предприятие, имеют равные с остальными права на долю кооперативных выгод. И поскольку цель подобного кооперативного предприятия — максимизация взаимных выгод, до тех пор, пока каждый вносящий справедливый вклад²⁴ извлекает дополнительную выгоду, система остается справедливой. На первый взгляд данная модель неотличима от эгалитаризма удачи, но это обманчивое впечатление.

²⁴ По мнению Ролза, не вносящие справедливого вклада не имеют права претендовать на долю выгод от социальной кооперации (Ролз 1998: 83—84).

Джонатан Куонг объясняет разницу между концепцией Ролза и эгалитаризмом удачи через противопоставление деонтического и телического эгалитаризма²⁵. Телические эгалитаристы видят в равенстве конкретный распределительный результат, которого необходимо до-

²⁵ Quong 2011: 79.

стичь для реализации требования справедливости. В свою очередь деонтические эгалитаристы рассматривают равенство как принцип, предписывающий обращение с другими как с равными²⁶. Для телических эгалитаристов этот реляционный аспект равенства не важен: с их точки зрения, если блага в обществе распределены чувствительным к ответственности и нечувствительным к удаче способом, то не имеет морального значения, как люди относятся друг к другу²⁷. Для деонтических эгалитаристов, напротив, распределительный аспект равенства является производным от реляционного: распределение есть результат и условие эгалитарных отношений в обществе, а не самостоятельная цель.

Это объясняет, почему для ролзианских эгалитаристов полное уравнивание доходов и богатства не является самоценным. Ведь цель эгалитарной справедливости — отношения взаимности между равными и свободными личностями. На ролзианских основаниях принцип различия оправдан потому, что он способствует максимизации взаимной выгоды. До тех пор, пока благосостояние наименее обеспеченных повышается, пусть даже на фоне растущего отставания в доходах и богатстве от остальных, он увеличивает взаимную выгоду и не ведет к ситуации, когда одна группа улучшает свое положение за счет ухудшения положения других. Более того, принцип различия — третий в порядке лексических приоритетов Ролза²⁸, и его реализация ограничена гораздо менее компромиссными в плане эгалитаризма принципами равных базовых свобод и честного равенства возможностей²⁹.

Приведенные выше соображения ясно показывают, почему концепцию Ролза неверно квалифицировать как эгалитаризм удачи. И все же кто-то по-прежнему мог бы настаивать на том, что она не расходится с эгалитаризмом удачи в принципе, а лишь задействует иной словарь для описания тех же нормативных положений³⁰. Поэтому будет нелишним обратиться к критике эгалитаризма удачи, представленной в широко цитируемой статье Элизабет Андерсон «В чем смысл равенства?»³¹. Позиция, которой придерживается Андерсон, является разновидностью ролзианского эгалитаризма и часто определяется как реляционный, демократический или социальный эгалитаризм³².

Среди множества аргументов, выдвинутых Андерсон против эгалитаризма удачи, в рассматриваемом контексте имеет смысл остановиться на двух. Первый из них — это жестокость эгалитаризма удачи по отношению к тем, кто по беспечности допустил в своей жизни ошибку. В частности, он предполагает, что общество не должно оказывать медицинскую помощь попавшему (по собственной вине или по невнимательности) в аварию водителю, если тот не пристегнул ремень безопасности и не купил себе медицинскую страховку³³. Но можно ли назвать подлинно эгалитарным общество, в котором люди так относятся к бедным и нуждам других?

Второй аргумент — унижительность эгалитаризма удачи для наименее обеспеченных. Ведь государство, организованное на таких основаниях, обязательно требует разделения адресатов перераспреде-

²⁶ См. Korsgaard 1993; Anderson 1999; Scheffler 2003.

²⁷ Некоторые эгалитаристы удачи включают реляционные аспекты равенства в свою построения. См., напр. Lippert-Rasmussen 2015; Коэн 2020; Intropi 2022.

²⁸ Белькович и Виноградов ошибочно называют его вторым (Белькович и Виноградов 2021: 62).

²⁹ Ролз 2010: 267.

³⁰ Ср. с возражениями Майкла Оцука относительно деонтического характера эгалитаризма удачи Куонга (Quong 2011: 79).

³¹ Anderson 1999.

³² Сходным образом можно определить также позицию Сэмюэля Шеффлера (см. Scheffler 2003).

³³ Anderson 1999: 295. См. также Scheffler 2003: 18—19.

лительной политики на «достойных» и «недостойных». Между тем для отделения одних от других не обойтись без обширного вмешательства в частную жизнь, которое само по себе является унижительным и дегуманизирующим. Но еще более унижителен тот факт, что получение каких-либо благ через перераспределение будет равносильно вердикту: «Вы не в состоянии позаботиться о себе сами, но это не ваша вина, так что государство возьмет заботу о вас на себя»³⁴.

³⁴ Anderson 1999: 305.

Отношения обоих типов (жестокость и унижение) несовместимы с принципами демократического эгалитарного общества, к построению которого стремится Ролз. Поэтому, с точки зрения ролзианских эгалитаристов, апелляции к ответственности в рамках перераспределительной политики государства просто неуместны (хотя и уместны на уровне обоснования самих принципов справедливости). Ролзианское перераспределение скорее нацелено на создание такой социальной структуры, при которой люди могли бы жить как равные и свободные личности, рассматривающие общество как кооперативное предприятие ради взаимной выгоды. Распределение здесь вторично по отношению к равенству статуса и положения, а потому уравнивание ресурсов, возможностей для благосостояния или чего-либо еще не считается самоценным.

Основную моральную озабоченность у ролзианцев вызывает не само по себе материальное неравенство, а диспропорция власти и доминирование, порождаемые таким неравенством. В их глазах ситуация, когда университетский преподаватель пользуется своим положением, чтобы сожительствовать со студентками, — более показательный и морально тревожный пример неравенства, чем простая неэквивалентность доходов. Поэтому и неравное распределение, подразумеваемое принципом различия, не является для них проблематичным, пока оно не вызывает отношений доминирования, возникновению которых препятствуют приоритеты первого и второго порядка, а именно принципы равных базовых свобод и честного равенства возможностей. Таким образом, ролзианцам не приходится выбирать между принципом различия и эгалитаризмом удачи, ведь они и не принимают последнего.

Аргумент похитителя Коэна — это не аргумент против принципа различия

Но нельзя ли обойти это возражение против дилеммы Бельковича и Виноградова, несколько модифицировав ее формулировку? Ведь даже если теория Ролза не является эгалитаризмом удачи в стандартном его понимании, ее все-таки можно назвать таковым в том специфичном смысле, что она подразумевает обоснование эгалитаризма через ссылку на моральную произвольность удачи. Не содержится ли в рассуждениях Бельковича и Виноградова, при всей некорректности используемой ими терминологии, рациональное зерно? Тем более что у эгалитаристов удачи есть продуманные ответы на критику Андерсон³⁵, а сами позиции ролзианских эгалитаристов и эгалитаристов удачи могут рассматриваться как пусть и не обязательно связанные, но совместимые друг с другом³⁶.

³⁵ Cepeda 2021: 278—280.

³⁶ Tomlin 2012; Lippert-Rasmussen 2015. Критику см. Anderson 2010; Forst 2020.

³⁷ Белькович и Виноградов 2021: 63.

³⁸ Ролзианский анализ аргумента похитителя см. также Mandle 2009; Thomas 2011; Wall 2013; Moon 2015.

³⁹ Коэн 2020: 85—86.

⁴⁰ Там же: 82.

⁴¹ Там же: 90.

Но и в этом случае анализируемая дилемма оказывается ложной из-за неверного прочтения приводимого в ее обоснование аргумента. Речь идет об аргументе похитителя Коэна, который трактуется Бельковичем и Виноградовым как направленный против принципа различия *per se*³⁷, хотя на деле он нацелен на опровержение «аргумента от поощрения»³⁸.

Формулируя возражения против последнего, Коэн проясняет свою позицию на примере аргументации в пользу снижения максимума прогрессивной ставки налогообложения с 60% до 40%, структура которой выглядит следующим образом.

1. Экономические неравенства оправданны, когда ведут к наибольшей выгоде наименее обеспеченных (собственно принцип различия).
2. При максимальной ставке 40% талантливые богатые произведут больше благ, чем при 60%, и, соответственно, наименее обеспеченные получают большую выгоду.
3. Следовательно, снижение максимальной ставки налога с 60% до 40%, как и порожаемое этим неравенство, оправданно³⁹.

Коэн абстрагируется от вопроса о том, верна ли вторая посылка, то есть действительно ли снижение максимальной ставки налога до 40% пойдет на пользу наименее обеспеченным. При этом он явно исходит из истинности первой посылки — принципа различия⁴⁰. Уже одно это указывает на неадекватность построений Бельковича и Виноградова: Коэн использует аргумент похитителя не в качестве довода против принципа различия, ибо сам принимает его, а как основание для отвержения «аргумента от поощрения», для которого принцип различия — лишь одна из посылок.

Более того, Коэн отвергает не сам «аргумент от поощрения», а конкретные способы его применения. В его глазах этот аргумент подобен требованию похитителя, если к нему прибегают те, от кого зависит истинность второй посылки⁴¹. Иными словами, он видит моральную проблему не в принципе различия и даже не в «аргументе от поощрения» как таковом, а в ситуации, когда его задействуют представители группы «талантливые богатые». Именно в этом случае «аргумент от поощрения» превращается в угрозу: «Либо вы снизите максимальную ставку налога до 40%, либо мы будем работать хуже, чтобы наименее обеспеченные получили меньшую выгоду». Тот факт, что подобная формулировка сродни шантажу, ничего не говорит насчет самого принципа различия.

Представим, что «аргумент от поощрения» выдвигает кто-то из наименее обеспеченных. Скажем, в рассмотренном выше примере кооперативного предприятия четырех персонажей с предложением взять в качестве шаблона для распределения принцип различия выступает самый уязвимый из них, а именно хилый, который считает честным, чтобы его товарищи, объективно вносящие больший вклад в поддержание их совместного проекта, получали дополнительное вознаграждение за

свои усилия, тем более что в результате его собственное положение окажется даже лучше, чем при строго эгалитарном распределении. Будет ли такое использование принципа различия морально подобным шантажу? Очевидно, нет.

Другими словами, аргумент похитителя не направлен против принципа различия. В тех случаях, когда этот принцип не задействуется для оправдания дополнительного материального поощрения и без того богатых (по крайней мере, не задействуется ими самими), аргумент похитителя не служит доводом против его принятия. А потому, даже если интерпретировать позицию Ролза как эгалитаризм удачи или даже строгий эгалитаризм, не возникает никакой дилеммы.

Заключение

В статье Бельковича и Виноградова представлена интересная попытка глубокой критики теории справедливости Ролза. Однако попытка эта не увенчалась успехом. При ближайшем рассмотрении дилемма, которую авторы ставят перед ролзианцами, оказывается ложной по трем основаниям.

Во-первых, дилемма эта сформулирована таким образом, что предполагает выбор между принципом различия и эгалитаризмом удачи, где последний предстает как ориентация на полное экономическое уравнивание всех. Но это позиция строгого эгалитаризма, а не эгалитаризма удачи, который допускает оправданное неравенство как результат ответственных решений, принимаемых людьми.

Во-вторых, несмотря на некоторое созвучие в акценте на моральной произвольности удачи, ролзианский эгалитаризм — это не эгалитаризм удачи. Концепцию Ролза скорее следует рассматривать как одну из разновидностей реляционного эгалитаризма, связывающего распределение благ и преимуществ с требованием взаимности, а не с учетом ответственности и выбора, как это делают эгалитаристы удачи.

В-третьих, аргумент похитителя Коэна, с помощью которого Белькович и Виноградов пытаются доказать несовместимость принципа различия с эгалитаризмом удачи, не является доводом против принципа различия. Его применимость ограничена лишь теми контекстами, где принцип различия встраивается как посылка в «аргумент от поощрения», а тот в свою очередь используется представителями обеспеченных слоев общества.

Неудача Бельковича и Виноградова представляется поучительной для всех, кто занимается политической философией. Ведь она демонстрирует, что у современной либерально-эгалитарной теории остается немало теоретических ресурсов, которые недостаточно исследованы русскоязычными философами. И без внимательного их изучения и проработки сколько-нибудь плодотворная критика данной теории и составляющих ее концепций едва ли возможна.

Библиография

- Белькович Р.Ю. и С.В.Виноградов. (2021) «Спасение ролзовской справедливости: совместимо ли братство с принципом различия?» // *Политея*, № 1 (100): 60–74. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-60-74.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-60-74.pdf) (проверено 16.02.2024).
- Коэн Дж. (2020) *Совместимы ли свобода и равенство?* М.: Свободное марксистское изд-во.
- Морозов К.Е. (2023) «Левое либертарианство и генетическая справедливость» // *Этическая мысль*, т. 23, № 1: 95–108.
- Нозик Р. (2008) *Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН.
- Ролз Дж. (1998) «Идеи блага и приоритет права» // Макеева Л.Б., сост. *Современный либерализм: Джон Ролз, Рональд Дворкин, Исайя Берлин, Уилл Кимлика, Майкл Дж. Сэндел, Джереми Уолдрон, Чарльз Тейлор*. М.: Прогресс-Традиция; Дом интеллектуальной книги: 76–107.
- Ролз Дж. (2010) *Теория справедливости*. М.: ЛКИ.
- Середа Д.С. (2021) «Эгалитаризм удачи: два направления критики» // *Социологическое обозрение*, т. 21, № 2: 273–289. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2021/06/29/1428739754/SocOboz_20_2_273-289_Sereda.pdf (проверено 16.02.2024).
- Anderson E.S. (1999) «What Is Point of Equality?» // *Ethics*, vol. 109, no. 2: 287–337.
- Anderson E.S. (2010) «The Fundamental Disagreement between Luck Egalitarians and Relational Egalitarians» // *Canadian Journal of Philosophy*, vol. 40, no. S1: 1–23.
- Arneson R.J. (1997) «Equality and Equal Opportunity for Welfare» // Pojman L.P. and R.Westmoreland, eds. *Equality: Selected Readings*. Oxford: Oxford University Press: 229–241.
- Babeuf G. (1997) «The Manifesto of Equality» // Pojman L.P. and R.Westmoreland, eds. *Equality: Selected Readings*. Oxford: Oxford University Press: 49–52.
- Cohen G.A. (2008) *Rescuing Justice and Equality*. Cambridge: Harvard University Press.
- Dworkin R. (1981) «What Is Equality? Part 2: Equality of Resources» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 4: 283–345.
- Forst R. (2020) «The Point of Justice: On the Paradigmatic Incompatibility between Rawlsian „Justice as Fairness“ and Luck Egalitarianism» // Mandle J. and S.Roberts-Cady, eds. *John Rawls: Debating the Major Questions*. Oxford: Oxford University Press: 148–162.
- Intropi P. (2022) «Reciprocal Libertarianism» // *European Journal of Political Theory*, vol. 23, no. 1: 23–43. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/14748851221099659> (accessed on 16.02.2024).
- Knight C. (2009) *Luck Egalitarianism: Equality, Responsibility and Justice*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Korsgaard C.M. (1993) «The Reasons We Can Share: An Attack on the Distinction between Agent-Relative and Agent-Neutral Values» // *Social Philosophy and Policy*, vol. 10, no. 1: 24–51.

- Lippert-Rasmussen K. (2015) «Luck Egalitarians versus Relational Egalitarians: On the Prospects of a Pluralist Account of Egalitarian Justice» // *Canadian Journal of Philosophy*, vol. 45, no. 2: 220—241.
- Lippert-Rasmussen K. (2020) «Rawls and Luck Egalitarianism» // Mandle J. and S.Roberts-Cady, eds. *John Rawls: Debating the Major Questions*. Oxford: Oxford University Press: 133—147.
- Mandle J. (2009) *Rawls's «A Theory of Justice»: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Moon J.D. (2015) «Cohen vs Rawls on Justice and Equality» // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, vol. 18, no. 1: 40—56.
- Nielsen K. (1985) *Equality and Liberty: A Defense of Radical Egalitarianism*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Quong J. (2011) «Left-Libertarianism: Rawlsian Not Luck-Egalitarian» // *The Journal of Political Philosophy*, vol. 19, no. 1: 64—89. URL: <https://www.ceu.edu/sites/default/files/attachment/event/5772/quong-left-libertarianism.pdf> (accessed on 16.02.2024).
- Rawls J. (2001) *Justice as Fairness: A Restatement*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Sangiovanni A. (2007) «Global Justice, Reciprocity, and the State» // *Philosophy & Public Affairs*, vol. 35, no. 1: 3—39.
- Scheffler S. (2003) «What Is Egalitarianism?» // *Philosophy & Public Affairs*, vol. 31, no. 1: 5—39.
- Shaw G.B. (1928) *The Intelligent Woman's Guide to Socialism and Capitalism*. New York: Brentano's Publishers.
- Thomas A. (2011) «Cohen's Critique of Rawls: A Double Counting Objection» // *Mind*, vol. 120, no. 480: 1099—1141.
- Tomlin P. (2012) «Can I Be a Luck Egalitarian and a Rawlsian?» // *Ethical Perspectives*, vol. 19, no. 3: 371—397.
- Vallentyne P. (2009) «Left-Libertarianism as a Promising Form of Liberal Egalitarianism» // *Philosophic Exchange*, vol. 39, no. 1: 56—71.
- Van Parijs P. (1991) «Why Surfers Should Be Fed: The Liberal Case for an Unconditional Basic Income» // *Philosophy & Public Affairs*, vol. 20, no. 2: 101—131.
- Wall S. (2013) «Rescuing Justice from Equality» // Paul E.F., F.D.Miller, and J.Paul, eds. *New Essays in Political and Social Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press: 180—212.

πολιτικά

K. E. Morozov
IN DEFENSE OF RAWLSIAN
EGALITARIANISM

CRITIQUE OF R. BELKOVICH AND S. VINOGRADOV

Konstantin E. Morozov — Ph.D. Student at the Department of Ethics, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Email: lovecraft.wittgenstein@gmail.com.

Abstract. The liberal-egalitarian concept formulated by John Rawls in his book *A Theory of Justice* is still vehemently debated today. Critics of this concept include, among others, Rodion Belkovich and Sergei Vinogradov, according to whom Rawlsians inevitably face a dilemma: they need to reject either the difference principle or luck egalitarianism, and each of these solutions leads to the erosion of the basic foundations of Rawls's theory.

The article presents a detailed analysis of the arguments put forward by Belkovich and Vinogradov and demonstrates that the dilemma they identified is flawed for three reasons. First, it blurs the distinction between luck egalitarianism and "straight egalitarianism," which assumes the complete equality of income and wealth in society. Luck egalitarians do not support the idea of absolute equality in distribution and consider inequality that reflects people's responsibility for their own choices fair. Second, Rawlsian egalitarianism is essentially equated with luck egalitarianism, while they represent two clearly distinguishable approaches. Third, the kidnapper's argument, which proves that the difference principle is incompatible with luck egalitarianism, does not provide solid reasoning against the difference principle. The argument is only applicable under limited conditions, when the difference principle is embedded as an assumption in the "argument from incentives", which in turn is put forward by the potential beneficiaries of this incentive.

According to the author's conclusion, the above mentioned considerations clearly indicate that Rawlsians do not face any dilemma of choosing between luck egalitarianism and the difference principle, and the criticism of Rawls's theory proposed by Belkovich and Vinogradov should be considered groundless.

Keywords: John Rawls, luck egalitarianism, liberalism, difference principle, reciprocity, distributive justice, inequality

References

Anderson E.S. (1999) "What Is Point of Equality?" // *Ethics*, vol. 109, no. 2: 287–337.

Anderson E.S. (2010) “The Fundamental Disagreement between Luck Egalitarians and Relational Egalitarians” // *Canadian Journal of Philosophy*, vol. 40, no. S1: 1—23.

Arneson R.J. (1997) “Equality and Equal Opportunity for Welfare” // Pojman L.P. and R. Westmoreland, eds. *Equality: Selected Readings*. Oxford: Oxford University Press: 229—241.

Babeuf G. (1997) “The Manifesto of Equality” // Pojman L.P. and R. Westmoreland, eds. *Equality: Selected Readings*. Oxford: Oxford University Press: 49—52.

Belkovich R.Yu. and S.V. Vinogradov. (2021) “Spasenie rolzovskoj spravedlivosti: sovместimo li bratstvo s printsiptom razlichija?” [Rescuing Rawlsian Justice: Are Fraternity and Difference Principle Compatible?] // *Politeia*, no. 1 (100): 60—74. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-60-74.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-60-74.pdf) (accessed on 16.02.2024). (In Russ.)

Cohen G.A. (2008) *Rescuing Justice and Equality*. Cambridge: Harvard University Press.

Cohen G.A. (2020) *Sovместimy li svoboda i ravenstvo?* [Are Freedom and Equality Compatible?] Moscow: Svobodnoe marksistskoe izd-vo. (In Russ.)

Dworkin R. (1981) “What Is Equality? Part 2: Equality of Resources” // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 4: 283—345.

Forst R. (2020) “The Point of Justice: On the Paradigmatic Incompatibility between Rawlsian „Justice as Fairness“ and Luck Egalitarianism” // Mandle J. and S. Roberts-Cady, eds. *John Rawls: Debating the Major Questions*. Oxford: Oxford University Press: 148—162.

Intropi P. (2022) “Reciprocal Libertarianism” // *European Journal of Political Theory*, vol. 23, no. 1: 23—43. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/14748851221099659> (accessed on 16.02.2024).

Knight C. (2009) *Luck Egalitarianism: Equality, Responsibility and Justice*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Korsgaard C.M. (1993) “The Reasons We Can Share: An Attack on the Distinction between Agent-Relative and Agent-Neutral Values” // *Social Philosophy and Policy*, vol. 10, no. 1: 24—51.

Lippert-Rasmussen K. (2015) “Luck Egalitarians versus Relational Egalitarians: On the Prospects of a Pluralist Account of Egalitarian Justice” // *Canadian Journal of Philosophy*, vol. 45, no. 2: 220—241.

Lippert-Rasmussen K. (2020) “Rawls and Luck Egalitarianism” // Mandle J. and S. Roberts-Cady, eds. *John Rawls: Debating the Major Questions*. Oxford: Oxford University Press: 133—147.

Mandle J. (2009) *Rawls’s “A Theory of Justice”: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Moon J.D. (2015) “Cohen vs Rawls on Justice and Equality” // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, vol. 18, no. 1: 40—56.

Morozov K.E. (2023) “Levoe libertarianstvo i geneticheskaja spravedlivost’” [Left-Libertarianism and Genetic Justice] // *Eticheskaja mysl’* [Ethical Thought], vol. 23, no. 1: 95—108. (In Russ.)

Nielsen K. (1985) *Equality and Liberty: A Defense of Radical Egalitarianism*. Lanham: Rowman & Littlefield.

Nozick R. (2008) *Anarkhija, gosudarstvo i utopija* [Anarchy, State, and Utopia]. Moscow: IRISEN. (In Russ.)

Quong J. (2011) “Left-Libertarianism: Rawlsian Not Luck-Egalitarian” // *The Journal of Political Philosophy*, vol. 19, no. 1: 64–89. URL: <https://www.ceu.edu/sites/default/files/attachment/event/5772/quong-left-libertarianism.pdf> (accessed on 16.02.2024).

Rawls J. (1998) “Idei blaga i prioritet prava” [The Priority of Right and Ideas of the Good] // Makeeva L.B., ed. *Sovremennyy liberalizm: Dzhon Rolz, Ronal'd Dvorkin, Isaja Berlin, Uill Kimlika, Majkl Dzh. Sendel, Dzhheremi Uoldron, Charl'z Tejlor* [Contemporary Liberalism: John Rawls, Ronald Dworkin, Isaiah Berlin, Will Kymlicka, Michael J. Sandel, Jeremy Waldron, Charles Taylor]. Moscow: Progress-Traditsija; Dom intellektual'noj knigi: 76–107. (In Russ.)

Rawls J. (2001) *Justice as Fairness: A Restatement*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Rawls J. (2010) *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: LKI. (In Russ.)

Sangiovanni A. (2007) “Global Justice, Reciprocity, and the State” // *Philosophy & Public Affairs*, vol. 35, no. 1: 3–39.

Scheffler S. (2003) “What Is Egalitarianism?” // *Philosophy & Public Affairs*, vol. 31, no. 1: 5–39.

Sereda D.S. (2021) “Egalitarizm udachi: dva napravlenija kritiki” [Luck Egalitarianism: Two Lines of Critique] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 20, no. 2: 273–289. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2021/06/29/1428739754/SocOboz_20_2_273-289_Sereda.pdf (accessed on 16.02.2024). (In Russ.)

Shaw G.B. (1928) *The Intelligent Woman's Guide to Socialism and Capitalism*. New York: Brentano's Publishers.

Thomas A. (2011) “Cohen's Critique of Rawls: A Double Counting Objection” // *Mind*, vol. 120, no. 480: 1099–1141.

Tomlin P. (2012) “Can I Be a Luck Egalitarian and a Rawlsian?” // *Ethical Perspectives*, vol. 19, no. 3: 371–397.

Vallentyne P. (2009) “Left-Libertarianism as a Promising Form of Liberal Egalitarianism” // *Philosophic Exchange*, vol. 39, no. 1: 56–71.

Van Parijs P. (1991) “Why Surfers Should Be Fed: The Liberal Case for an Unconditional Basic Income” // *Philosophy & Public Affairs*, vol. 20, no. 2: 101–131.

Wall S. (2013) “Rescuing Justice from Equality” // Paul E.F., F.D.Miller, and J.Paul, eds. *New Essays in Political and Social Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press: 180–212.

политика

Н.А. Рыжков

ГРАЖДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Никита Антонович Рыжков — магистрант департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: nikus.2000@mail.ru.

Аннотация. В статье представлен концептуальный анализ гражданской религии как особой формы сопряжения сакрального и политического. Констатируя необходимость обращения социальных исследователей к религиозной стороне жизни общества в целом и ее политическим импликациям в частности, автор пытается не только реконструировать генеалогию термина «гражданская религия», но и проследить различия между гражданской и политической религией.

На основе анализа происхождения концепта гражданской религии автор показывает, что его компоненты — «гражданский» и «религиозный» — были привнесены из двух совершенно разных по духу источников: социальной философии Жан-Жака Руссо и социологического проекта Эмиля Дюркгейма. Роберту Белла удалось совместить эвристики обоих источников и предложить специфический язык описания внешне секулярных, но внутренне религиозных обществ.

Тщательно проанализировав три выделенных Белла признака гражданской религии, автор уделяет особое внимание ее функционированию в качестве коммуникативной среды — специфического набора ценностей, табуирующих либо стимулирующих артикуляцию тех или иных политических вопросов. Коммуникативная среда не только обеспечивает удовлетворение нужд государства, в рамках которого установлен гражданско-религиозный культ, но и поддерживает консенсус относительно базовых ценностей, подрыв которых чреват полной дезинтеграцией общества.

По заключению автора, чтобы говорить о наличии в политике гражданской религии, эта политика должна отвечать нескольким условиям, включая безусловный консенсус в отношении сакрализуемых ценностей, телеологически и ценностно обоснованное принятие политических решений, а также «топологический» характер развертывания политического культа. В этом и кроется главная причина относительной редкости подобной формы политической жизни.

Ключевые слова: гражданская религия, политическая религия, ценности, сакральность, коммуникация

Введение

- На протяжении долгого времени связь ценностей с общественными и политическими процессами являлась одним из центральных для западной политико-философской мысли вопросов¹. Однако в последние годы к нему обращаются все реже, особенно когда речь идет о наиболее концентрированной форме ценностей — религиозной. Некоторые исследователи, в том числе Петер Бергер, усматривают истоки данной тенденции в вере в секуляризацию общества². Существует и более радикальный взгляд, которого придерживается, в частности, Стивен Уорнер, утверждающий, что религия есть пережиток «досовременных обществ», а потому исследования форм религиозной жизни все чаще сталкиваются с «трудностями интерпретации и риторической неуверенностью»³. Наконец, Родни Старк и Роджер Финке полагают, что за снижением интереса социальных наук к религиозному аспекту общественной жизни кроется представление, что «человеческие ценности не могут обсуждаться с научной точки зрения»⁴.

Тут присутствуют два принципиально разных аргумента в пользу веберовского тезиса о последовательном «расколдовывании мира»⁵. Бергер и Уорнер постулируют неизбежность вытеснения религиозного компонента из общественной жизни; Старк и Финке, не разделяя этой позиции, обращают внимание на невозможность научного, в противовес нормативному, описания сакрализуемых ценностей.

Вместе с тем приводятся и контраргументы. Примечательно, что артикулируют их те же авторы. Так, показывается, что «общественная динамика не может быть понята без анализа динамики ценностей»⁶, а «религиозные нормы во многом являются основанием устойчивой динамики власти в конкретном обществе»⁷.

В целом этот спор (теоретически важный, но заведомо неразрешимый) сам по себе не имеет прямого отношения к последующим рассуждениям. Упоминание о нем скорее представляет собой еще один способ указать на актуальность проблемы религиозных ценностей для социальной теории и развития дискуссии внутри нее.

Бергеровская отсылка к динамике власти не случайна. Концептуальный анализ гражданской религии подразумевает внимание к *политическим* взаимоотношениям общества и религии — в русле исследований Яна ван Дета и Элинора Скарбро, настаивавших на важности выявления ценностей (в том числе религиозных) для понимания факторов социальной сплоченности и стабильности конкретного общества⁸. Иначе говоря, вопрос ценностей — центральный вопрос политики, поскольку он касается возможности самого «соединения индивидуальностей» вокруг набора универсальных (для общества) ценностей. Соответственно, одна из главных функций религии в политическом процессе — обнаружение такого морального авторитета, который мог

⁸ Подробнее см. Van Deth and Scarbrough (eds) 1995.

⁹ Taylor 2003: 45.

бы стать основанием для «оправдания принятия политического решения»⁹ политическими институтами. Легитимность этих институтов (то есть вера граждан в их законность и право принимать общеобязательные решения) порой приобретает не только идеологический, но и религиозный оттенок.

Сопряжение политики и религии носит двоякий характер. С одной стороны, политические институты, черпающие свою легитимность через апелляцию к ценностям и убеждениям, требуют к себе трепетного отношения: процедуры и правила формирования институтов сами по себе ценностно и символически окрашены, ибо их функционирование есть манифестация отношения граждан к политике, строящегося на соединении символических и ценностных идеалов. С другой стороны, политические решения, принимаемые сообразно ценностям, близким к религиозным, способствуют распространению власти государственных институтов, использующих собственную моральную легитимность в политических целях для «создания у граждан религиозного ощущения»¹⁰. Филипп Горски называет это сопряжение «политической религией»¹¹.

¹⁰ Gorski 2003: 85.

¹¹ Ibidem.

Однако если у исследователей уже есть специфический язык описания взаимопроникновения политического и религиозного контекстов, зачем понадобился постепенно забывшийся концепт гражданской религии? Для чего и при каких обстоятельствах в научную дискуссию вернулось понятие, фактически придуманное Жан-Жаком Руссо? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Две традиции: Жан-Жак Руссо и Эмиль Дюркгейм

Как уже было сказано, своим названием концепт гражданской религии обязан Руссо. В трактате «Общественный договор» гражданская религия описывается им как «исповедание веры чисто гражданское», основные постулаты которого «просты, немногочисленны, выражены точно, без разъяснений и комментариев»¹² и при этом допускают иные религии — «при условии, что их догматы ни в чем не противоречат долгу гражданина»¹³. Это определение, при всей его туманности в части «долга гражданина», задает некоторое мерило «религии граждан»: ее догматика исключает противоречие между гражданским долгом и чем бы то ни было еще, тем самым выводя за скобки вопрос о соотношении власти церковной (божественной) и светской. Исчезает необходимость дополнительного определения того, что есть «богово», а что — «кесарево».

¹² Руссо 2000a: 320—321.

¹³ Там же: 322.

Вместе с тем, если не отбрасывать скрупулезные, а подчас откровенно ригористические интерпретации Руссо, велик шанс обнаружить, что требуемая им совершенная покорность «общей воле» — откровенно «культовая» социальная установка, наполненная сакральными переживаниями¹⁴ («голос народа есть и в самом деле глас Божий»¹⁵).

¹⁴ Wilson 1971: 14.

¹⁵ Руссо 2000b: 159.

Здесь возможны два возражения. Во-первых, будучи человеком своей эпохи, Руссо не стал бы отдавать на откуп некоей божественной

инстанции слишком многое. «Добрый гражданин» значит для политики гораздо больше, чем примерный христианин, хотя бы потому, что общее благо (равнозначное благу государства) важнее соблюдения предписаний «религии жрецов». Являясь интерпретаторами «гласа Божьего»¹⁶, те играют гораздо меньшую роль, чем граждане, поскольку «здесь и сейчас» политика в большей степени зависит от соблюдения социального порядка, нежели от предписаний священных книг.

¹⁶ DeLue 1997: 157.

Во-вторых, «гражданская добродетель» (*la vertu civique*), мобилизуемая чувством «общего блага», выраженного в «религии граждан», предполагает в первую очередь ответственность перед законом *per se*, как бы тот ни описывался. Строго говоря, закон, предписывающий уважение к порядку, установленному общественным договором, может быть обоснован с привлечением любого материала, включая библейский; от этого его суть не изменится, ибо хороший гражданин в конечном счете должен быть ответствен перед государством, а не Богом¹⁷.

¹⁷ Noone 1980: 140.

Стоит зафиксировать промежуточный вывод. Проблематизировав идею религии «добрых граждан», Руссо трансформировал «политическую религию» в «гражданскую» и задал специфический тон разговора о последней: отделенная и эмансипированная от тотальной инстанции божественного закона, она все же остается *религией*, поскольку апеллирует к сакрализуемым гражданами ценностям. Не столь важно, каким именно языком те описывают для себя эти ценности, — важно то, что привитое гражданам чувство солидарности с общим благом взывает к единому порядку чувств. Эти чувства в первую очередь *гражданственные*, прямо связанные с политикой и лишь опосредованно — с «существом», установившим политический порядок. Более того, чрезмерная связь с Богом, по мнению Руссо, вредна для политики: так, само появление христианства с идеей «царства Божьего» и постоянными реинтерпретациями способов его достижения «вызвало междоусобные распри, которые с тех пор уже никогда не переставали волновать христианские народы»¹⁸. Для социального порядка «государства добрых граждан» первостепенное значение имеет политический компонент гражданской религии. Руссо явно не слишком заботят метафоры, в которые окажется «обернут» гражданский культ. Главное, чтобы эти метафоры в достаточной мере сакрализовали политический порядок и обеспечили лояльность граждан¹⁹.

¹⁸ Руссо 2000а: 314.

¹⁹ Casanova 1994: 59.

Таким образом, идея гражданской религии Руссо состоит в том, что в государстве возможно установление емких и притом постоянно артикулируемых норм, облакаемых в интуитивно понятные верования, принимаемые гражданами в качестве сакральных и потому безусловных²⁰. Важно отметить, что эта безусловность *законна*, то есть неотделима от постановления «общей воли», но существует практически вне зависимости от «божества» и проводников его воли — «жречества».

²⁰ О гражданской религии по Руссо подробнее см. Weiner 2011, esp. 11—16, 73—86.

Руссо, впрочем, философ, и его сочинения — интеллектуальный артефакт, являющийся не вполне научным. Между тем со временем понятие гражданской религии было погружено в научный контекст, но

этому предшествовала важная модификация, ставшая основой едва ли не всякой будущей социальной антропологии.

Согласно расхожей, но от этого не менее справедливой трактовке воззрений Эмиля Дюркгейма, «религия есть источник всего социального»²¹. Велик соблазн переиначить формулировку Аллана Кеннета и заявить: «Дюркгейм есть источник всех социальных наук». В случае гражданской религии это будет весьма близко к истине.

Хотя в сочинениях французского социолога не удастся найти ни абзаца, посвященного гражданской религии, Дюркгейм опосредованно внес вклад в ее современную интерпретацию. В «Элементарных формах религиозной жизни» Дюркгейм исследует прежде всего тотемизм, «наиболее простую и примитивную религию»²². Для него тотемизм примечателен в первую очередь тем, что отношение члена сообщества к предмету поклонения в целом схоже с его отношением к сообществу: «тотемизм и клан взаимно предполагают друг друга»²³. Тотем здесь не просто некий символ, но буквальное выражение и четкая манифестация социального порядка, связь с которым дана членам сообщества по праву рождения²⁴. Но эта связь накладывает ряд существенных ограничений и табу. Тотем выступает и основанием моральной жизни клана²⁵, его

²¹ Там же: 290.

²² Там же: 189—190.

²³ Там же: 260.

моральным законом, следование которому — одновременно и право, и обязанность.

В этом месте обнаруживается порой ускользающий от исследователя, но очень важный для социологии религии момент: тотемизм, о котором пишет Дюркгейм, не только не делит мир на «потусторонний» и «посюсторонний», но и весьма радикально сближает сакральный и профанный порядок. Тотем, безусловно, сакрален, поклонение ему тоже, однако сакральность эта *нормальна*, поскольку сопряжена с ежедневной практикой исполнения закона. Строго говоря, сама оппозиция «потустороннего» и «естественного» оказывается умозрительной, аналитической и не связана с персональной верой: почитающие тотем видят мир как пространство, в котором деятельны и они сами, и их божество²⁶.

²⁴ Там же: 113.

Дюркгейм, таким образом, показал, что праксис социального порядка не просто неотделим от некоей инстанции, в которой происходит общение со «священным», но и само это общение невозможно без организации порядка в соответствии с «моральным законом общества».

²⁵ Дюркгейм 2018: 734.

²⁶ Cristi and Dawson 1996: 322.

Вследствие концентрации Дюркгейма на культуре поклонения тотему и его символике религия в его интерпретации обретает черты общества, которое как бы поклоняется самому себе, поскольку «нигде [кроме общества — *Н.Р.*] мы не найдем такого богатства различных материй, сосредоточенных в таком количестве в одном месте. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что здесь высвобождается жизнь более высокого порядка»²⁷. Эта закономерность (при всех вариациях содержания и исполнения морального закона) универсальна: для Дюркгейма всякая религия есть форма самовыражения общества²⁸, организованного некоторым образом. Однако она в меньшей степени,

чем в построениях Руссо, структурирована как формальный порядок. Поскольку «естественная» культура, на которой заостряет внимание Дюркгейм, спонтанна и контингентна по своей сути, универсалии, которыми она оперирует, носят гораздо менее стройный характер, нежели те, что привносятся в общество *директивно*.

Краткое изложение позиций Руссо и Дюркгейма представлено вместе не случайно. Та политическая (по Горски) религия, которая у Руссо принимает форму «гражданской», специфически увязывает идею государственности и возможности установления ее культа, тогда как религия у Дюркгейма — это набор неких культурных символик и практик, нуждающихся в социологическом описании. Таковы две крайности, между которыми располагаются все методологии описания сопряжений религиозного и политического. Роднит их только то, что законы, о которых они говорят, «не стоили бы ровным счетом ничего, если бы они не были религиозными»²⁹.

Разговор о религии в целом и ее политических импликациях в частности чаще всего тяготеет либо к взглядам Руссо с выраженным акцентированием политического компонента, либо к подходу Дюркгейма, для которого важен анализ именно культурных универсалий. Тем не менее попытка снять и преодолеть эту дихотомию была в свое время предпринята — и произвела большое впечатление на академическое общество.

²⁹ Demerath and Williams 1985: 156.

**Совмещающая
традиции:
Роберт Белла**

Разумеется, Эмилио Джентиле прав, заявляя, что «вопросы, касающиеся политической религии, никогда не будут разрешены таким образом, чтобы удовлетворить каждого ученого»³⁰. Однако в 1967 г., когда Роберт Белла опубликовал свою статью «Гражданская религия в Америке», могло показаться, что надежда все-таки есть. Белла утверждал и доказывал, что в США существует гражданская религия, выходящая за традиционные границы организованной религии и присутствующая в национальных символах, ритуалах и политическом дискурсе³¹.

³⁰ Gentile 2005: 19.

³¹ Bellah 1967: 1.

День, когда вышла эта статья, смело можно считать моментом, когда гражданская религия из философской спекуляции стала научной концепцией. По Белла, у гражданской религии имеется ряд признаков, отличающих ее от всех прочих феноменов социально-политической жизни. Во-первых, гражданская религия — это общественная религия, которая является общим выражением религиозного измерения существования общества³². Во-вторых, гражданская религия не заменяет личную религию отдельных лиц, а скорее представляет собой набор символов и ритуалов, выражающих ценности и верования общества в целом. В-третьих, гражданская религия обеспечивает связь между гражданами и придает смысл и цели политической жизни общества³³.

³² Ibid.: 3.

³³ Ibid.: 5.

Белла удалось, похоже, сгладить описанные выше противоречия. Следуя логике рассуждений Руссо, он указывал, что эта форма религии всегда принимается всеми без исключения членами общества, не заме-

няя при этом персональную религиозную догматику публичной: нормы и ценности гражданской религии не противоречат личной вере. Мало того, большинство метафор и артефактов гражданской религии «селективно избраны из авраамических религий, которые исповедуются большинством американцев»³⁴. Подобная конвергенция норм — вполне по своему духу дюркгеймианская. Наконец, гражданская религия опирается на четкий телеологический принцип.

³⁴ *Wilson 1986: 5.*

Начинание Белла, нацеленное на анализ внешне секулярного, но внутренне глубоко религиозного американского общества на специфическом описательном языке, вызвало волну критики. Главных критических аргумента было два: «одни считали, что „гражданская религия“ слишком широкое понятие, в то время как другим казалось, будто оно чересчур узкое»³⁵. Правда, второй аргумент приводился гораздо реже, так как большинство полагало, «что включение такого количества признаков делает концепцию бессмысленной»³⁶.

³⁵ *Richey and Jones 1974: 3.*

³⁶ *Ibid.: 34.*

Впрочем, самого Белла широта включенного в анализ спектра символик не смущала, поскольку, по его мнению, задача социологии заключается именно в том, чтобы обнаружить и классифицировать символические формы, а также распознать, к чему с точки зрения социального действия может привести приверженность этим формам³⁷.

³⁷ *Собственно говоря, этому и посвящена работа Белла о гражданской религии. Подробнее см. Белла 1972.*

Развивая эту мысль, Майкл Уолцер подчеркивает, что гражданская религия есть «кредо самого государства... посредством которого государство запечатлевается в душах своих граждан»³⁸. Значит, сама гражданственность является продолжением этого кредо, а политический акт — его претворением в социальный факт, требующий *научного* описания. В Америке же религия, будучи необходимой составляющей жизни общества, во многом задает паттерн общественного поведения³⁹. Но гражданская религия — не культ, отправляемый неким жреческим сословием. Она лишь «ретранслятор» государственного кредо, который обращается не к какой-то одной из паств, но к пастве в целом⁴⁰. Подобные обращения требуют определенных элементов коммуникации, образующих «корпус» сакрализуемых феноменов. К ним, в ряду прочих, относятся государственные инсигнии: флаг, герб, гимн, девиз etc.⁴¹

³⁸ *Уолцер 2000: 91.*

³⁹ *Легойда 2002: 57.*

⁴⁰ *Wimberley and Swatos 1999.*

⁴¹ *Bellah 1967.*

Именно в таком виде концепция гражданской религии оказалась в числе используемых социальными науками. Далее уместно подробнее остановиться на трех признаках этой формы политической религии и рассмотреть их аналитические импликации.

Три признака гражданской религии

Первый признак гражданской религии, по Белла, — ее общественный статус. Как уже отмечалось, данное положение больше всего роднит позиции Белла и Руссо. Уже сам этот статус задает «основу легитимности политического процесса как такового, поскольку придает вере и ценностям характер политического дискурса»⁴².

⁴² *Fowler et al. 2010: 17.*

Внешне простая, данная формулировка содержит важную деталь, на которую стоит обратить особое внимание: гражданская религия не

проблематизирует и не обсуждает ценности, а оперирует ими как константой. Политическая религия, принимающая форму гражданской, сама по себе не является сакрализуемым феноменом. Она лишь использует эти феномены, включающие в себя «политическую идеологию, политические интересы и культурно-исторический контекст»⁴³.

⁴³ Fowler et al. 2010: 56.

Оговорка относительно констант также важна в плане различения гражданской и политической религий. Их «общим местом», безусловно, является сакрализация политических нужд. Однако источники легитимности этих нужд разнятся. «Неспецифическая» политическая религия «использует религиозные символы, метафоры и ценности как достаточные источники легитимности» даже в том случае, если большинство не воспринимает эти ценности как сакральные⁴⁴. Гражданская религия задействует только те метафоры, в отношении которых *уже существует устойчивый консенсус*.

⁴⁴ Ibid.: 47.

«Общественность» религии, таким образом, сугубо контекстуальна, и статус этот поддерживается ее артефактами. Одним из них может считаться политический документ, обосновывающий претензии на конституирование государственной власти на некоторой территории.

Второй признак гражданской религии — отражение общей для общества веры. К примеру, текст Декларации независимости Соединенных Штатов создавался в политическом и интеллектуальном контексте, на который сильно повлияли религиозные убеждения, особенно вера в естественное право и идея неотъемлемых прав. Как отмечает Грегг Фрейзер, отцы-основатели США «верили в законы природы и Бога природы и рассматривали Декларацию независимости как утверждение этих законов»⁴⁵. В свою очередь Томас Уэст обращает внимание на связь Декларации независимости с политической мыслью европейского Просвещения: «Отцы-основатели опирались на взгляды Просвещения на мир и человеческую природу, но они также опирались на традицию естественного права, которое рассматривали как божественно предопределенный аспект вселенной»⁴⁶.

⁴⁵ Frazer 2012: 55.

⁴⁶ West 2007: 97.

⁴⁷ Здесь также обнаруживается рецепция идеи Никколо Макиавелли, согласно которой добиться победы может лишь вооруженный пророк: «все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли, ибо... нрав людей непостоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому нужно быть готовым силой заставить верить тех, кто потерял веру» (Макиавелли 1990: 18).

Декларация независимости — неоспариваемый элемент политической реальности Америки, сакральный статус которого поддерживается не только отсылками к естественному или божественному праву. Этот статус обнаруживается еще и в том, что он конституирует общество как единое целое *посредством воспитания в нем чувства гражданственности*, всеобщей сопричастности политическому процессу, происходящему на вполне конкретной территории, управление которой гарантируется в том числе Богом.

Данная метафора во многом коррелирует с мыслью Белла о том, что вполне секулярные институты преисполнены священной символикой. Белла прямо на это указывает, анализируя текст присяги президента США (завершающейся словами «Да поможет мне Бог»), а также выступления Джона Кеннеди (и упоминание им Бога) и проводя параллель между Авраамом Линкольном и Божественным избранником⁴⁷.

Конституирование гражданской религии через принятие ее абсолютным большинством общества и, наоборот, конституирование общества посредством обращения к центральной культурной метафоре придают историческому развитию политики последовательный характер. Тем самым череда составляющих историю государства событий предстает не чем-то хаотичным, а звеньями одной цепи. И тут становится понятна логика рассуждений Раймондо Страссольдо, рассматривающего центр (в данном случае конкретный артефакт гражданской религии) как особого рода «инструмент», цель и задача которого — «упорядочивание хаоса»⁴⁸.

⁴⁸ Страссольдо 2000.

Обращение к праву на управление территорией и упорядочение развертывающихся на ней событий вполне закономерно, ибо в этом состоит третий, телеологический, признак гражданской религии. Метафора земли Северной Америки как Нового Сиона выступает основанием не только права на установление политической власти в США, но и его реализации.

Концепция Нового Сиона отсылает к библейскому холму Сион, который считается символом надежды и спасения в иудейской и христианской традициях. В некоторых религиозных контекстах она связана с идеей *нового*, улучшенного общества и обновленной нации или народа. Например, заметная часть американских поселенцев полагала, что создание свободного государства, основанного на религиозных принципах, откроет перед будущими поколениями шанс на воплощение мечты о справедливом правлении.

Весьма показательна в этом плане история мормонских пионеров, в 1846—1847 гг. мигрировавших на запад Американского континента. Эта миграция была обусловлена именно поисками Нового Сиона. В свою очередь некоторые афроамериканские религиозные группы использовали данную метафору для описания общества, построенного на принципах расового равенства и социальной справедливости, гарантированных в том числе божественным законом и естественным правом.

Концепция гражданской религии нашла применение также при анализе государственной власти и политической легитимности в Израиле (на территории которого находится настоящий Сион). По мнению некоторых исследователей, Израиль, как и США, основан на специфической форме религии, на этот раз представляющей собой соединение суррогата иудейских традиций и сионистских политических нужд⁴⁹. Подобная трактовка проливает новый свет на способы легитимации политических решений, принимаемых руководством современного еврейского государства.

⁴⁹ Liebman and Don-Yehiya 1983.

Например, одним из результатов Шестидневной войны, чуть ли не самого кровопролитного конфликта, в котором принимал участие Израиль, стало расширение его территории. Однако обоснование такого расширения было нетривиальным: для оккупации тех или иных земель израильской армией было достаточно сходства названий расположенных там поселений с библейской топонимикой⁵⁰. Само обретение этих

⁵⁰ Cohen 2011.

земель понималось как исполнение воли Творца, который, согласно Писанию, изрек: «Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и просторную, где течет молоко и мед, в землю Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев»⁵¹.

⁵¹ Исх.: 3:7-8.

Суммируя рассмотренные выше ключевые черты гражданской религии, можно предложить следующее ее определение: гражданская религия — это способ достижения социальной и политической солидарности на территории, на которую распространяется государственный суверенитет, посредством апелляции к культурным универсалиям, усвоенным обществом и принимаемым им в качестве безусловных ценностей.

Гражданская религия как коммуникативная среда

Подведем промежуточный итог: гражданско-религиозные метафоры проявляют себя в качестве некоего агента (не обладающего, конечно, собственной субъектностью). Этот агент, если воспользоваться языком социологии Эдварда Шилза, в состоянии «вовлечь в нечто, способное <...> возвысить повседневный индивидуальный опыт»⁵². Поэтому гражданскую религию следует считать не метафизической категорией, оперирующей принципиально «внемирными» феноменами, а отправной точкой оперантного поведения, которое связано с «человеческой участью», имея дело в том числе с «жизнью и смертью»⁵³. Апелляция к ценностям системам, принимаемым в виде феноменов, которые имеют прямое отношение к повседневности, заставляет осознавать их как *экзистенциальные*.

⁵² Shils 1975: 7.

⁵³ Shils 1988: 254—255.

Именно в этой точке обнаруживается, похоже, наиболее примечательная черта гражданской религии: эта форма религии задает устойчивые паттерны поведения в обществе, но такие паттерны касаются исключивной части общественной жизни — политической.

Шилз был упомянут не случайно: поскольку свойства гражданской религии делают ее буквально *мерилом* деятельности, она приобретает форму *центральной ценностной системы*, о которой писал социолог. Эта система не просто фундаментально неотделима от повседневного праксиса (ибо человек отдает себе отчет в самом факте своего отношения к центру сообщества); сам повседневный праксис неразрывно связан с *имплементацией центральных нормативных ценностей*. Вопрос об экзистенциальной значимости подобного рода систем тоже не случаен: сами ценности обязаны своим функционированием *жизни человека*. Иначе говоря, социальный актор необходим центру для постоянного воспроизводства практик, сопряженных с распространением сакральных верований.

Сакральные верования для гражданской религии вполне правомерно считать не только доступными, но и консенсуально *приемлемыми* для ведения политической жизни, сиречь политической *коммуникации*. Иными словами, общество, где действительно существует граж-

данская религия, должно быть устроено таким образом, чтобы каждый его член осознавал границу между допустимыми и недопустимыми коммуникативными актами в рамках политического процесса. Внешне это выглядит умозрительной конструкцией: тезис о том, что набор ценностей ограждает от оперирования табуированными символами и вынесения в публичную сферу табуированных вопросов, кажется трюизмом. Однако существо дела — в деталях.

Израильская гражданская религия, представляющая собой, как уже упоминалось, суррогат традиционных иудейских универсалий, тоже апеллирует к экзистенциальной важности человеческой жизни. При чем обнаружить этот коммуникативный акт не составляет особого труда: Основной закон Израиля «О достоинстве и свободе человека» прямо постулирует святость человеческой жизни. Однако святость эта, как ни парадоксально, базируется на том, что она «закрепляет ценности государства Израиль как еврейского и демократического государства»⁵⁴. Налицо нетривиальная логика: в случае признания экзистенциальной ценности жизни другого любой человек, в каких бы отношениях с государственными структурами он ни находился, оказывается приобщен к *отношениям с центром*. И далее: само вступление в эти отношения автоматически означает, что человек на уровне коммуникации с официальными институтами соглашается с тем, что коммуникация эта происходит *с еврейским, а не каким-либо иным государством*. Сакральность человеческой жизни становится, таким образом, «модератором политической дискуссии» в том плане, что отсекает саму возможность неприятия еврейского характера израильской государственности.

Государственность Израиля полна противоречий, начиная с проблемы взаимоотношений с арабским населением в местах его компактного проживания, продолжая дискуссией о том, какой должна быть окончательная форма конституции, и заканчивая положением ультраортодоксальной части общества. Казалось бы, подобный набор противоречий должен был бы если не разрушить, то парализовать политическое управление государством. Но этого не происходит. Даже череда внеочередных выборов в Кнессет в 2019—2022 гг. не повлекла за собой краха гражданственности, что свидетельствует о существовании некоей силы, удерживающей предельно атомизированное общество в качестве *целого*.

Ранее уже отмечалось, что для американского общества вполне нормально обращение к воле Творца в числе прочих риторических фигур, которыми оперируют политики. Тот же коммуникативный аспект гражданской религии присущ и Израилю. Так, поздравляя в 2020 г. граждан с праздником Песах, премьер-министр Биньямин Нетаньяху заявил: «Песах, праздник свободы, напоминает нам о событиях тысячелетней давности, когда мы бросили вызов поработившей нас империи и победили ее»⁵⁵. Строго говоря, апелляция к сюжету книги Исход в качестве риторической фигуры и метафоры *консенсуса еврейского народа* относительно собственной общности не нова. Исследования показывают⁵⁶, что сюжетом Исхода как солидаризирующим началом еврейской

⁵⁴ *Israel s.a.*

⁵⁵ *PM Netanyahu's Statement 2020.*

⁵⁶ *См., напр. Эттингер (ред.) 2001.*

государственности оперировали уже древнеиудейские цари, всячески подчеркивавшие, что в Израиле *все* ответственны друг за друга, как *все* ушли из Египта. Ответственность эта, однако, *тоже сакральна* и заповедана самим Богом как способ «спасения души».

Это самое спасение, по мнению многих интерпретаторов иудейского Писания, актуализируется в ежедневном праксисе в том числе через социальную коммуникацию: ответственность предыдущих поколений за будущее душ поколений молодых состоит в передаче знания о событиях Исхода — даже посредством празднования Песаха⁵⁷. Праздники в данном случае упомянуты не просто так: все тот же Белла, анализируя государственные праздники и связанные с ними мероприятия, называет День Поминования «монументом гражданской религии»⁵⁸. Изначально учрежденный (не на государственном, а на локальном уровне) в честь солдат-северян, погибших в Гражданской войне, он впоследствии стал общенациональным, превратившись в символ преемственности и примирения американской нации. Израильское правительство пошло по тому же пути, установив День памяти павших в войнах Израиля, во время которого читается молитва Изкор, произносимая религиозными евреями в Песах. Данный шаг, бесспорно, закрепил статус военных действий, в которых участвовал Израиль, в качестве событий, имеющих прямое отношение к еврейскому народу в целом, а не только к вооруженным силам или какой-либо иной институции еврейского государства.

Гражданская религия создает проект солидарности не просто евреев как таковых, но евреев, *ответственных друг за друга*. Причем эта ответственность предстает отнюдь не метафизической категорией, а явственно ощутимым политическим инструментом. Довольно показательно в этом плане одно из заявлений Нетаньяху⁵⁹, который, ссылаясь на непростую ситуацию и угрозы безопасности страны, призвал партнеров по коалиции «проявить ответственность» и не «разваливать правительство»⁶⁰. То есть ответственность здесь — та же категория, что и в заповеди: «не оставайся равнодушным к крови ближнего твоего»⁶¹. И этот коммуникативный жест не уникален. О той же ответственности Нетаньяху говорил на заседании Вашингтонского экономического клуба, рассуждая о безопасности как об «общей ответственности, лежащей на Израиле»⁶². Собственно, данные метафоры артикулировались им уже давно. В частности, в 2013 г., после победы его партии на выборах, Нетаньяху следующим образом сформулировал принципы, на которых должна строиться политика будущего правительства: «укрепление обороноспособности, экономическая ответственность, государственная ответственность, равные права и обязанности»⁶³. Конечно, кому-то может показаться, что все это — «общие слова», набор тезисов, которые мог артикулировать кто угодно. Однако необходимо учитывать, что их артикуляция произошла в контексте *единого коммуникативного поля*, которое явно указывает на *центральную ценностную систему, ставшую стержневой для политического процесса*.

⁵⁷ *Подробнее см. Artow 1994.*

⁵⁸ *Bellah 1967: 11.*

⁵⁹ *По мнению ряда авторов, партия Ликуд, которую он возглавляет, является главным проводником ценностей гражданского-религиозного проекта (см., напр. Liebman and Don-Yehiya 1983).*

⁶⁰ *Нетаньяху вступил 2018.*

⁶¹ *Левит 19:16.*

⁶² *PM Netanyahu 2018.*

⁶³ *Нетаньяху огласил 2013.*

⁶⁴ Shils 1975: 6.

Как подчеркивал Шилз, понятия центра как набора сакральных ценностей и центра как набора институтов могут быть тождественны только в том случае, если они объединены единой *системой власти*, к которой «граждане выражают позитивное отношение»⁶⁴. Термин «система» здесь особенно важен: именно устоявшиеся практики, а не люди, которым вследствие электоральной победы выпало этими практиками воспользоваться, вызывают пиетет у граждан. Религиозные (как и гражданские) переживания связаны не с фигурой пророка (политика), а с ощущением причастности к единому коммуникативному полю, опирающемуся на фундаментальный консенсус по поводу заповедей (ценностей).

Даже предельно разделенное по *частным* вопросам общество, фундированное общим гражданско-религиозным проектом, в конечном счете способно пережить политические неурядицы, ибо на базовом уровне существует общественный консенсус в отношении центральных метафор. В этом плане кажется вполне обоснованным представление о том, что в зрелом сообществе, столкнувшемся с кризисом политических институтов, *concordia* (согласие) в состоянии преодолеть антагонизм, с которым не справляется *res publica*.

В связи со сказанным многим, вероятно, придут события на ум 2021 г. в Соединенных Штатах, и прежде всего штурм Капитолия сторонниками Дональда Трампа. С тех пор американское общество, бесспорно, не перестало быть расколотым, однако институты США работают, как и прежде. Не такие масштабные и по иному поводу, но все же заметные протестные выступления были и в Израиле. В том же 2021 г. Нетаньяху утратил пост главы правительства, который занимал на протяжении 12 лет. Фоном для смены премьер-министра послужили массовые протесты, прокатившиеся по стране в 2020 г. Среди главных их причин назывались и неудовлетворительная борьба с последствиями пандемии, и коррупционные скандалы. Однако никто из участников протестов не ставил под сомнение *результаты выборов*, которые в свое время привели Нетаньяху к власти. Иначе говоря, власть как специфический элемент политического процесса *не была десакрализована*. Фактически политическая коммуникация ни разу не вышла за рамки проекта построения «демократического еврейского государства», утвержденного Основными законами страны. В конце концов, демонстрации являются законной формой волеизъявления граждан, никак не противоречащей интенциям демократического общества.

Несмотря на всю остроту противоречий, ни Америка, ни Израиль не свалились в хаос. Не в последнюю очередь этому способствовал набор сакральных для каждого из народов ценностей: в первом случае — процедурность, во втором — ответственность.

Человеку, воспитанному вне этоса еврейской политики, случай Израиля может показаться довольно противоречивым. Взять хотя бы ситуацию в секторе Газа, где с октября 2023 г. ЦАХАЛ проводит военную операцию против ХАМАС. Впрочем, если отвлечься от очевидных вы-

год для Нетаньяху, который de facto продлил собственные полномочия на срок, требуемый для решения задач Израиля в Газе (а срок этот может растянуться надолго — стоит только случиться новому витку эскалации), каждый может выстроить собственную аргументацию относительно этичности происходящего.

Не вдаваясь в более пространные рассуждения по этому поводу, обратимся к концепту «милхемет мицвот» («заповеданная война»), получившему широкое хождение в иудейской литературе и относящемуся к такого рода боевым действиям, которые санкционированы высшими силами — с целью, ими же и поставленными. Теоретически данный концепт может служить оправданием для любых вооруженных акций еврейской политики, поскольку сам повод для войны трансцендентен и не требует иного легитимирующего подкрепления: Богом уже указано, почему необходимо вести войну в конкретный момент времени. Однако его употребление строго регламентировано раввинистической литературой, которая склонна оперировать им крайне осторожно и только в отношении «библейской» эпохи израильской государственности. Тем не менее использование подобного *casus belli* может оказаться вполне «нормальным» для руководителей еврейского государства. «Не оставайся равнодушным к крови ближнего твоего» может означать *применение любых средств*, даже военных, если это необходимо для защиты гражданина. Можно сколь угодно долго оспаривать оправданность действий нынешнего израильского правительства, но с *эталонно ценностной* точки зрения интервенция в Газу абсолютно легитимна: это не война ради войны, а меры, направленные на разрешение многолетнего арабо-израильского кризиса.

Гражданская религия — феномен, импликации которого не подлежат абстрактной этической оценке. Любое политическое действие в ее рамках, а также его последствия морально измеримы только в их отношениях с центральной ценностной системой, к которой апеллируют культурные — сакрализуемые — универсалии. Действия правительства Нетаньяху радикальны, но менее ли радикальными были действия народа Израилева, по завету с Богом завоевавшего Ханаан? Само собой, это риторический вопрос, и давать ответ на него — не *наше* дело. Морально оценивая любой социально-политический факт, исследователь склонен руководствоваться своими этическими представлениями. А у гражданско-религиозных политий имеется собственный, вполне самостоятельный этос. И их — этих политий — ответ на вопрос о приемлемости тех или иных способов удовлетворения их нужд, скорее всего, будет отличаться от «нашего».

* * *

Представленный анализ есть попытка придать большую точность описательному языку, предложенному Белла. Выделенные принципиальные черты гражданской религии, в числе которых безусловный кон-

сенсус относительно сакрализуемых ценностей, апелляция к телеологичности принимаемых социально-политических решений и убеждение в возможности претворения в жизнь этих решений исключительно в топологическом пространстве, очерченном культурными универсалиями, — это концептуальные ограничения, которые не позволяют оперировать термином волюнтаристски. Лишь в случае сочетания всех признаков можно говорить о наличии в политике гражданской религии. В этом и кроется основная причина относительной редкости подобной формы *политической* жизни.

В конечном счете обозначенные ограничения призваны оградить концепцию от критики со стороны исследователей, склонных считать феномен гражданской религии сугубо умозрительной конструкцией, работать с которой можно лишь посредством теоретизирования, но не с опорой на эмпирические материалы, которые бы подтвердили «робастность» соответствующих исследований. Думается, что предложенный подход способен навести мосты между социальной теорией и набором методов, которыми пользуются социальные исследователи для подтверждения/опровержения существования различных социальных переменных.

У социума, действительно использующего данную модель, есть практически *все необходимое* для того, чтобы быть успешным обществом граждан, готовых устраивать свою жизнь в соответствии с эталонной ценностной аксиоматикой, легитимирующей довольно широкий спектр политических решений — от способов нациестроительства до защиты конструируемой нации.

Библиография

- Белла Р. (1972) «Социология религии» // *Американская социология: Перспективы, проблемы, методы*. М.: Прогресс: 265—281.
- Дюркгейм Э. (2018) *Элементарные формы религиозной жизни: Тотемическая система в Австралии*. М.: Издательский дом «Дело».
- Легойда В.Р. (2002) «Гражданская религия: pro et contra» // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, № 2: 54—65.
- Макиавелли Н. (1990) *Государь*. М.: Планета.
- «Нетаньяху вступил в должность министра обороны Израиля». (2018) // *Ведомости*, 19.11. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/11/19/786784-netanyahu> (проверено 14.03.2023).
- «Нетаньяху огласил принципы формирования политики будущего правительства Израиля». (2013) // *Вести*, 23.01. URL: <https://www.vesti.ru/article/1986001> (проверено 14.03.2023).
- Руссо Ж.-Ж. (2000a) «Об общественном договоре, или Принципы политического права» // Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре: Трактаты*. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц: 195—322.
- Руссо Ж.-Ж. (2000b) «О политической экономии» // Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре: Трактаты*. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц: 151—194.

- Страссольдо Р. (2000) «Модель центра-периферии и границы систем: культурологический аспект» // Прусаускас А.А., сост. *Этнос и политика: Хрестоматия*. М.: Изд-во УРАО: 213—216.
- Уолцер М. (2000) *О терпимости*. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Эттингер Ш., ред. (2001) *История еврейского народа*. М.: Мосты культуры.
- Arnow D. (1994) «Toward a Psychology of Jewish Identity: A Multi-dimensional Approach» // *Journal of Jewish Communal Service*, vol. 71, no. 1: 29—36.
- Beiner R. (2011) *Civil Religion: A Dialogue in the History of Political Philosophy*. New York: Cambridge University Press.
- Bellah R.N. (1967) «Civil Religion in America» // *Daedalus*, vol. 96, no. 1: 1—21. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/20027022.pdf?acceptTC=true> (accessed on 14.03.2023).
- Berger P.L. (1967) *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. Garden City, New York: Doubleday.
- Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cohen M.J. (2011) «Zionism and British Imperialism II: Imperial Financing in Palestine» // *Journal of Israeli History: Politics, Society, Culture*, vol. 30, no. 2: 115—139.
- Cristi M. and L.Dawson. (1996) «Civil Religion in Comparative Perspective: Chile under Pinochet (1973—1989)» // *Social Compass*, vol. 43, no. 3: 319—338.
- DeLue S.M. (1997) *Political Thinking, Political Theory, and Civil Society*. Boston: Allyn and Bacon.
- Demerath N.J. and R.Williams. (1985) «Civil Religion in an Uncivil Society» // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 480, no. 1: 154—165. URL: https://www.researchgate.net/publication/254077131_Civil_Religion_in_an_Uncivil_Society (accessed on 14.03.2023).
- Fowler R.B., A.D.Hertzke, L.R.Olson, and K.R. den Dulk. (2010) *Religion and Politics in America: Faith, Culture, and Strategic Choices*. Boulder: Westview Press.
- Frazer G. (2012) *The Religious Beliefs of America's Founders: Reason, Revelation, and Revolution*. Lawrence: University Press of Kansas.
- Gentile E. (2005) «Political Religion: A Concept and Its Critics — A Critical Survey» // *Totalitarian Movements and Political Religions*, vol. 6, no. 1: 19—32. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1080/14690760500099770> (accessed on 14.03.2023).
- Gorski P. (2003) *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hammond Ph.E. (1976) «The Sociology of American Civil Religion: A Bibliographic Essay» // *Sociological Analysis*, vol. 37, no. 2: 169—182.
- Israel — Basic Laws*. URL: https://www.lawandisrael.org/library/topical/israel-law/?doing_wp_cron=1676111502.4327230453491210937500 (accessed on 16.03.2023).

Kenneth A. (2005) *Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World*. Thousand Oaks: Pine Forge Press.

Liebman C.S. and E.Don-Yehiya. (1983) *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State*. Berkeley: University of California Press.

Noone J.B. (1980) *Rousseau's Social Contract: A Conceptual Analysis*. Athens: University of Georgia Press.

«PM Netanyahu Appears before the Economic Club of Washington». (2018) // *The Embassy of Israel to the United States*, 7.03. URL: <https://embassies.gov.il/washington/NewsAndEvents/Pages/PM-Netanyahu-appears-before-the-Economic-Club-of-Washington-7-March-2018.aspx> (accessed on 16.03.2023).

PM Netanyahu's Statement with Health Ministry Director General Moshe Bar Siman Tov at the Prime Minister's Residence in Jerusalem. (2020) URL: https://www.gov.il/en/departments/news/event_statement_010420 (accessed on 16.03.2023).

Richey R.E and D.G.Jones, eds. (1974) *The American Civil Religion*. New York: Harper and Row.

Shils E. (1975) *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago: University of Chicago Press.

Shils E. (1988) «Center and Periphery: An Idea and Its Career, 1935—1987» // Greenfeld L. and M.Martin, eds. *Center: Ideas and Institutions*. Chicago, London: University of Chicago Press: 250—282.

Stark R. and R.Finke. (2000) *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: University of California Press.

Taylor C. (2003) *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Van Deth J. and E.Scarbrough, eds. (1995) *The Impact of Values*. Oxford, New York: Oxford University Press.

Warner R.S. (1993) «Work in Progress: Toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States» // *American Journal of Sociology*, vol. 98, no. 5: 1044—1093.

Weber M. (1958) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Scribner.

West T.G. (2007) *Vindicating the Founders: Race, Sex, Class, and Justice in the Origins of America*. Lanham: Rowman and Littlefield.

Wilson J. (1986) «Common Religion in American Society» // Rouner L.S., ed. *Civil Religion and Political Theology*. Notre Dame: University of Notre Dame Press: 111—125.

Wilson J.F. (1971) «The Status of „Civil Religion“ in America» // Smith E.A., ed. *The Religion of the Republic*. Philadelphia: Fortress Press: 1—21.

Wimberley R.C. and W.H.Swatos, Jr. (1999) «Civil Religion» // Swatos W.H., Jr., ed. *Encyclopedia of Religion and Society*. Walnut Creek: AltaMira Press. URL: <http://hrr.hartsem.edu/ency/civilrel.htm> (accessed on 12.03.2024)

N.A. Ryzhkov
CIVIL RELIGION
AS COMMUNICATION
ENVIRONMENT:
CONCEPTUAL ANALYSIS

Nikita A. Ryzhkov — M.A. Student at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: nikuc.2000@mail.ru.

Abstract. The article presents a conceptual analysis of civil religion as a special form of combining the sacred and the political. Having stated the need for social researchers to address the religious side of society in general and its political implications in particular, the author tries not only to reconstruct the genealogy of the term “civil religion”, but also to trace the differences between civil and political religion.

Based on the analysis of the origins of the concept of civil religion, the author shows that its components — “civil” and “religious” — were introduced from two sources that are completely different in their spirit: the social philosophy of Jean-Jacques Rousseau and the sociological project of Emile Durkheim. Robert Bellah managed to combine the heuristics of both sources and offer a specific language for describing externally secular, but internally religious societies.

Having thoroughly analyzed the three features of civil religion identified by Bellah, the author focuses on its functioning as a communication environment — a specific set of values that taboo or stimulate the articulation of certain political issues. The communication environment not only ensures the satisfaction of the needs of the state, within which a civil-religious cult is established, but also maintains a consensus on basic values, the undermining of which is fraught with the complete disintegration of society.

According to the author’s conclusion, in order to talk about the presence of a civil religion in a polity, this polity must meet several criteria, including unambiguous consensus about sacred values, political decision-making justified via theology and values, as well as the “topological” nature of the development of a political cult. This is the main reason why this form of political life is relatively rare.

Keywords: civil religion, political religion, values, sacredness, communication

References

- Arnov D. (1994) “Toward a Psychology of Jewish Identity: A Multi-dimensional Approach” // *Journal of Jewish Communal Service*, vol. 71, no. 1: 29–36.
- Beiner R. (2011) *Civil Religion: A Dialogue in the History of Political Philosophy*. New York: Cambridge University Press.
- Bellah R.N. (1967) “Civil Religion in America” // *Daedalus*, vol. 96, no. 1: 1–21. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/20027022.pdf?acceptTC=true> (accessed on 14.03.2023).
- Bellah R.N. (1972) “Sotsiologija religii” [Sociology of Religion] // *Amerikanskaja sotsiologija: Perspektivy, problemy, metody* [American Sociology: Perspectives, Problems, Methods]. Moscow: Progress: 265–281. (In Russ.)
- Berger P.L. (1967) *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. Garden City, New York: Doubleday.
- Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press
- Cohen M.J. (2011) “Zionism and British Imperialism II: Imperial Financing in Palestine” // *Journal of Israeli History: Politics, Society, Culture*, vol. 30, no. 2: 115–139.
- Cristi M. and L.Dawson. (1996) “Civil Religion in Comparative Perspective: Chile under Pinochet (1973–1989)” // *Social Compass*, vol. 43, no. 3: 319–338.
- DeLue S.M. (1997) *Political Thinking, Political Theory, and Civil Society*. Boston: Allyn and Bacon.
- Demerath N.J. and R.Williams. (1985) “Civil Religion in an Uncivil Society” // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 480, no. 1: 154–165. URL: https://www.researchgate.net/publication/254077131_Civil_Religion_in_an_Uncivil_Society (accessed on 14.03.2023).
- Durkheim E. (2018) *Elementarnye formy religioznoj zhizni: Totemicheskaja sistema v Avstralii* [Les formes élémentaires de la vie religieuse: Le système totémique en Australie]. Moscow: Izdatel'skij dom “Delo”. (In Russ.)
- Ettinger Sh., ed. (2001) *Istorija evrejskogo naroda* [A History of the Jewish People]. Moscow: Mosty kul'tury. (In Russ.)
- Fowler R.B., A.D.Hertzke, L.R.Olson, and K.R. den Dulk. (2010) *Religion and Politics in America: Faith, Culture, and Strategic Choices*. Boulder: Westview Press.
- Frazer G. (2012) *The Religious Beliefs of America's Founders: Reason, Revelation, and Revolution*. Lawrence: University Press of Kansas.
- Gentile E. (2005) “Political Religion: A Concept and Its Critics — A Critical Survey” // *Totalitarian Movements and Political Religions*, vol. 6, no. 1: 19–32. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1080/14690760500099770> (accessed on 14.03.2023).
- Gorski P. (2003) *The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe*. Chicago: University of Chicago Press.

Hammond Ph.E. (1976) “The Sociology of American Civil Religion: A Bibliographic Essay” // *Sociological Analysis*, vol. 37, no. 2: 169—182.

Israel — Basic Laws. URL: https://www.lawandisrael.org/library/topical/israel-law/?doing_wp_cron=1676111502.4327230453491210937500 (accessed on 16.03.2023).

Kenneth A. (2005) *Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World*. Thousand Oaks: Pine Forge Press.

Legoyda V.P. (2002) “Grazhdanskaja religija: pro et contra” [Civil Religion: Pro et Contra] // *Gosudarstvo, religija, tserkov’ v Rossi i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], no. 2: 54—65. (In Russ.)

Liebman C.S. and E.Don-Yehiya. (1983) *Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State*. Berkeley: University of California Press.

Machiavelli N. (1990) *Gosudar’* [Il Principe]. Moscow: Planeta. (In Russ.)

“Netan’jakhu oglasil printsipy formirovanija politiki budushchego pravitel’sтва Izrailja” [Netanyahu Announced the Principles of Forming the Policy of the Future Government of Israel]. (2013) // *Vesti*, 23.01. URL: <https://www.vesti.ru/article/1986001> (accessed on 14.03.2023). (In Russ.)

“Netan’jakhu vstupil v dolzhnost’ mitistra oborony Izrailja” [Netanyahu Assumed the Post of Israeli Defense Minister]. (2018) // *Vedomosti*, 19.11. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/11/19/786784-netanyahu> (accessed on 14.03.2023). (In Russ.)

Noone J.B. (1980) *Rousseau’s Social Contract: A Conceptual Analysis*. Athens: University of Georgia Press.

“PM Netanyahu Appears before the Economic Club of Washington”. (2018) // *The Embassy of Israel to the United States*, 7.03. URL: <https://embassies.gov.il/washington/NewsAndEvents/Pages/PM-Netanyahu-appears-before-the-Economic-Club-of-Washington-7-March-2018.aspx> (accessed on 16.03.2023).

PM Netanyahu’s Statement with Health Ministry Director General Moshe Bar Siman Tov at the Prime Minister’s Residence in Jerusalem. (2020) URL: https://www.gov.il/en/departments/news/event_statement010420 (accessed on 16.03.2023).

Richey R.E and D.G.Jones, eds. (1974) *The American Civil Religion*. New York: Harper and Row.

Rousseau J.-J. (2000a) “Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava” [Du contrat social; ou Principes du droit politique] // Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [Du contrat social]. Moscow: TERRA — Knizhnyj klub; KANON-press-Ts: 195—322. (In Russ.)

Rousseau J.-J. (2000b) “O politicheskoy ekonomii” [De l’économie politique] // Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [Du contrat social]. Moscow: TERRA — Knizhnyj klub; KANON-press-Ts: 151—194. (In Russ.)

Shils E. (1975) *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago: University of Chicago Press.

- Shils E. (1988) "Center and Periphery: An Idea and Its Career, 1935–1987" // Greenfeld L. and M.Martin, eds. *Center: Ideas and Institutions*. Chicago, London: University of Chicago Press: 250–282.
- Stark R. and R.Finke. (2000) *Acts of Faith: Explaining the Human Side of Religion*. Berkeley: University of California Press.
- Strassoldo R. (2000) "Model' tsentra-periferii i granitsy system: kul'turologicheskij aspekt" [Center-Periphery Model and System Boundaries: Cultural Aspect] // Prazauskas A.A., ed. *Etnos i politika: Khrestomatija* [Ethnos and Politics: A Textbook]. Moscow: URAO: 213–216. (In Russ.)
- Taylor C. (2003) *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Van Deth J. and E.Scarbrough, eds. (1995) *The Impact of Values*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Walzer M. (2000) *O terpimosti* [On Toleration]. Moscow: Dom intelektual'noj knigi. (In Russ.)
- Warner R.S. (1993) "Work in Progress: Toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States" // *American Journal of Sociology*, vol. 98, no. 5: 1044–1093.
- Weber M. (1958) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. New York: Scribner.
- West T.G. (2007) *Vindicating the Founders: Race, Sex, Class, and Justice in the Origins of America*. Lanham: Rowman and Littlefield.
- Wilson J. (1986) "Common Religion in American Society" // Rouner L.S., ed. *Civil Religion and Political Theology*. Notre Dame: University of Notre Dame Press: 111–125.
- Wilson J.F. (1971) "The Status of „Civil Religion“ in America" // Smith E.A., ed. *The Religion of the Republic*. Philadelphia: Fortress Press: 1–21.
- Wimberley R.C. and W.H.Swatos, Jr. (1999) "Civil Religion" // Swatos W.H., Jr., ed. *Encyclopedia of Religion and Society*. Walnut Creek: AltaMira Press. URL: <http://hrr.hartsem.edu/ency/civilrel.htm> (accessed on 12.03.2024).

ПОЛИТИКА

С.П.Артеев, М.И.Сигачёв

НОВЫЙ РАСКОЛ**УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР****В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ****СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Сергей Павлович Артеев — кандидат политических наук, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН. Для связи с автором: artsp7@yandex.ru.

Максим Игоревич Сигачёв — кандидат политических наук, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН. Для связи с автором: maxsig@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена роли религиозного фактора в контексте социально-политического развития современных обществ на фоне военно-политической конфронтации. Происходящие процессы анализируются на нескольких уровнях — национальном, международном и церковном. Отталкиваясь от постсекулярной парадигмы и используя акторный и идентитарный подходы, авторы рассматривают религиозное измерение украинского кризиса. Особое внимание уделяется ситуации в мировом православии. Раскрываются причины, по которым основная линия размежевания в современном христианстве образовалась именно в его православном сегменте и оказалась тесно вплетена в самый масштабный международно-политический кризис первой четверти XXI в. Показывается, что украинский кризис оказывает дестабилизирующее влияние на ситуацию в мировом православии, актуализируя старые конфликты и создавая новые очаги напряжения.

Констатируя, что украинский кризис послужил триггером и катализатором динамики в самых разных сферах, охватив значительное число разнотипных акторов, авторы вместе с тем указывают, что социально-политическое развитие в контексте религиозного фактора имеет более глубокие корни. С их точки зрения, наблюдаемые явления и процессы свидетельствуют о формировании новых моделей взаимодействия между государством, обществом и церковью в рамках постсекулярного или традиционалистского дискурса, что в свою очередь связано со стремительным утверждением нового научно-технологического уклада.

По заключению авторов, как уже не раз бывало в истории, религиозный фактор приобретает ключевое значение в определении базовых черт новой эпохи. Происходящая на наших глазах трансформация Модерна в нечто иное не ведет к «отключению» данного фактора, но, напротив, превращает его в важную составляющую формулы нового жизнеустройства. Украинский конфликт активизирует поиск постсекулярных моделей социально-политического развития в западном политическом ареале. При этом Россия и собственно Запад движутся разными путями, так как российская модель ближе к досекулярным практикам.

Ключевые слова: общественное развитие, украинский кризис, постсекуляризм, Русская православная церковь, транснациональные политические пространства

Введение

¹ Артеев и Сигаичёв
2022.

Затяжной украинский кризис, помимо прочего, отличает наличие зримого религиозного измерения¹. Какую роль в конфликте играют религиозные организации и религиозный фактор в целом? Каким образом соотносятся интересы церкви и государства? Что это дает для развития постсекулярного дискурса? Все более тесное сближение (вплоть до тождества) позиций православных церквей и «их» государств парадоксальным образом ведет к дальнейшему слову вестфальского миропорядка, активизирует поиск новых постсекулярных социально-политических моделей в разных государствах и формирует *постсекулярный* или *пресекулярный* компонент как неотъемлемую часть международно-политических процессов в западном политическом ареале.

Вероятно, в первой трети XXI в. идет многотрудное завершение эпохи Модерна, длившейся несколько столетий. Конец Модерна растянут во времени и происходит в виде многочисленных сложносочлененных кризисов, конфликтов и все более распространяющейся неопределенности, превратившейся в важную константу существования уже не одного поколения людей. Идеалы рациональности, вера в прогресс и «добрую природу человека», закрепленные в ключевых институтах современного архитектурного ансамбля мировой политики, выглядят все менее конгруэнтными текущим реалиям. Вестфальская политическая система с ее государствоцентричным/суверенноориентированным смысловым ядром, являющаяся важной частью Модерна, его политическим наполнением, уже несколько десятилетий пребывает в структурной динамике. Эрозия это или рождение нового качества — вопрос открытый.

Между тем значение транснациональных политических пространств продолжает усиливаться. В современном мирополитическом ландшафте представлены два типа таких пространств — жестко формализованные (военно-политические блоки и интеграционные объединения — НАТО, ОДКБ, ЕС, АСЕАН) и слабо институционализированные, которые, как правило, базируются на этнической и/или религиоз-

² *Надыров 2022.*

ной идентичности (тюркский мир, мусульманский мир)². Религиозные организации оказались вовлечены в украинский конфликт с самого начала его масштабной эскалации в 2022 г. Модель взаимодействия в треугольнике «государство — общество — церковь (религиозные организации)» претерпевает существенные изменения у всех сторон, прямо или косвенно вовлеченных в конфликт.

Обзор литературы

³ *Haynes 2006; Maoz and Henderson 2020.*

⁴ *Gallaher 2019; Krawchuk 2020; Babynskiy 2020.*

⁵ *Denysenko 2020; Coleman 2020; Bordeianu 2020; Bremer 2020; Sysyn 2020; Krawchuk 2022.*

⁶ *Blond (ed.) 1998.*

⁷ *Caputo 2001.*

⁸ *Хабермас и Ратцингер 2006; Хабермас 2011.*

⁹ *Кырлежев 2004, 2011; Узланер 2019.*

¹⁰ *Лункин 2018a, 2018b, 2021.*

¹¹ *Белякова и Пивоваров 2018.*

Тематика роли религии в развитии современных обществ глубока и многообразна. Речь идет, в частности, о месте религии в политических процессах на национальном и международном уровнях, которому посвящено немало исследований³. Активно изучаются также динамичные процессы в мировом православии⁴, в том числе в контексте украинского кризиса⁵.

В конце XX — начале XXI в. сформировался постсекулярный дискурс, в центре которого находится дихотомия «религиозное/светское (секулярное)». По мере углубления кризиса моделей общественного развития по всему миру — от США и ЕС до Китая и Японии — постсекуляризм привлекает к себе все большее внимание научного сообщества.

Среди ведущих западных ученых, которые внесли наибольший вклад в концептуальное осмысление новых реалий, следует упомянуть Филиппа Блонда⁶, Джона Капуто⁷ и Юргена Хабермаса⁸. В последние десятилетия к постсекулярной тематике обратились и российские авторы, в частности Дмитрий Узланер, одновременно выступающий и в качестве исследователя, и в качестве проводника постсекулярного дискурса⁹, и Роман Лункин¹⁰. Интенсивно исследуется также (прежде всего в историческом ключе) церковная дипломатия, все активнее проявляющая себя в условиях общего роста конфликтности в мире и разрывания масштабных кризисов, рискующих стать глобальными¹¹.

Однако при всем обилии научной литературы по религиозному фактору, работ, анализирующих ситуацию в комплексе, по-прежнему недостаточно.

Христианство, власть, общество

Римско-католическая церковь: мирная миссия Ватикана.

После начала Специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 г. и нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. Святой престол резко повысил свою миротворческую активность. Глобальный характер католичества, чья паства расселена по всему земному шару от Европы до Латинской Америки, Африки и Азии, позволяет папе проводить относительно самостоятельную внешнюю политику, не очень оглядываясь на официальные позиции Италии, ЕС и Запада в целом. Ватикан умело использует ситуацию с ростом конфликтности в мире для усиления собственных позиций в качестве актора безопасности.

С весны 2022 г. Римско-католическая церковь предпринимает многочисленные усилия, нацеленные на урегулирование украинского

конфликта, являясь одним из наиболее заметных акторов в этой сфере. В 2023 г. пик миротворческой активности Святого престола пришелся на летний период. Среди направлений этой активности можно выделить несколько линий: Ватикан — Украина, Ватикан — ЕС, Ватикан — США, Ватикан — Россия.

Ключевые фигуры, участвующие в миротворческой деятельности Римско-католической церкви, — это непосредственно папа Франциск и архиепископ Болоньи кардинал Маттео Дзуппи. Стоит отметить, что в отличие от других христианских церквей и прочих конфессий Святой престол на институциональном уровне учредил должность специального посланника папы по содействию миру в Украине. Именно ее и занимает кардинал Дзуппи¹². Суть миссии заключается в создании «благоприятной атмосферы» для российско-украинских переговоров¹³.

¹² Папа поручил 2023.

¹³ Ватикан 2023.

¹⁴ Папа встретился 2023.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кардинал М. Дзуппи 2023; Украина 2023.

¹⁷ Кардинал Дзуппи 2023.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В Москву прибыл 2023; Кардинал Дзуппи 2023; Паролин 2023.

²⁰ Продолжается миссия 2023.

²¹ Папа Римский провел 2023.

²² Вы собрались 2023.

²³ Лакстыгал 2023.

²⁴ Кремль 2023.

²⁵ Лакстыгал 2023.

В мае 2023 г. папа Франциск принял в Ватикане президента Украины Владимира Зеленского¹⁴. На встрече в узком и расширенном составе обсуждались гуманитарные вопросы¹⁵. В свою очередь кардинал Дзуппи действует по схеме, напоминающей челночную дипломатию. Посетив в начале июня 2023 г. Украину¹⁶, он в конце того же месяца отправился в Москву, где встретился с патриархом РПЦ Кириллом¹⁷, а также с помощником президента РФ по внешнеполитическим вопросам Юрием Ушаковым¹⁸. В центре обсуждения здесь тоже находилась гуманитарная повестка, в том числе обмен пленными и судьба 19 тыс. украинских детей, вывезенных в РФ¹⁹. В июле кардинал Дзуппи побывал в Вашингтоне²⁰, а в конце августа в Ватикане папа Франциск пообщался с председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом Марком Милли²¹.

Однако миротворческие усилия Римско-католической церкви сопровождались и крупными международно-политическими скандалами. Так, в конце августа 2023 г., выступая (по телемосту) перед участниками Всероссийской встречи католической молодежи в Санкт-Петербурге, папа Франциск упомянул «о наследии великой России»²², что вызвало резко негативную реакцию как у католической паствы и иерархов Украинской греко-католической церкви, которая находится в унии со Святым престолом с конца XVI в., так и среди официальных лиц Украины и Запада. Заявление Франциска было воспринято как оправдание СВО и «империалистическая пропаганда»²³, особенно с учетом официального одобрения речи папы в Кремле²⁴, и понтифику пришлось защищаться²⁵.

Таким образом, в 2023 г. Ватикан активно контактировал и с гражданскими, и с военными официальными лицами, обсуждая чувствительную гуманитарную повестку. И хотя особых успехов по приближению мира в Украине достичь не удалось, межконфессиональный диалог приобрел большую, по сравнению с 2022 г., устойчивость. Справедливости ради отметим, что ни одна заметная инициатива 2023 г., нацеленная на прекращение боевых действий в Украине, включая китайскую, не дала результата.

Православный мир. Вплоть до середины 2010-х годов в православном мире отчетливо просматривались два разнонаправленных тренда. С одной стороны, разворачивались процессы, способствующие устранению наиболее серьезных противоречий между православными церквями и консолидации мирового православия. В частности, в 2007 г. завершилось объединение Русской православной церкви (РПЦ) и Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ), был установлен диалог между РПЦ и Русской православной старообрядческой церковью (РПСЦ)²⁶. С другой стороны, появлялись новые зоны разобщения. В 2000-е годы произошел конфликт между Элладской и Константинопольской церквями по поводу порядка замещения кафедр на «новых территориях»²⁷.

²⁶ *Объединение невозможно 2021.*

²⁷ *Давыденко 2004.*

Водоразделом стали международно-политические события 2014—2016 гг., после чего тренд на разобщение возобладал. В начале 2020-х годов он еще больше усилился.

Триггером соответствующих процессов (и их эпицентром), безусловно, выступила Украина. Вместе с тем необходимо учитывать, что политические события, связанные с межгосударственной конфронтацией, наложились на конфликтогенные предпосылки, присутствующие в самом мировом православии. Речь идет прежде всего о статусе поместных церквей и концепции канонических территорий.

Статус церквей. За тысячелетие в мировом православии сформировалась сложная статусная конфигурация православных церквей. С одной стороны, все они являются частью Вселенской церкви — неинституционализированной структуры, символизирующей идеал единения времен раннего христианства. С другой стороны, внутри этой структуры присутствует градация. Существуют две статусные категории православных церквей — автокефалия и автономия.

Автокефалия — наивысшая степень субъектности поместной церкви как относительно других поместных церквей, так и относительно государства, обеспечивающая ей право самостоятельно решать все вопросы внутрицерковной жизни, включая выбор руководства²⁸. При этом фактор формального отделения от государства вторичен. Например, по Конституции Греции Элладская православная церковь не отделена от государства, но ее автокефальный статус в общем не оспаривается. Греческое государство держит дистанцию по отношению к церкви, а та со своей стороны не имеет возможности навязать ему свою позицию по вопросам, выходящим за пределы собственно церковной жизни²⁹. По поводу числа автокефальных церквей в мире мнения расходятся, однако, как правило, выделяются 14³⁰ или 15³¹.

²⁸ *Кырлежнев 2016: 75—76.*

²⁹ *Греция 2024.*

³⁰ *Там же.*

³¹ *Автокефалия б.з.*

Автономные церкви по степени субъектности занимают более низкую ступень и входят в юрисдикцию церквей автокефальных, при том что круг решаемых ими самостоятельно вопросов

варьирует. На сегодняшний день автономные церкви имеются в составе только трех автокефальных церквей — Константинопольской, Иерусалимской и Русской.

Помимо канонических автокефальных и автономных церквей, существует множество «несистемных» (то есть непризнанных большей частью мирового православного сообщества) церковных православных организаций и движений, отрицающих роль института церкви. Их влияние невелико, сами они разрознены, но вместе с тем демонстрируют устойчивость и способность сохраняться на протяжении длительного времени.

Стоит также отметить, что Константинопольская церковь, будучи формально лишь одной из «сестер» в ряду автокефальных православных церквей, в силу своего возраста и местонахождения обладает негласным статусом «первой среди равных» в православном мире.

Канонические территории и самоуправляемые церкви.

Данный конфликтогенный фактор связан уже непосредственно с РПЦ. И здесь необходимо учитывать два аспекта. Первый, исторический, уходит корнями в падение Византии в XV в., следствием чего, помимо прочего, стало «пленение» Константинопольского патриархата, а также других православных церквей иноверцами (османами), что в свою очередь означало разрушение альянса между церковью и государством. В итоге центр мирового православия переместился в Русское государство, и в начале XVI в. появилась концепция «Москва — Третий Рим», продвигавшая идею симфонии светской и духовной власти. Второй, ресурсный, обусловлен тем, что на сегодняшний день РПЦ является крупнейшей по количеству приходов, монастырей и численности паствы православной организацией³².

Распад Советского Союза, наличие значительных русскоязычных диаспор в бывших союзных республиках и стремление РПЦ сохранить свое влияние привели к актуализации концепции канонических территорий, возникшей в РПЦ еще в 1930-е годы. Под канонической территорией понимается пространство, исторически закрепленное за определенной поместной церковью в силу нахождения в пределах одного государства и проживания на нем верующих, близких этнически и культурально. В результате в составе Московского патриархата появились самоуправляемые Украинская, Молдавская, Латвийская и Эстонская православные церкви. В Казахстане был образован Митрополичий округ РПЦ, в Азербайджане — Бакинская и Азербайджанская епархия. По сути, речь шла о попытке РПЦ избежать утраты контроля над немалой частью своей паствы. После объединения в 2007 г. РПЦ и РЦПЗ последняя тоже стала считаться самоуправляемой церковью в составе РПЦ.

Однако в 1990-е годы параллельно с православными церквями Московского патриархата в новых государствах, образовав-

³² Русская православная церковь б.г.

шихся на месте бывшего СССР, возникли и обособленные, независимые от РПЦ: Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП), Эстонская апостольская православная церковь Константинопольского патриархата, Бессарабская метрополия Румынской православной церкви, Православная епархия восточной Молдовы в подчинении УПЦ КП. Функционирование альтернативных православных структур, пользующихся поддержкой властей новых государств, вызывало негативную реакцию в РПЦ.

Важно отметить, что концепция канонических территорий и категория самоуправляемых церквей не получили общего признания в мировом православии. За пределами Российской Федерации они воспринимаются как инструменты, с помощью которых Московский патриархат пытается сохранить свое доминирование, удержать культуральные рамки так называемого русского мира. Последний концепт продвигался преимущественно РПЦ до тех пор, пока во второй половине 2000-х годов на фоне ухудшения отношений с Западом (особенно после Мюнхенской речи президента Владимира Путина в феврале 2007 г. и «пятидневной войны» в августе 2008 г.) российское государство не вывело его на политическую авансцену, расширив рамки и во многом изменив содержание.

Именно наличие рассмотренных выше конфликтогенных моментов в мировом православии и послужило причиной того, что основная линия размежевания в современном христианстве образовалась именно в его православном сегменте и оказалась тесно вплетена в самый масштабный международно-политический кризис первой четверти XXI в.

Между тем в 2000-е и особенно в 2010-е годы шла активная ревitalизация идеи симфонии церкви и государства. РПЦ все больше выступала в политической роли. Усиление смычки между светской властью и РПЦ имело неоднозначные последствия, наиболее отчетливо проявившиеся в ходе украинского конфликта и конфронтации России с Западом. Светская власть начала опираться на церковь при формировании внутривнутриполитической повестки, связанной с традиционными ценностями, а концепция русского мира, приобретшая черты внешнеполитической программы, явно пересекается с концепцией канонических территорий РПЦ. Патриарх Кирилл de facto превратился во влиятельную политическую фигуру. Государственная политика в сферах образования (школьные курсы религиозоведческой направленности, коллаборация между светскими и духовными вузами в виде совместных образовательных программ), культуры (театральный репертуар, музейно-выставочная деятельность), демографии (вопрос об абортах) и миграционной политики (проблема инокультурности трудовых мигрантов) в 2010-х — начале 2020-х годов испытывает очевидное влияние церкви.

Политизация РПЦ приобрела и военное измерение — как организационно-структурное, так и функциональное. В Синодальном отделе Московского патриархата резко повысилось внимание к взаимодействию с различными силовыми структурами. Ввиду однозначной и «громкой» поддержки патриархом Кириллом СВО ряд государств наложил на него санкции, а Украина и вовсе объявила его в уголовный розыск³³.

³³ Патриарха Кирилла объявили в розыск 2023.

Значительно укрепив формальное присутствие церкви во всех сферах жизни российского общества, подобная церковно-властная конфигурация обернулась для РПЦ серьезными репутационными потерями за рубежом. За пределами РФ, преимущественно на Западе, РПЦ все чаще воспринимают как утративший всякую субъектность инструмент реализации «экспансионистско-реваншистского» внешнеполитического курса России, религиозное подразделение государственного аппарата³⁴. В результате правительства государств, на территории которых действуют церкви Московского патриархата, взяли курс на их выдавливание, особенно после начала СВО. Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в Украине, Эстонии, Латвии и Молдове. Рассмотрим вкратце ситуацию в этих странах.

³⁴ Впрочем, некоторые российские эксперты аналогичным образом оценивают деятельность зарубежных церквей в РФ (см., напр. Воротников и Пареньков 2022).

Украина. После образования в 1991 г. независимого украинского государства³⁵ православие в Украине представляли три основные организации — Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП), Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) (филаретовцы) и Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ). После утраты контроля над Крымом в 2014 г. и начала вооруженного конфликта в Донбассе украинские власти стали продвигать идею объединения УПЦ КП и УПАЦ. В результате в 2018 г. появилась Православная церковь Украины (ПЦУ), признанная в качестве автокефальной Константинопольским патриархатом. РПЦ считает ПЦУ раскольнической и не признает ее автокефалию. УПЦ МП в лице митрополита Онуфрия и большей части духовенства резко осудили СВО. Несмотря на это, УПЦ МП испытывает серьезное давление со стороны украинского государства. Вопрос о ее запрете по-прежнему остается в политической повестке. Возможно, это делается для перетока паствы в ПЦУ. Так или иначе, трудно не согласиться с заключением Лункина, согласно которому «ситуация, сложившаяся после февраля 2022 года, стала подтверждением провала российской политики влияния на украинское общество»³⁶.

³⁵ Узел межправославных противоречий в Украине имеет многовековую историю, однако ее рассмотрение заведомо выходит за рамки настоящей статьи.

³⁶ Одинокий колокол 2022.

Эстония. В Эстонии действуют две православные церкви — Эстонская церковь Московского патриархата (ЭЦ МП) и Эстонская апостольская православная церковь, созданная в 1996 г. Эстонское государство прилагает немало усилий для вытеснения ЭЦ МП со своей территории. Так, в начале 2024 г. не был продлен вид на жительство митрополиту Таллинскому и всея Эстонии

Евгению. Примечательно, что этот шаг вызвал протест со стороны лютеранских пасторов, усмотревших в нем проявление авторитарных тенденций³⁷, однако эстонские власти не изменили своего решения.

³⁷ Эстонские лютеране 2024.

Латвия. 8 сентября 2022 г. латвийский сейм принял инициированные президентом страны Эгилсом Левитсом поправки к закону о Латвийской православной церкви (ЛПЦ), которые de facto означали отделение ее от РПЦ и обретение ею статуса автокефальной³⁸. В РПЦ сочли эти действия произволом светских властей³⁹, а эксперты увидели в них стремление отвлечь внимание общества от социально-экономических трудностей⁴⁰. Однако 20 октября 2022 г. Собор ЛПЦ почти единогласно проголосовал за автокефалию и направил соответствующее прошение патриарху Кириллу. Таким образом, в 2022 г. РПЦ утратила контроль над ЛПЦ, хотя ее автокефальный статус так и не был признан другими поместными православными церквями.

³⁸ Сейм 2022.

³⁹ В РПЦ осудили 2022.

⁴⁰ Латвия 2022.

Следует отметить, что еще до 1991 г. политические перипетии XX в. — распад Российской империи и возникновение независимой Латвии, а затем включение ее в состав СССР — оказывали серьезное влияние на судьбы латвийского православия, создавая точки напряжения, которые активизировались в периоды международно-политических кризисов⁴¹. В 1936—1940 гг. ЛПЦ находилась в юрисдикции Константинопольского патриархата.

⁴¹ Подробнее см. Знотиньш 2020.

Молдова. Православная церковь Молдовы Московского патриархата конкурирует с учрежденной Румынской православной церковью Бессарабской митрополией, фактически действующей с 1992 г. Молдавское государство, долгое время колебавшееся между прозападными и пророссийскими силами, тоже воспринимает православие как политический фактор, что проявилось, в частности, в переносе выходного по случаю Рождества с 7 января на 25 декабря⁴².

⁴² Мы станем 2013.

Международный кризис заметно отразился и на настроениях внутри РПЦ. Сегодня РПЦ не просто неоднородна (что характерно для любой сложноустроенной организации), но и сталкивается с серьезными вызовами, угрожающими ее единству. Вопрос о расколе, возможно, и не стоит на повестке дня, но при сохранении текущих тенденций такой поворот событий не является чем-то невероятным.

Впервые за долгое время можно наблюдать оформление диссидентского движения. Еще весной 2022 г. большой резонанс вызвало «обращение 300 священнослужителей» с призывом предать патриарха Кирилла церковному трибуналу⁴³. Оппозиция патриарху Кириллу проявляется в двух основных формах. Во-первых, это перевод прихода в юрисдикцию другой церкви; во-вторых, общее несогласие с политикой руководства РПЦ, а с 2022 г. — критика СВО, что нередко оборачивается отстранением виновных от должности. Здесь особенно по-

⁴³ Около 300 священнослужителей 2022.

⁴⁴ Патриарх Кирилл 2023.

⁴⁵ Церковный суд 2024.

⁴⁶ См. Рождественские службы 2024.

казательны случаи протодиакона Андрея Кураева (2021—2023 гг.)⁴⁴ и Алексея Уминского (2024 г.)⁴⁵. При этом лишённые сана священнослужители, как правило, сохраняют существенную часть своего влияния посредством социальных сетей, и их паства остается с ними.

Есть признаки сомнений и среди верующих. В частности, заметно снизилось число посещающих церковь в один из главных церковных праздников — Рождество. По данным МВД, если в 2020 г. рождественскую службу посетили 2,3 млн человек, то в 2024 г. — только 1,4 млн⁴⁶.

Суммируя, можно констатировать, что украинский кризис оказывает дестабилизирующее влияние на ситуацию в мировом православии, актуализируя старые конфликты и создавая новые очаги напряжения. Основное противоречие выражается в конфликте РПЦ с рядом других православных церквей, прежде всего с Вселенским (Константинопольским) патриархатом. Происходят сложные диалектические процессы. Конфликтность стала ключевым драйвером динамики. Однако конфликт не ограничивается собственно церковной жизнью. Политизация церкви усиливается по всем направлениям.

Заключение

Украинский кризис выступает триггером и катализатором динамики в самых разных сферах и охватывает значительное число разнотипных акторов. Но социально-политическое развитие в контексте религиозного фактора как составной части этого кризиса имеет более глубокие корни. Наблюдаемые явления и процессы свидетельствуют о формировании новых моделей взаимодействия между государством, обществом и церковью в рамках постсекулярного или традиционалистского дискурса. И это тесно связано со стремительным утверждением нового научно-технологического уклада.

Религиозный момент не раз становился ключевым фактором в определении базовых черт новой эпохи. Впервые это произошло при переходе от Античности к Средневековью (повсеместное распространение христианства на территориях Римской империи), затем при переходе от Средневековья к Новому времени (Реформация, Вестфальский мир, перемещение религии на национальный уровень и в частную жизнь, десекуляризация международного поля). Сегодня Новое время / Модерн трансформируется в нечто иное, но религиозный фактор при этом не «отключается», а, наоборот, становится важной составляющей формулы нового жизнеустройства (постсекуляризм, пост-Вестфаль).

Российская модель взаимодействия между властью и религиозными институтами на уровне официального дискурса апеллирует к традиции. Однако попытки воспроизвести симфонию светской и духовной власти фактически превращают ее не столько в пост-, сколько в пре- или десекулярную, глубоко архаичную по своей сути. Противоречит идее постсекуляризма (по Хабермасу) и характер риторике высших иерархов РПЦ, не предполагающей широкого диалога. Особого упомина-

ния заслуживает также персоналистский аспект — сформировавшаяся за последние 15 лет схема завязана на личных отношениях первых лиц в светской и духовной властных иерархиях, что в силу естественных причин делает трудновыполнимой задачу по ее сохранению в долгосрочной перспективе. Кроме того, такое положение вещей чревато окончательной десубъективацией самой РПЦ и несет в себе мощный деконсолидирующий потенциал, связанный с кризисом доверия к руководству РПЦ со стороны клира и паствы. Причем потенциал этот уже частично реализован.

Западные постсекулярные модели, в том числе формирующиеся в новой Восточной Европе, включая Украину, Молдову, Эстонию и Латвию, тоже содержат значительный деструктивный потенциал, проявляющийся в отступлениях от правовых принципов демократического государства. Вместе с тем было бы ошибкой считать проблемой саму по себе политизацию церковной жизни. В конце концов, большую часть своей истории религия была частью политики и служила инструментом легитимации власти. Проблема в попытках национальных правительств инструментализировать православные институты, превратить их в политический ресурс, что наталкивается на сопротивление со стороны клира и паствы. В целом в упомянутых странах складываются национальные версии постсекуляризма, а происходящее там сегодня можно трактовать как серию эксцессов в условиях тяжелого вооруженного противостояния в Украине и всплеска алармистских настроений, порожденных страхом перед возможной войной между Россией и НАТО.

Международно-политическое значение активизации постсекулярного поиска на фоне украинского кризиса заключается в возможности продвинуться в понимании контуров новой поствестфальской модели политической организации мира, выявить ее базовые элементы и связи. Очевидно, что религиозная идентичность, равно как и этническая, станут частью формулы нового миропорядка и социально-политических процессов на всех уровнях. Если вестфальская модель стремилась вывести религию за рамки политического взаимодействия, то пост-Вестфаль возвращает религиозный фактор в качестве константы в новом политическом уравнении.

Наметившийся этический поворот в научном знании исходит из посылки, что нематериальные факторы будут задавать динамику социально-политических и экономических процессов в большей, нежели сегодня, степени. Концепции общественного развития, представленные в академическом и экспертном дискурсах, будут выглядеть как новое прочтение взаимодействия идентитарных (нематериальных) и материальных факторов. В конечном счете в случае политико-практической реализации подобных концепций будущее станет определяться не только возможностями технологического прогресса, но и их влиянием на идентичность, в том числе религиозную.

Библиография

«Автокефалия» // *Православная энциклопедия*. URL: <https://www.pravenc.ru/text/63032.html?ysclid=ls0k8ngfv4385437401> (проверено 30.01.2024).

Артеев С.П. и М.И.Сигачёв. (2022) «Новый раскол: церковная дипломатия и украинский кризис» // *Право и управление. XXI век*, т. 18, № 3: 3—9.

Белякова Н.А. и Н.Ю.Пивоваров. (2018) «Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С.Хрущева и Л.И.Брежневца)» // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, № 4: 130—149.

«В Москву прибыл посланник Папы кардинал Маттео Дзуппи». (2023) // *Vatican News*, 29.06. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-06/v-moskvu-pribyl-poslannik-papy-s-mirotvorcheskoy-missiej.html> (проверено 25.08.2023).

«В РПЦ осудили объявление сеймом Латвии автокефалии Латвийской православной церкви». (2022) // *Российская газета*, 12.09. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/prezident-krestitel.html?ysclid=lsap2tjc1g763426852> (проверено 06.02.2024).

«Ватикан пояснил суть миротворческой миссии Дзуппи». (2023) // *Vatican News*, 27.05. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-05/parolin-missiya-dzuppi-ne-v-posrednichestve-v-sodejstvii-miru.html> (проверено 25.08.2023).

Воротников В.В. и Д.А.Пареньков. (2022) *Церковь и политика: испытание новой реальностью*. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/031/wvn2ijxtec9eb4nqv490ayus4d0pgij/church-politics.pdf?ysclid=ltiy7k2unl650934395&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (проверено 20.02.2024).

«„Вы собрались, чтобы быть единой Церковью“. Телемост российской молодежи с Папой Франциском». (2023) // *Римско-католическая Архиепархия Божией Матери в Москве*, 26.08. URL: <https://cathmos.ru/vy-sobralis-chtoby-byt-edinoj-czerkovyu-telemost-rossijskoj-molodyozhi-s-papoj-francziskom/> (проверено 15.01.2024).

«Греция стала первой православной страной, легализовавшей однополое „браки“». (2024) // *Православие.ru*, 19.02. URL: <https://pravoslavie.ru/158751.html?ysclid=lsugts9a3o474427461> (проверено 20.02.2024).

Давыденко С. (2024) «Конфликт между Константинопольской и Элладской Церквами» // *Русская народная линия*, 02.06. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/06/02/konflikt_mezhdu_konstantinopolskoj_i_elladskoj_cerkvami?ysclid=ls1rfs8jtb164619796 (проверено 31.01.2024).

Знотиньш З. (2020) «Казус томоса: почему православная церковь Латвии больше не хочет подчиняться РПЦ» // *Новые известия*, 12.02. URL: <https://newizv.ru/news/2020-02-12/kazus-tomosa-pochemu-pravoslavnaya-tserkov-latvii-bolshe-ne-hochet-podchinyatsya-rpts-300200?ysclid=lsaqethciz41305386> (проверено 07.02.2024).

«Кардинал Дзуппи встретился в Москве с Патриархом Кириллом». (2023) // *Vatican News*, 29.06. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/>

vatican-city/news/2023-06/kardinal-dzuppi-vstretilsya-v-moskve-s-patriarhom-kirillom.html (проверено 25.08.2023).

«Кардинал М.Дзуппи в Киеве». (2023) // *Vatican News*, 05.06. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-06/kardinal-dzuppi-v-kieve.html> (проверено 25.08.2023).

«Кремль приветствует слова Папы Римского о наследии России». (2023) // *ТАСС*, 29.08. URL: <https://tass.ru/politika/18608281?ysclid=Irettjj81615410327> (проверено 15.01.2024).

Кырлежев А. (2004) «Постсекулярная эпоха: Заметки о религиозно-культурной ситуации» // *Континент*, № 120: 357—365.

Кырлежев А. (2011) «Постсекулярное: краткая интерпретация» // *Логос*, № 3 (82): 100—106.

Кырлежев А. (2016) «Мировое православие: типология автокефальных церквей» // *Государство. Религия. Церковь*, № 1: 74—101. URL: http://intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2016_01/4.pdf?ysclid=ltiz1x1ukq690912547 (проверено 15.01.2024).

Лакстыгал И. (2023) «Представитель папы римского в России объяснил его слова о русских царях» // *Ведомости*, 01.09. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/08/31/992839-papa-rimskii-upromyanul-petra-i-i-ekaterinu-ii-kak-simvoli-svyazi-rossii-s-kulturoi-zapada?ysclid=ltj0wjx5a0250098246> (проверено 15.01.2023).

«Латвия меняет РПЦ на ЛПЦ». (2022) // *Коммерсантъ*, 08.09. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5549493?ysclid=lsblkk7yxv566984507> (проверено 07.02.2024).

Лункин Р.Н. (2018а) «Религия и кризис европейской идентичности: политические подходы» // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 4: 205—211.

Лункин Р.Н. (2018b) «Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность» // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 11, № 4: 46—64. URL: https://comecarpentier.com/wp-content/uploads/2015/08/Outlines-of-Global-Transformations_4_2018-Internet.pdf (проверено 07.02.2024).

Лункин Р.Н. (2021) «Религия и политический процесс: „четвертая волна“ демократизации» // *Международная аналитика*, т. 12, № 4: 11—27.

«„Мы станем на шаг ближе к Европе“ — праздничным днем в Молдавии стало 25 декабря». (2013) // *Православие.ru*, 20.12. URL: <https://pravoslavie.ru/66874.html?ysclid=lsj4bqew7u11480687> (проверено 12.02.2024).

Надыров Р.Н. (2022) «Тюркский фактор как составляющая международных отношений в Центральной Азии: конструкт „Тюркский мир“» // *Россия и мир: научный диалог*, № 4: 50—59.

«„Объединение невозможно, если одна из сторон считает другую еретической“: Митрополит Волоколамский Иларион рассказал „Ъ“ о перспективах воссоединения РПЦ со старообрядцами». (2021) // *Коммерсантъ*, 31.07. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4919808?ysclid=ls3e0qqmtx175432550> (проверено 01.02.2024).

«Одинокий колокол РПЦ. Почему Московский патриархат теряет влияние в „русском мире“». (2022) // *RTVI*, 29.12. URL: <https://rtvi.com/stories/odinokij-kolokol-rpcz-pochemu-moskovskij-patriarhat-teryaet-vliyanie-v-russkom-mire/?ysclid=lsbjzo22lg909735006> (проверено 07.02.2024).

«Около 300 священнослужителей УПЦ подписали обращение к председателям поместных Православных Церквей о предании патриарха Кирилла церковному трибуналу». (2022) // *Азбука новостей*, 12.04. URL: <https://azbyka.ru/news/okolo-300-svjashhenosluzhitelej-upc-podpisali-obrashhenie-k-predstojateljam-pomestnyh-pravoslavnyh-cerkvej-o-predanii-patriarha-kirilla-cerkovnomu-tribunalu> (проверено 20.02.2024).

«Папа встретился с президентом Украины Зеленским». (2023) // *Vatican News*, 13.05. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2023-05/papa-vstretilsya-s-prezidentom-ukrainy-zelenskim.html> (проверено 25.08.2023).

«Папа поручил кардиналу Дзуппи миссию мира для Украины». (2023) // *Vatican News*, 22.05. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-05/papa-poruchil-kardinalu-dzuppi-missiyu-mira-dlya-ukrainy.html> (проверено 09.01.2024).

«Папа Римский провел аудиенцию с главой Комитета начальников штабов ВС США в Ватикане». (2023) // *Газета.ru*, 21.08. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/08/21/21117992.shtml?ysclid=lr6bwbw1a2175082271> (проверено 09.01.2024).

«Паролин прокомментировал миротворческую миссию Ватикана». (2023) // *Vatican News*, 07.07. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-07/parolin-prokommentiroval-mirotvorcheskuyu-misiyu-Vaticana.html> (проверено 25.08.2023).

«Патриарх Кирилл окончательно лишил сана протодиакона Андрея Кураева». (2023) // *Коммерсантъ*, 28.04. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5965353?ysclid=lsbmptqp4e281836183> (проверено 07.02.2024).

«Патриарха Кирилла объявили в розыск на Украине. В России в ответ возбудили дело». (2023) // *Газета.ru*, 16.12. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/12/16/18018763.shtml> (проверено 02.02.2024).

«Продолжается миссия кардинала Дзуппи». (2023) // *Vatican News*, 17.07. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-07/prodolzhaetsya-missia-kardinala-zuppi.html> (проверено 09.01.2024).

«Рождественские службы в российских храмах посетили 1,4 млн человек». (2024) // *Коммерсантъ*, 08.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6442811?ysclid=lsbl6x8qo0253008378> (проверено 07.02.2024).

«Русская православная церковь» // *Большая российская энциклопедия*. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/3521265?ysclid=ltj1611f8t283734665 (проверено 30.01.2024).

«Сейм проголосовал за независимость Латвийской православной церкви от РПЦ». (2022) // *РБК*, 08.09. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/09/2022/6319f9629a79472e338f1167?from=copy> (проверено 05.02.2024).

Узланер Д.А. (2019) *Конец религии? История теории секуляризации*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

«Украина: миротворческая миссия кардинала Дзуппи». (2023) // *Vatican News*, 07.06. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-06/ukraina-mirotvorcheskaya-missiya-kardinala-dzuppi.html> (проверено 25.08.2023).

Хабермас Ю. (2011) *Между натурализмом и религией: Философские статьи*. М.: Весь Мир.

Хабермас Ю. и Й.Ратцингер (Бенедикт XVI). (2006) *Диалектика секуляризации: О разуме и религии*. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.

«Церковный суд постановил лишить сана московского протоиерея Алексея Уминского». (2024) // *Коммерсантъ*, 13.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6453079?ysclid=lsbmjofrn7174527434> (проверено 07.02.2024).

«Эстонские лютеране вступились за православного митрополита Евгения, лишённого вида на жительство». (2024) // *MixNews*, 24.01. URL: <https://mixnews.lv/v-mire/2024/01/24/estonskie-lyuterane-vstupilis-za-pravoslavnogo-mitropolita-evgeniya-lishennogo-vida-na-zhitelstvo/> (проверено 20.02.2024).

Babynskiy A. (2020) «The Orthodox Church of Ukraine (OCU) and the Ukrainian Greek-Catholic Church (UGCC): A Meeting after the Tomos» // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 488–496.

Blond Ph., ed. (1998) *Post-Secular Philosophy: Between Philosophy and Theology*. London: Routledge.

Bordeianu R. (2020) «The Autocephaly of the Orthodox Church of Ukraine: Its Impact Outside of Ukraine» // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 452–462.

Bremer T. (2020) «Shoulda, Coulda, Woulda — Missed Opportunities, Lost Chances, Bad Options for the Moscow Patriarchate» // *Canadian Slavonic Papers*, no. 3–4: 443–451.

Caputo J. (2001) *On Religion*. London: Routledge.

Coleman H.J. (2020) «Orthodoxy and Autocephaly in Ukraine: Editor's Introduction» // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 421–425.

Denysenko N. (2020) «Explaining Ukrainian Autocephaly: Politics, History, Ecclesiology, and the Future» // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 426–442.

Gallaher B. (2019) «Ecumenism as Civilizational Dialogue: Eastern Orthodox Anti-Ecumenism and Eastern Orthodox Ecumenism. A Creative or Sterile Antinomy?» // *International Journal for the Study of the Christian Church*, vol. 19, no. 4: 265–285.

Haynes J. (2006) «Religion and International Relations in the 21st Century: Conflict or Co-operation?» // *Third World Quarterly*, vol. 27, no. 3: 535–541.

Krawchuk A. (2020) «The Orthodox Church of Ukraine on the Inter-Orthodox Agenda at Amman: the Dynamics of Ecclesiastical Recognition» // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 463–476.

Krawchuk A. (2022) «Narrating the War Theologically: Does Russian Orthodoxy Have a Future in Ukraine?» // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 64, no. 2—3: 173—189.

Maoz Z. and E.Henderson. (2020) *Scriptures, Shrines, Scapegoats, and World Politics: Religious Sources of Conflict and Cooperation in the Modern Era*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Sysyn F.E. (2020) «Ukrainian Autocephaly: the Ramifications of Constantinople's Tomos» // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3—4: 516—521.

S.P.Arteev, M.I.Sigachev
NEW SPLIT
UKRAINIAN CRISIS AND RELIGIOUS FACTOR
IN THE CONTEXT OF PROSPECTS
FOR SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT

Sergey P. Arteev — Ph.D. in Political Science; Researcher at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Email: artsp7@yandex.ru.

Maxim I. Sigachev — Ph.D. in Political Science; Researcher at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Email: maxsig@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the role of the religious factor in the context of the socio-political development of modern societies against the background of military-political confrontation. The ongoing processes are analyzed at several levels — national, international, and ecclesiastical. Utilizing the post-secular paradigm, as well as actor and identitarian approaches, the authors examine the religious dimension of the Ukrainian crisis. They draw a particular attention to the situation in the world Orthodox Christianity. The authors reveal the reasons why the main line of cleavage in the modern Christianity formed precisely in its Orthodox segment and was closely intertwined with the largest international political crisis of the first quarter of the 21st century. The article shows that the Ukrainian crisis has a destabilizing effect on the situation in the world Orthodox Christianity, reactivating old conflicts and creating new sources of tension.

Having stated that the Ukrainian crisis served as a trigger and catalyst for dynamics in different spheres, covering a significant number of different types

of actors, the authors at the same time point out that socio-political development in the context of the religious factor has deeper roots. From their viewpoint, the observed phenomena and processes indicate the formation of new models of interaction between the state, society and church within the framework of post-secular or traditionalist discourse, which in turn is associated with the rapid establishment of a new scientific and technological order.

According to the authors' conclusion, as it already happened many times in history, the religious factor is obtaining key importance in determining the basic features of the new era. The transformation of Modernity into something else, which is taking place before our eyes, does not result in the "elimination" of this factor, but, on the contrary, transforms religious factor into an important component of the formula for a new way of life. The Ukrainian conflict intensifies the search for post-secular models of socio-political development in the Western political area. At the same time, Russia and the West itself are moving in different ways, since the Russian model is closer to pre-secular practices.

Keywords: social development, Ukrainian crisis, post-secularism, Russian Orthodox Church, transnational political spaces

References

- Arteev S.P. and M.I.Sigachev. (2022) "Novyj raskol: tserkovnaja diplomatija i ukrainskij krizis" [A New Schism: Church Diplomacy and the Ukrainian Crisis] // *Pravo i upravlenie. XXI vek* [The Journal of Law and Administration], vol. 18, no. 3: 3–9. (In Russ.)
- "Avtokefalija" [Autocephaly] // *Pravoslavnaja entsiklopedija* [The Orthodox Encyclopedia]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/63032.html?ysclid=ls0k8ngfv4385437401> (accessed on 30.01.2024). (In Russ.)
- Babynskiy A. (2020) "The Orthodox Church of Ukraine (OCU) and the Ukrainian Greek-Catholic Church (UGCC): A Meeting after the Tomos" // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 488–496.
- Belyakova N.A. and N.Ju.Pivovarov. (2018) "Religioznaja diplomatija na sluzhbe sovet'skogo gosudarstva v gody kholodnoj vojny (v period N.S.Khrushcheva i L.I.Brezhneva)" [Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the Time of N.S.Khrushchev and L.I.Brezhnev)] // *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ekonomika, parvo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], no. 4: 130–149. (In Russ.)
- Blond Ph., ed. (1998) *Post-Secular Philosophy: Between Philosophy and Theology*. London: Routledge.
- Bordeianu R. (2020) "The Autocephaly of the Orthodox Church of Ukraine: Its Impact Outside of Ukraine?" // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 452–462.
- Bremer T. (2020) "Shoulda, Coulda, Woulda — Missed Opportunities, Lost Chances, Bad Options for the Moscow Patriarchate" // *Canadian Slavonic Papers*, no. 3–4: 443–451.

- Caputo J. (2001) *On Religion*. London: Routledge.
- Coleman H.J. (2020) “Orthodoxy and Autocephaly in Ukraine: Editor’s Introduction” // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 421–425.
- Davydenko S. (2024) “Konflikt mezhdu Konstantinopol’skoj i Elladskoj Tserkvami” [The Conflict between the Churches of Constantinople and Greece] // *Russkaja narodnaja linija* [Russian Folk Line], 02.06. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/06/02/konflikt_mezhdu_konstantinopol_skoj_i_lladskoj_cerkvami?ysclid=ls1rfs8jtb164619796 (accessed on 31.01.2024). (In Russ.)
- Denysenko N. (2020) “Explaining Ukrainian Autocephaly: Politics, History, Ecclesiology, and the Future” // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 426–442.
- “Estonskie ljuterane vstupilis’ za pravoslavnogo mitropolita Evgenija, lishennogo vida na zhitel’stvo” [Estonian Lutherans Stood up for Orthodox Metropolitan Eugene, Who Was Deprived of a Residence Permit]. (2024) // *MixNews*, 24.01. URL: <https://mixnews.lv/v-mire/2024/01/24/estonskie-lyuterane-vstupilis-za-pravoslavnogo-mitropolita-evgeniya-lishennogo-vida-na-zhitelstvo/> (accessed on 20.02.2024). (In Russ.)
- Gallaher B. (2019) “Ecumenism as Civilizational Dialogue: Eastern Orthodox Anti-Ecumenism and Eastern Orthodox Ecumenism. A Creative or Sterile Antinomy?” // *International Journal for the Study of the Christian Church*, vol. 19, no. 4: 265–285.
- “Gretsija stala pervoj pravoslavnoj stranoj, legalizovavshej odnopolye „braki“” [Greece Became the First Orthodox Country to Legalize Same-Sex “Marriage”]. (2024) // *Pravoslavie.ru*, 19.02. URL: <https://pravoslavie.ru/158751.html?ysclid=lsugts9a3o474427461> (accessed on 20.02.2024). (In Russ.)
- Habermas Jü. (2011) *Mezhdu naturalizmom i religiej* [Zwischen Naturalismus und Religion: Philosophische Aufsätze]. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)
- Habermas Jü. and J.Ratzinger (Benedict XVI). (2006) *Dialektika sekularizatsii: O razume i religii* [Dialektik der Säkularisierung: Über Vernunft und Religion]. Moscow: *Biblejsko-bogoslovskij institutt sv. apostola Andreja*. (In Russ.)
- Haynes J. (2006) “Religion and International Relations in the 21st Century: Conflict or Co-operation?” // *Third World Quarterly*, vol. 27, no. 3: 535–541.
- “Kardinal Džuppi vstretilsja v Moskve s Patriarkhom Kirillom” [Cardinal Zuppi Met with Patriarch Kirill in Moscow]. (2023) // *Vatican News*, 29.06. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-06/kardinal-dzuppi-vstretilsya-v-moskve-s-patriarhom-kirillom.html> (accessed on 25.08.2023). (In Russ.)
- “Kardinal M.Džuppi v Kieve” [Cardinal M.Zuppi in Kiev]. // *Vatican News*, 05.06. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-06/kardinal-zuppi-v-kieve.html> (accessed on 25.08.2023). (In Russ.)
- Krawchuk A. (2020) “The Orthodox Church of Ukraine on the Inter-Orthodox Agenda at Amman: the Dynamics of Ecclesiastical Recognition” // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 463–476.

“Kreml’ privetstvuet slova Papy Rimskogo o nasledii Rossii” [The Kremlin Welcomes the Pope’s Words on Russia’s Heritage]. (2023) // TASS, 29.08. URL: <https://tass.ru/politika/18608281?ysclid=Irettj81615410327> (accessed on 15.01.2024). (In Russ.)

Krawchuk A. (2022) “Narrating the War Theologically: Does Russian Orthodoxy Have a Future in Ukraine?” // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 64, no. 2–3: 173–189.

Kyrlezhev A. (2004) “Postsekuljarnaja epokha: Zametki o religiozno-kul’turnoj situatsii” [The Post-Secular Era: Notes on the Religious and Cultural Situation] // *Kontinent* [Continent], no. 120: 357–365. (In Russ.)

Kyrlezhev A. (2011) “Postsekuljarnoe: kratkaja interpretatsija” [The Post-Secular: a Brief Interpretation] // *Logos*, no. 3 (82): 100–106. (In Russ.)

Kyrlezhev A. (2016) “Mirovoe pravoslavie: tipologija avtokefal’nykh tserkvej” [Orthodox Commonwealth: A Typology of Autocephalous Churches] // *Govudarstvo. Religija. Tserkov’* [State. Religion. Church], no. 1: 74–101. URL: http://intelros.ru/pdf/GosRelTserkov/2016_01/4.pdf?ysclid=ltiz1x1lukq690912547 (accessed on 15.01.2024). (In Russ.)

Lakstygal I. (2023) “Predstavitel’ papy rimskogo v Rossii ob’jasnil ego slova o russkikh tsarjakh” [The Pope’s Representative in Russia Explained His Words about the Russian Tsars] // *Vedomosti*, 01.09. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/08/31/992839-papa-rimskii-upomyanul-petra-i-i-ekaterinu-ii-kak-simvoli-svyazi-rossii-s-kulturoi-zapada?ysclid=ltj0wjx5a0250098246> (accessed on 15.01.2023). (In Russ.)

“Latvija menjaet RPTs na LPTs” [Latvia Is Changing the ROC to the LOC]. (2022) // *Kommersant*, 08.09. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5549493?ysclid=lsblkk7yxv566984507> (accessed on 07.02.2024). (In Russ.)

Lunkin R.N. (2018a) “Religija i krizis evropejskoj identichnosti: politicheskie podkhody” [Religion and the Crisis of the European Identity: the Political Approaches] // *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of the IE RAS], no. 4: 205–211. (In Russ.)

Lunkin R.N. (2018b) “Obshchestvenno-politicheskaja rol’ religii v Evrope: zapros na khristianskuju identichnost’” [The Social and Political Role of Religion in Europe: the Demand for Christian Identity] // *Kontury global’nykh transformatsij: politika, ekonomika, parvo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], vol. 11, no. 4: 46–64. URL: https://comecarpentier.com/wp-content/uploads/2015/08/Outlines-of-Global-Transformations_4_2018-Internet.pdf (accessed on 07.02.2024). (In Russ.)

Lunkin R.N. (2021) “Religija i politicheskij protsess: „chetvertaja volna“ demokratizatsii” [Religion and the Political Process: the Fourth Wave of Democratization] // *Mezhdunarodnaja analitika* [Journal of International Analytics], vol. 12, no. 4:11–27. (In Russ.)

Maoz Z. and E.Henderson. (2020) *Scriptures, Shrines, Scapegoats, and World Politics: Religious Sources of Conflict and Cooperation in the Modern Era*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

“„My stanem na shag blizhe k Evrope“ — prazdnichnym dnevom v Moldavii stalo 25 dekabnja” [“We Will Become One Step Closer to Europe” —

December 25 Became a Holiday in Moldova). (2013) // *Pravoslavie.ru*, 20.12. URL: <https://pravoslavie.ru/66874.html?ysclid=lsj4bqew7u11480687> (accessed on 12.02.2024). (In Russ.)

Nadyrov R.N. (2022) “Tjurkskij faktor kak sostavljajushchaja mezhdunarodnykh otnoshenij v Tsentral’noj Azii: konstrukt „Tjurkskij mir“” [The Turkic Factor as a Component of International Relations in Central Asia: the “Turkic World” Construct] // *Rossija i mir: nauchnyj dialog* [Russia & World: Scientific Dialogue], no. 4: 50–59. (In Russ.)

“„Ob”edinenie nevozmozhno, esli odna iz storon shchitaet druguju eritcheskju”: Mitropolit Volokolamskij Ilarion rasskazal „Kommersantu” o perspektivakh vossoedinenija RPTs s staroobrjadtsami” [“Unification Is Impossible if One of the Parties Considers the Other Heretical”: Metropolitan Hilarion of Volokolamsk Told Kommersant about the Prospects for the Reunification of the ROC with the Old Believers]. (2021) // *Kommersant*, 31.07. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4919808?ysclid=ls3e0qqmtx175432550> (accessed on 01.02.2024). (In Russ.)

“Odinokij kolokol RPTs. Pochemu Moskovskij patriarkhat terjaet vlijanie v „russkom mire“” [The Lonely Bell of the ROC. Why Is the Moscow Patriarchate Losing Influence in the “Russian World”]. (2022) // *RTVI*, 29.12. URL: <https://rtvi.com/stories/odinokij-kolokol-rpcz-pochemu-moskovskij-patriarhat-teryat-vliyanie-v-russkom-mire/?ysclid=lsbjzo22lg909735006> (accessed on 07.02.2024). (In Russ.)

“Okolo 300 svjashchennosluzhitelej UPTs podpisali obrashchenie k predstojateljam pomestnykh Pravoslavnykh Tserkvej o predanii patriarkha Kirilla tserkovnomu tribunalu” [About 300 Clergy of the UOC Signed an Appeal to the Primates of the Local Orthodox Churches on the Surrender of Patriarch Kirill to the Church Tribunal]. (2022) // *Azbyka novostej* [ABC News], 12.04. URL: <https://azbyka.ru/news/okolo-300-svjashchennosluzhitelej-upc-podpisali-obrashhenie-k-predstojateljam-pomestnykh-pravoslavnykh-cerkvej-o-predanii-patriarkha-kirilla-cerkovnomu-tribunalu> (accessed on 20.02.2024). (In Russ.)

“Papa vstretilsja s prezidentom Ukrainy Zelenskim” [The Pope Met with the President of Ukraine Zelensky]. (2023) // *Vatican News*, 13.05. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2023-05/papa-vstretilsja-s-prezidentom-ukrainy-zelenskim.html> (accessed on 25.08.2023). (In Russ.)

“Papa poruchil kardinalu Dzuppi missiju mira dlja Ukrainy” [The Pope Entrusted Cardinal Zuppi with a Peace Mission for Ukraine]. (2023) // *Vatican News*, 22.05. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-05/papa-poruchil-kardinalu-dzuppi-missiyu-mira-dlya-ukrainy.html> (accessed on 09.01.2024). (In Russ.)

“Papa Rimskij provel audientsiju s glavoj Komiteta nachal’nikov shtabov VS SShA v Vatikane” [The Pope Held an Audience with the Head of the Joint Chiefs of Staff of the US Armed Forces in the Vatican]. (2023) // *Gazeta.ru*, 21.08. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/08/21/21117992.shtml?ysclid=lr6bwbw1a2175082271> (accessed on 09.01.2024). (In Russ.)

“Parolin prokomentiroval mirotvorcheskuju missiju Vatikana” [Parolin Commented on the Vatican’s Peacekeeping Mission]. (2023) // *Vatican News*, 07.07. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-07/parolin-prokomentiroval-mirotvorcheskuyu-misiyu-Vaticana.html> (accessed on 25.08.2023). (In Russ.)

“Patriarkh Kirill okonchatel’no lishil sana protodiakona Andreja Kuraeva” [Patriarch Kirill Finally Defrocked Protodeacon Andrey Kuraev]. (2023) // *Kommersant*, 28.04. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5965353?ysclid=lsbmptqp4e281836183> (accessed on 07.02.2024). (In Russ.)

“Patriarkha Kirilla ob”javili v rozusk na Ukraine. V Rossii v otvet vzbudili delo” [Patriarch Kirill Was Put on the Wanted List in Ukraine. In Russia, a Case Was Opened in Response]. (2023) // *Gazeta.ru*, 16.12. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/12/16/18018763.shtml> (accessed on 02.02.2024). (In Russ.)

“Prodolzhaetsja missija kardinala Dzuppi” [Cardinal Zuppi’s Mission Continues]. (2023) // *Vatican News*, 17.07. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-07/prodolzhaetsya-missia-kardinala-zuppi.html> (accessed on 09.01.2024). (In Russ.)

“Rozhdestvenskie sluzhby v rossijskikh khramakh posetili 1.4 mln chelovek” [1.4 Million People Attended Christmas Services in Russian Churches]. (2024) // *Kommersant*, 08.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6442811?ysclid=lsbl6x8qo0253008378> (accessed on 07.02.2024). (In Russ.)

“Russkaja pravoslavnaja tserkov” [The Russian Orthodox Church] // *Bol’shaja rossijskaja entsiklopedija* [The Great Russian Encyclopedia]. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/3521265?ysclid=ltj1611f8t283734665 (accessed on 30.01.2024). (In Russ.)

“Sejm progolosoval za nezavisimost’ Latvijskoj pravoslavnoj tserkvi ot RPTs” [The Seimas Voted for the Independence of the Latvian Orthodox Church from the ROC]. (2022) // *RBC*, 08.09. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/09/2022/6319f9629a79472e338f1167?from=copy> (accessed on 05.02.2024). (In Russ.)

Sysyn F.E. (2020) “Ukrainian Autocephaly: the Ramifications of Constantinople’s Tomos” // *Canadian Slavonic Papers*, vol. 62, no. 3–4: 516–521.

“Tserkovnyj sud postanovil lishit’ sana moskovskogo protoiereja Alekseja Uminskogo” [The Church Court Decided to Defrock Moscow Archpriest Alexei Uminsky]. (2024) // *Kommersant*, 13.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6453079?ysclid=lsbmofrn7174527434> (accessed on 07.02.2024). (In Russ.)

“Ukraina: mirotvorcheskaja missija kardinala Dzuppi” [Ukraine: Cardinal Zuppi’s Peacekeeping Mission]. (2023) // *Vatican News*, 07.06. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-06/ukraina-mirotvorcheskaya-missiya-kardinala-dzuppi.html> (accessed on 25.08.2023). (In Russ.)

Uzlaner D.A. (2019) *Konets religii? Istorija teorii sekularizatsii* [The End of Religion? A History of Secularization Theories]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

“V Moskvu pribyl poslannik Papy cardinal Matteo Dzuppi” [The Pope’s Envoy Cardinal Matteo Zuppi Has Arrived in Moscow]. (2023) // *Vatican News*, 29.06. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-06/v-moskvu-pribyl-poslannik-papy-s-mirotvorcheskoj-missiej.html> (accessed on 25.08.2023). (In Russ.)

“V RPTs osudili ob’javlenie sejmom Latvii avtokefalii Latvijskoj pravoslavnoj tserkvi” [The ROC Condemned the Announcement by the Latvian Seimas of the Autocephaly of the Latvian Orthodox Church]. (2022) // *Rossiyskaya Gazeta*, 12.09. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/prezident-krestitel.html?ysclid=lsap2tjc1g763426852> (accessed on 06.02.2024). (In Russ.)

“Vatikan pojasnij sut’ mirotvorcheskoj missiji Dzuppi” [The Vatican Explained the Essence of Zuppi’s Peacekeeping Mission]. (2023) // *Vatican News*, 27.05. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/vatican-city/news/2023-05/parolin-missiya-dzuppi-ne-v-posrednichestve-v-sodejstvii-miru.html> (accessed on 25.08.2023). (In Russ.)

Vorotnikov V.V. and D.A.Parenkov. (2022) *Tserkov’ i politika: ispytanie novoj real’nost’ju* [Church and Politics: A Test of a New Reality]. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/031/wvn2ijxtec9eb4nqv490ayus4d0pgjj/church-politics.pdf?ysclid=ltiy7k2unl650934395&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (accessed on 20.02.2024). (In Russ.)

“„Vy sobralis’, chtoby byt’ edinoj Tserkovju“. Telemost rossijskoj molodezhi s Papoj Frantsiskom” [“You Have Gathered to be One Church”. Teleconference of Russian Youth with Pope Francis]. (2023) // *Rimsko-katoličeskaja Arkhieparchija Bozhiej Materi v Moskve* [Roman Catholic Archdiocese of the Mother of God in Moscow], 26.08. URL: <https://cathmos.ru/vy-sobralis-chtoby-byt-edinoj-czerkovyu-telemost-rossijskoj-molodyozhi-s-papoj-francziskom/> (accessed on 15.01.2024). (In Russ.)

Znotiņš Z. (2020) “Kazus tomosa: pochemu pravoslavnaja tserkov’ Latvii bol’she ne khočet podčinjat’sja RPTs” [Thomos’s Case: Why the Latvian Orthodox Church No Longer Wants to Obey the ROC] // *Novye Izvestia*, 12.02. URL: <https://newizv.ru/news/2020-02-12/kazus-tomosa-pochemu-pravoslavnaya-tserkov-latvii-bolshe-ne-hochet-podchinyatsya-rpts-300200?ysclid=lsaqethciz41305386> (accessed on 07.02.2024). (In Russ.)

И.И.Петров

ПАТТЕРНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ СТРАН ЕС: НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕМЕН И ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ

Иван Игоревич Петров — преподаватель и аспирант департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: ipetrov@hse.ru.

Аннотация. В статье представлена оригинальная классификация паттернов трансформации партийных систем стран ЕС под влиянием институционализации нового постиндустриального размежевания. Опираясь на теории размежеваний и пространственной конкуренции и задействовав базы данных о позиционировании партий, электоральные индексы и статистику, автор попытался выделить основные траектории трансформации европейских партийных систем в период с 1990 по 2023 г. и определить факторы, ответственные за различия между ними.

В ходе исследования было выявлено пять паттернов, соотносимых с воздействием двух ключевых параметров. Первым из них выступила структурная специфика условий партийной конкуренции в посткоммунистических и иных странах ЕС, связанная с различием между старыми структурированными и новыми волатильными партийными системами. Вторым — принадлежность партийно-политической системы страны к мажоритарно-поляризованному или коалиционно-консенсусному типу по классификации Аренда Лейпхарта: если в одном случае институционализация нового размежевания часто порождала радикальный слом старой конфигурации партий с появлением мощных популистских сил, то в другом — плавный рост фрагментации с оттоком голосов в пользу разнообразных новых партий и усложнением процесса формирования коалиций. Относительную значимость для ряда стран показали также такие факторы, как уровень социально-экономического развития, этноцентричность политики, тип избирательной системы и устойчивость социального государства. В свою очередь гипотезы о важности исходной конфигурации партийных систем, времени образования новых партий и географической близости стран подтверждения не получили.

Ключевые слова: политические партии, партийные системы, теория размежеваний, европейская политика, постиндустриальная трансформация, посткоммунистическая Европа

На протяжении последних лет в странах Запада, прежде всего европейских, происходит фундаментальная трансформация системы размежеваний. Консолидация новых партийных семейств — экологических, леволлиберальных и популистских — приводит к ревизии утвердившихся в послевоенное время правил игры. Росту кризисных явлений в партийных системах на фоне тенденции к картелизации партий во многом способствуют последствия социально-экономических потрясений конца 2000-х — середины 2010-х годов, от которых Европа не оправилась до сих пор.

Между тем анализ повестки партийных семейств демонстрирует, что старые партии рано сбрасывать со счетов: в большинстве своем они не только успешно приспосабливаются к артикуляции требований нового типа, но и удерживают в своих руках критический запас репутации, позволяющий им объединять вокруг себя структурированный электорат. Подобная ситуация, однако, несет в себе риски промедления и неверных шагов в рамках усложняющейся структуры пространственной конкуренции, порождая случаи упадка некогда мощных партий. В частности, во второй половине 2010-х годов такая судьба постигла подавляющую часть социал-демократических партий Западной Европы, чья избирательная стратегия, ориентированная на консенсус между средним классом и пролетариатом, утратила релевантность под влиянием серии разделяющих факторов (отношение к глобализации, политике экономии, миграционной открытости, вложениям в зеленую энергию и др.), подорвавших этот консенсус.

На практике, глядя с позиций сегодняшнего дня, мы можем зафиксировать целый набор возможных траекторий трансформации европейских партийных систем. Еще больше усложняет ситуацию всплеск фрагментации и волатильности в партийных системах посткоммунистических стран, что, вкупе с образованием доминантных партий в Венгрии и Польше, показывает бессосновательность надежд на быструю и последовательную консолидацию партийного плюрализма по завершении эпохи транзита.

В связи с этим выделение паттернов трансформации партийных систем представляется чрезвычайно важной задачей в контексте сравнительных и страновых исследований. При этом идентификация факторов, ответственных за межстрановые расхождения в траекториях партийной трансформации, углубит наше понимание закономерностей функционирования партийных систем, тем самым создав основу для построения прогнозов о вероятности того или иного сценария дальнейшей трансформации конкретных их разновидностей.

**Современные
теории
партийной
трансформации**

В своем классическом виде теория партийной трансформации базируется на сочетании двух концепций — размежеваний и пространственной конкуренции.

Теория размежеваний описывает логику монополизации партиями позиций на противоположных концах общественно значимых размежеваний, а также процесс смены ключевых размежеваний во времени. В частности, родоначальники этой теории Сеймур Липсет и Стейн Роккан¹ выделяли в качестве ведущего для Европы право-левое размежевание в социально-экономической сфере, одновременно фиксируя и ряд второстепенных — религиозное, поселенческое и раскол по линии центр-периферия. Данные размежевания интерпретировались ими как продукт индустриального перехода, приведшего к взлету массовых социал-демократических и всеохватных правоцентристских партий и упадку традиционных либеральных, консервативных и аграрных партий XIX в.

Современные сторонники теории размежеваний сходятся в том, что начиная с 1970-х годов в европейском социуме стало складываться новое размежевание, однако его природа вызывает интенсивные споры. Например, Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель квалифицируют его как ценностное, связанное с постиндустриальным сдвигом в культуре и социальных практиках². В свою очередь Герберт Китчельт и Филипп Рем говорят о преемственности установок избирателей, описывая глобализацию как фактор разделения внутри ранее единых групп среднего класса и пролетариата³. Компромиссная позиция Лизбет Хоге и Гари Маркса предполагает рассмотрение обоих факторов в качестве движителей формирования нового размежевания — с акцентом на повышении структурированности электората, который распадается на множество «ядерных групп», что подрывает потенциал всеохватной право-левой политики⁴. Наконец, коллектив исследователей во главе с Ханспетером Кризи настаивает на необходимости учета евроинтеграции и уровня развития конкретных стран как факторов вариативности репрезентации нового размежевания в разных субрегионах Европы⁵.

Несмотря на все расхождения в подходах, во всех этих случаях формирование нового размежевания связывается с перетеканием голосов от старых всеохватных партий к новым партийным семействам. Между тем на сегодняшний день партии старого типа продолжают доминировать, тогда как новые выступают в роли нишевых.

Данный парадокс объясняет теория пространственной конкуренции, изначально сформулированная Энтони Даунсом⁶, а затем развитая Яном Баджем⁷, Гари Коксом⁸ и Джеймсом Адамсом⁹. Согласно этой теории, партии в своем позиционировании действуют стратегически, опираясь на анализ причин либо собственного проигрыша, либо успеха иных партий на выборах. При этом возможности смены партией своей позиции ограничены, во-первых, наличием репутации, на которую ориентируется ее традиционный электорат, во-вторых, аналогичным маневрированием иных партий, в-третьих, угрозой утраты слоя идей-

¹ *Lipset and Rokkan 1967.*

² *Инглхарт и Вельцель 2011.*

³ *Kitschelt and Rehm 2015.*

⁴ *Hooghe and Marks 2018.*

⁵ *Kriesi et al. 2006.*

⁶ *Downs 1957.*

⁷ *Budge 1994.*

⁸ *Cox 1997.*

⁹ *Adams et al. 2006.*

ных сторонников, важного для сохранения ее поддержки «на земле». Поскольку новые партии обычно не обладают устойчивой репутацией, складывающейся в том числе благодаря участию в коалиционном торге в парламенте и формировании курса страны на международной арене, наиболее выигрышной стратегией для них становится акцентирование спорных, протестных и нишевых тем, что лишь закрепляет неоднозначность их имиджа, поляризуя медианного избирателя по отношению к ним. Затрудняют вхождение в политику новых партий и электоральные правила, которые, как показывает Морис Дюверже¹⁰, задают ограничения для партийной конкуренции.

¹⁰ Дюверже 2002.

При комбинации теории размежеваний с теорией пространственной конкуренции текущую ситуацию в странах Европы можно объяснить следующим образом. Хотя новые партийные семейства уже на протяжении долгого времени консолидировались вокруг растущей поляризации по постиндустриальному сдвигу, до середины 2010-х годов они не могли соперничать с ведущими партиями по причине нишевости своей повестки и ненадежности репутации. Однако на фоне кризиса доверия к старым партиям в эпоху турбулентности уже давно обозначившийся упадок классового и религиозного голосования, а также подъем новых электоральных идентичностей, пусть еще не до конца оформившихся, вышли на первый план. В подобных условиях страх и неопределенность транслировались в бум популизма, бросающего вызов элитам с опорой на нативизм и протекционизм. В свою очередь центристские партии начали сдвигаться в направлении поиска новых электоральных формул, а также компромисса с рядом новых партий (примером чему может служить сотрудничество социал-демократов с зелеными).

Сочетание теорий размежеваний и пространственной конкуренции выступает основой анализа трансформации партийных систем в современной литературе. В новейших работах, посвященных странам Европы, трансформация партийных систем описывается через упадок лояльности избирателей старым всеохватным партиям¹¹, встраивание в позиционирование партий установок по новым размежеваниям¹², кризис отдельных партийных семейств, оказавшихся на пересечении противоположных тенденций в сознании традиционного электората¹³, а также через концепцию партий-картелей, стремящихся воздействовать на правила конкуренции с целью ограничения числа ее значимых участников¹⁴.

¹¹ Dalton 2018.

¹² Green-Pedersen 2019.

¹³ Menz (ed.) 2022.

¹⁴ Katz and Mair 2009.

Вместе с тем проблема исчерпывающего описания новейшей трансформации партийных систем стран ЕС отнюдь не решена. Опираясь на изучение ряда частных кейсов или партий в целом, исследователи отвечают на вопрос о причинах сходств и различий страновых траекторий лишь в некоторой степени, не предлагая при этом какой-либо классификации стран по данному принципу. В настоящей статье предпринята попытка частично заполнить этот пробел, тем самым расширив наши представления о закономерностях трансформации пар-

тийных систем как в современной Европе, так и в постиндустриальном мире *per se*.

Выборка и методология

¹⁵ *Входящие в Евросоюз микросообщества выведены за рамки анализа.*

Использованная нами выборка включает партийные системы 25 стран ЕС¹⁵ в период с начала 1990-х до середины 2020-х годов. Методологически работа разделена на три этапа:

- 1) оценка общей структуры позиционирования партий и партийных семейств;
- 2) выделение паттернов партийной трансформации;
- 3) объяснение выявленных паттернов.

При оценке взаимного позиционирования партий отдельных стран и партийных семейств в целом внутри политического спектра мы опирались на вторичные базы данных — Manifesto Project (MARPOR)¹⁶ и Chapel Hill Expert Survey (CHES)¹⁷. Первая база строит свои оценки на контент-анализе партийных программ, вторая — на экспертном опросе. Указанные базы полностью покрывают заявленную выборку, и их совмещение — в силу разных способов сбора информации — позволяет сделать оценки более валидными.

¹⁶ *Volkens et al. 2013.*

¹⁷ *Bakker et al. 2015.*

В основе оценок MARPOR и CHES лежат оригинальные индексы, характеризующие позиции партий по той или иной проблеме. В нашем исследовании были задействованы семь индексов CHES, соотносимых с тремя размежеваниями — социально-экономическим (LRECON), старым культурным (RELIGIOUS_PRINCIPLES) и новым постиндустриальным, в свою очередь отраженным в четырех темах — евроинтеграции (POSITION), миграционной политики (CH_IMIGR), ценностей (SOCIALLIFESTYLE, GALTAN) и экологии (ENVIRONMENT). Что касается оригинальных индексов MARPOR, то вследствие их фрагментированности они оказались не очень подходящими для оценки позиционирования партий. Поэтому вместо них нами были использованы собственные, построенные посредством суммирования позитивных и негативных индексов MARPOR, соотносимых с тем или иным размежеванием. Формулы индексов размежеваний приведены в *табл. 1*.

В ходе исследования мы измеряли сдвиги партийных позиций, включая в рассмотрение партии, набравшие более 5% голосов на общенациональных парламентских выборах. Для простоты сравнения был взят шаг в 8 лет, позволивший осуществить пять сравнительных измерений во временном промежутке от начала 1990-х (только MARPOR) до конца 2010-х годов.

На основании данных MARPOR, выраженных в более вариативных числовых значениях, нежели CHES, нами был также проведен корреляционный анализ, призванный установить острые темы для каждого из партийных семейств в разные периоды времени. Измерения при этом делались как для выборки в целом, так и для трех отдельных групп стран с потенциально разной структурой позиционирования партий — западноевропейской, южноевропейской и посткоммунистической.

Таблица 1 Формулы индексов размежеваний

Содержание индекса	MARPOR	CHES
Социально-экономическая позиция (правые vs левые индексы)	per401 + per402 + per407 + per414 + per505 - per403 - per404 - per406 - per412 - per413 - per504 - per701	LRECON
Старое неэкономическое размежевание (морально-религиозные индексы)	Traditional Morality: Positive — Traditional Morality: Negative	RELIGIOUS_PRINCIPLES
Отношение к евроинтеграции	European Union: Positive — European Union: Negative	POSITION
Отношение к миграции	National Way of Life: Immigration: Positive + Multiculturalism: Immigrants Diversity + Centralization - National Way of Life: Immigration: Negative - Multiculturalism: Immigrants Assimilation (индексы отношения к миграции, мультикультурализму и централизации)	CH_IMIGR (отношение к миграции)
Авторитаризм — нативизм		SOCIALLIFE-STYLE GALTAN (ценностные индексы)
Внимание к теме экологии	Environmental Protection + Anti-Growth Economy: Positive	ENVIRONMENT

Выделение паттернов трансформации партийных систем осуществлялось путем сравнения индивидуальных кейсов по двум критериям — (1) структуре позиционирования партийных семейств с учетом числа значимых размежеваний и (2) общим тенденциям трансформации, выраженный через ряд индексов, взятых из проекта *Who Governs Europe*¹⁸. Среди таких индексов, соотносимых с характеристиками партийной системы по Джованни Сартори¹⁹, следует выделить индексы эффективного числа партий, фрагментации, поляризации и волатильности. Также нами был рассмотрен характер перетока голосов от старых партий к новым — в какой мере, когда и как именно он происходил в разных партийных системах.

Классифицировав, таким образом, партийные системы по паттернам их трансформации, на финальной стадии исследования мы обратились к проверке гипотез, касающихся параметров, потенциально значимых для разделения партийных систем по паттернам. Для решения этой задачи было проведено кейс-стади для 25 стран выборки с упором на следующие параметры:

- географическая принадлежность;
- уровень социально-экономического развития;
- форма правления и территориального устройства;
- избирательная система;
- политическая культура;
- общая трансформация в изучаемый период;

¹⁸ <https://whogoverns.eu/>.

¹⁹ Sartori 1976.

- отношения с ЕС;
- состояние экономики;
- исходное число значимых размежеваний;
- исходное число значимых партий;
- время образования значимых партий нового типа;
- длительность существования демократии.

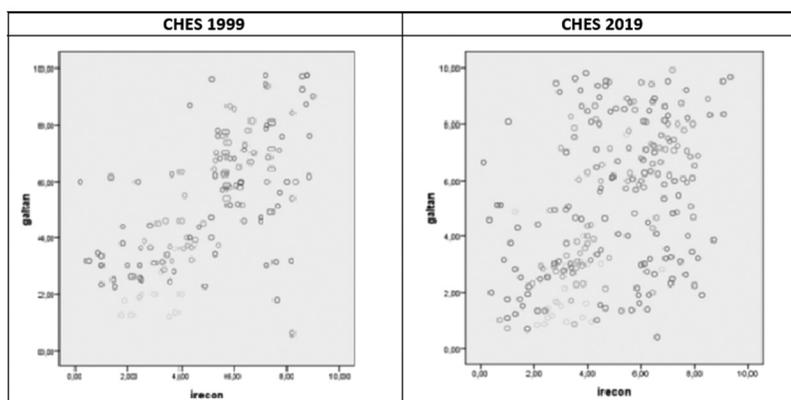
Как будет показано ниже, хотя большей части перечисленных параметров можно приписать значимость, для объяснения выделенных паттернов требуется обратиться к более высокому уровню обобщения, связанному со структурой политической системы в целом.

**Ключевые
тенденции
трансформации**

Принципиальным выводом нашего исследования стала констатация различий в траекториях трансформации между посткоммунистическими и остальными («старыми») европейскими странами: если в первых контекст изменений был задан институционализацией новых партийных систем при транзите к рынку и демократии, то во вторых — их преобразованием под влиянием перехода к постиндустриальному состоянию общества. Вместе с тем определенное сближение двух частей Европы также просматривается: и там и там посткризисные 2010-е годы ознаменовались ростом партийной фрагментации и смещением партийного спектра в направлении репрезентации неэкономических тем и поляризации по ним, пусть и с отставанием посткоммунистических стран примерно на полдесятилетия (см. *рис. 1*).

В рамках «староевропейской» выборки нами было проанализировано 14 стран, к которым в дальнейшем были добавлены две посткоммунистические, объединенные с ними общим признаком — наличием

Рисунок 1 Изменение в позиционировании партий стран ЕС относительно социально-экономического (горизонталь) и неэкономического (вертикаль) размежеваний по данным CHES

консолидированной партийной системы, сохранявшей стабильность с конца 1990-х до начала 2010-х годов. В большинстве стран этой группы была выявлена отчетливая тенденция к образованию постиндустриального размежевания и переориентации партийных систем на его репрезентацию.

В качестве верного признака данного сдвига может рассматриваться значимый и повсеместный подъем популистских партий после 2008 г., ставший следствием как негативных аспектов нового структурирования социума, так и запоздалой реакции крупных всеохватных партий на острые темы. Впрочем, не менее важным трендом посткризисного периода было движение мейнстримных партий в сторону более тщательного отражения в своих повестках неэкономических тем, серьезно сказавшееся на их позиционировании и электоральном успехе.

В частности, на правом фланге произошло разделение между консервативными и либерально-реформистскими силами в плане их позиционирования на новой неэкономической оси размежеваний. Консервативные партии, представляющие амбивалентно настроенный к глобализации старый средний класс, сдвинулись к полюсу натовизма-протекционизма, особенно при наличии выраженной угрозы со стороны популистов. Наоборот, относительно молодые партии правого центра, конкурирующие с консерваторами, в 2010-е годы сблизилась в своих установках с лево-прогрессивной повесткой зеленых, выступив в роли выразителей ценностей нового среднего класса и европейской идентичности. Хотя с точки зрения распределения голосов феномен дробления правых оказался более наглядным в волатильной среде посткоммунистических стран, в «старой» Европе он, бесспорно, отражает более глубокие социальные сдвиги, пусть и в латентной форме соперничества крупных партий с малыми либо попыток крупных партий совместить обе повестки ради сохранения широты электоральной базы.

В свою очередь на левом фланге наблюдалось падение популярности социал-демократических партий, если не вызванное, то усиленное изменением структуры размежеваний. Сталкиваясь с конкуренцией со стороны прогрессивных партий относительно голосов среднего класса и популистов правого и левого толка относительно голосов рабочих, социал-демократы теряли поддержку, если только не становились полюсом притяжения для антипопулистских и прогрессивных сил (как это произошло в Италии и Дании). Впрочем, на посткоммунистические страны данная тенденция не распространяется: ввиду патерналистского характера и отсутствия связи социал-демократии в регионе с кейнсианским государством всеобщего благоденствия, а также слабости альтернативных платформ, социал-демократы выступают там лишь одним из многих центров притяжения, в равной доле апеллирующих и к протекционистским, и к прогрессивным идеям.

**«Старая» Европа:
четыре паттерна
трансформации**

Хотя описанные выше тенденции, как уже говорилось, отражают общие параметры трансформации европейских партийных систем, внутри стран, не относящихся к группе посткоммунистических, отчетливо выделяются четыре паттерна, свидетельствующие о разной реакции партийных систем на возникновение нового размежевания.

Первый паттерн отсылает к гипотезе об определяющей роли уровня социально-экономического развития страны для актуализации в ее партийной системе постиндустриального сдвига. Как и в ряде посткоммунистических стран, в партийных системах Португалии и Греции нами не было обнаружено значимой трансформации: к началу 2020-х годов поляризованный партийный спектр этих стран полностью сохранил ориентацию на социально-экономическую тематику в сочетании с традиционными темами религии и культуры. Аналогичную картину мы видим и в посткоммунистической Хорватии, с эпохи транзита поддерживающей систему с двумя ключевыми партиями — левой и правой. Наличие в истории трех упомянутых стран кризисных потрясений, приведших, в частности, к замещению социал-демократов в Греции левыми популистами, не позволяет приписать подобное положение дел спокойным условиям развития. Речь идет, таким образом, именно о сохранении традиционной структуры размежеваний с двумя ведущими партиями, а не о стабильности партийной системы *per se*. Поэтому низкий уровень социально-экономического развития вполне может служить объяснением существования данного паттерна.

Говоря об устойчивости партийной конфигурации, соотносимой со старыми линиями размежеваний, можно выделить и группу стран, следующих второму паттерну партийной трансформации. К ней относятся развитые европейские страны, которые, вопреки имевшему место постиндустриальному переходу, смогли сохранить почти неизменной структуру партийных систем, характерную для более раннего времени, включив в нее косвенно репрезентацию новой проблематики. Так, в общественной федеративной Бельгии противостояние Фландрии и Валлонии способствовало формированию в каждой из провинций собственного доминирующего блока партий, определенным образом связанного с иными размежеваниями, в том числе постиндустриальным. В свою очередь в этнически гомогенных Финляндии и Ирландии сравнительно мягкая форма репрезентации нового размежевания в политике, судя по всему, стала следствием высокой значимости для этих стран темы общей идентичности. В качестве своего рода смешанного случая можно рассматривать посткоммунистическую Эстонию, особенно учитывая тот факт, что в схожей в плане этнотерриториальных проблем Латвии партийная система развивалась по типичному посткоммунистическому сценарию — конфликтному и крайне волатильному. Важно отметить, что в экономическом отношении названные страны превосходят большинство других членов ЕС, а их политика, в отличие от этнически озабоченных государств юго-восточной периферии Европы, носит выраженный коалиционно-консенсусный характер.

²⁰ Lijphart 2012.

Именно характер политики — с привязкой к коалиционно-консенсусному или мажоритарно-поляризованному типу — сыграл ключевую роль при выделении следующих двух паттернов. Отталкиваясь от концепции, сформулированной Арендом Лейпхартом в его сравнительном исследовании 36 демократий²⁰ (13 из которых попало в нашу выборку), мы полагаем, что стиль национальной политики, которая может тяготеть либо к коалиционному правлению, либо к борьбе двух идеологических полюсов за контроль над правительством, определяется совокупностью факторов, включая тип избирательной системы, модель разделения властей, выраженность тенденций к децентрализации и параметры государства всеобщего благосостояния. Однако в настоящем исследовании большинство этих факторов было вынесено за скобки, поскольку, как было подтверждено эмпирически, вопреки зачастую несхожим конфигурациям властных институтов и государственных политик в разных странах ЕС, партийная политика в них в итоге может либо относительно быстро приспособиться к формату многопартийных коалиций с участием новых игроков, либо пойти по более сложному, болезненному сценарию, почти всегда связанному с сильной программно-идеологической поляризацией и недостатком опыта в выстраивании больших коалиций-мостов.

Как видно из *табл. 2*, критерий «коалиционность vs поляризация» валиден и применительно к странам, отнесенным к ранее выделенным паттернам: если три экономически отсталые страны Южной Европы демонстрируют поляризацию между традиционными левыми и правыми, то четыре страны развитой Северной Европы с высокой значимостью этнотерриториальной повестки — приверженность консенсусному подходу. Более того, случаи замещения крупных партий новыми происходили именно в странах с укоренившейся поляризацией, заложенной в самое основание партийных систем.

Таблица 2 Попытка классификации стран «староевропейской» выборки

<i>Коалиционность vs поляризация</i>		<i>Иные значимые параметры</i>		
<i>Коалиционная политика и открытые переговоры</i>	<i>Поляризация и враждебные коалиции</i>	<i>Без сильных правых популистов</i>	<i>Замещение старых крупных партий новыми</i>	<i>Мажоритарный элемент в выборах</i>
Дания Нидерланды Германия Австрия + Бельгия Финляндия Ирландия Эстония	Великобритания Франция Италия Испания Швеция + Португалия Греция Хорватия	Великобритания Ирландия + Португалия Греция Хорватия	Франция Италия + Греция	Великобритания Франция Италия Германия

Так, во Франции и Италии ориентация партийно-политического спектра на социально-экономическую ось в 2010-е годы трансформировалась в поляризацию по двум размежеваниям — не только между правыми и левыми, но и между прогрессивными и нативистско-протекционистскими партиями, а также в целом между проевропейским центризмом и консервативно-протестным популизмом, в конце десятилетия пришедшим к власти в Италии и ставшим второй по значимости силой во Франции. В контексте объяснения последнего сдвига можно отметить, что в предшествовавшие кризису годы модели развития обеих стран уже переживали серьезные пертурбации. Аналогичным образом в менее развитой Греции, сильно пострадавшей в ходе кризиса 2008 г., имело место замещение социал-демократов левыми популистами, ориентированными, однако, исключительно на социально-экономическое размежевание.

В свою очередь страны с чуть меньшей поляризацией и более устойчивыми моделями социального государства (Австрия, Швеция и частично Испания) могут быть квалифицированы как пограничные — со сложными отношениями между полярными партиями, но без фатального оттока голосов к популистам. Ключевым фактором здесь, видимо, выступает наличие возможностей и предмета для межпартийного торга, а также отсутствие завышенных ожиданий со стороны избирателя, не привыкшего к политике, построенной на полном отрицании позиций оппонентов.

В странах с пропорциональным представительством и опытом больших коалиций трансформация партийных систем в 2010-е годы четко следовала модели относительно мягкого расширения числа значимых партий в парламентах, что могло порождать сложности в построении эффективных коалиций и неизбежно вело к уменьшению голосования за две крупнейшие партии, но в целом не подрывало стабильности этих систем. Примером здесь может служить Дания, пережившая подъем правого популизма еще в 1990-е годы, однако сумевшая сразу вписать его в рамки коалиционной политики. В Германии и Нидерландах, где политическая система тоже благоприятствует коалиционной политике, правые популисты остались нерукопожатными, тогда как партии леволиберального, зеленого и радикально левого семейств смогли успешно институционализироваться в качестве коалиционных партнеров старых партий и альтернативы для их бывшего электората.

Таким образом, можно констатировать, что вероятность одной из двух траекторий постиндустриальной трансформации партийных систем в «старой» Европе в значительной степени определяется типом партийно-политической системы. Преобладание в стране коалиционно-консенсусного элемента подталкивает ее к заметному росту партийной фрагментации, хотя сама трансформация при этом происходит относительно плавно, сужая воздействие популизма до относительно небольшого сегмента электората. Напротив, в жестко поляризованных системах срывы правительственной политики чреваты замещением ста-

рых партий новыми, ориентированными на изменившуюся структуру размежеваний, а также на привычку электората к радикализации противоречий, что благоприятствует сильным популистским тенденциям.

Иные факторы, включая избирательную систему, должны, на наш взгляд, рассматриваться в данной схеме как подчиненные. Исключение составляет случай Великобритании. Не попадая ни в один из паттернов, он демонстрирует ведущую роль электоральных характеристик в поддержании уникальной конфигурации, сочетающей эффект формирования нового размежевания в мажоритарно-поляризованной системе с сохранением стабильной модели «двух с половиной партий», реагирующей на изменения через смену повесток сложившихся игроков, а не подъем новых партийных семейств, отсекаемых крайне высоким порогом вхождения в политический процесс.

Посткоммунистическая Европа: один паттерн с множеством ответвлений

Развитие партийных систем посткоммунистических стран ЕС в период после 1990 г. имеет, как уже упоминалось, ряд значимых особенностей, помимо общей направленности в сторону создания новой конфигурации партий в условиях перехода к рынку и демократии.

В частности, в посткоммунистических странах отсутствует сильная традиция классово-социальной демократии, а спрос на левые идеи в целом невысок. Параллельно выраженная специфика прослеживается и на правом фланге партийной политики: на практике для посткоммунистических стран характерно не разделение между кейнсианскими левыми и неолиберальными правыми, а поляризация между консервативно-патерналистским и прогрессивно-европейским вариантами центризма с уклоном вправо или влево, зависящим от ситуации в конкретной стране. Учитывая высокую волатильность партийных систем, сопряженную с новизной института партий *per se*, нелинейной структурой размежеваний, а также особым значением внешних шоков для возвышения или упадка партий, можно говорить о наличии собственной логики взаимодействия внутри партийного спектра стран этого типа. Описывая указанную логику, мы можем связать ее с единым паттерном при сохранении, однако, серьезной вариативности.

Медианный сценарий развития партийной политики в рамках данного паттерна выглядит следующим образом: доминирование связи старого неэкономического и «транзитологического» размежеваний с делением партий на две группы — альянс условно правых семейств и крупную левую партию, наследовавшую коммунистам, — в 1990-е годы; резкое снижение фрагментации в условиях возрастания роли социально-экономического размежевания и ослабления идеологических споров (последнее часто вело к формированию конфигурации из двух-трех крупных партий, вытеснивших конкурентов из политики) в 2000-е; новый рост фрагментации с середины 2010-х годов на фоне актуализации нового размежевания — сначала в контексте поляризации по евроинтеграции и обращения ряда крупных партий к риторике национал-попу-

лизма, затем в виде подъема новых малых партий, ориентированных на прогрессивно-либеральный и националистический электорат.

При всей значимости общих тенденций, позволяющих говорить о наличии единого паттерна партийной трансформации, на практике в каждой стране просматриваются отличия от медианного сценария. В частности, в ряде стран в 1990-е годы имела место попытка создания доминантных партий, не выдержавших, однако, интенсивности посткоммунистической поляризации. Кроме того, за более выраженным уровнем партийной фрагментации в странах посткоммунистической выборки часто стоит фактор этнической разнородности.

Другим фактором, отвечающим за степень фрагментации партийных систем в посткоммунистическом кластере, является сопряжение партий с тремя-четырьмя значимыми размежеваниями — социально-экономическим, старым этнокультурным, новым постиндустриальным и обращенным к евроинтеграции. Важно отметить, что старое этнокультурное размежевание, окончательно потерявшее значимость на Западе в 2000-е годы, все еще актуально для партий в посткоммунистических странах. Напротив, поскольку социально-экономическая поляризация в регионе часто не очень сильна, она редко может в одиночку задать контуры партийного спектра.

В этом аспекте возвышение нового поколения доминантных партий в Венгрии и Польше в целом укладывается в описанную выше логику позиционирования партий, не формируя, на наш взгляд, отдельного паттерна. Так, в течение 1990-х годов названные страны развивались по средней для региона траектории: то, что произошло в 2010-е годы, было одновременным совмещением позиций доминантной партии по нескольким актуальным размежеваниям, при том что для оппозиции подобное совмещение оказалось структурно невозможным. В случае Венгрии на это повлиял распад партии — оппонента доминантной, позволивший той расположиться в экономическом центре, а также дальнейший транзит к полуавторитаризму, сопровождавшийся изменением электоральных правил в направлении, ставившем инкумбента в привилегированное положение. В случае Польши успех был более ситуативным, породив не гегемонию, но рост поляризации в формате, выгодном доминантной партии. И там и там, однако, режиму доминантной партии благоприятствовали два обстоятельства: низкий уровень социально-экономической поляризации между партиями и отсутствие этнической фрагментации.

Заключение

Как отмечалось выше, целью представленного исследования было изучение закономерностей трансформации партийных систем стран ЕС посредством их классификации. Сравнение траекторий такой трансформации позволило выделить пять паттернов, описывающих сходство и различие траекторий через их связь с несколькими ключевыми характеристиками (см. *табл. 3*).

Таблица 3 Классификация 25 стран ЕС с распределением их по пяти паттернам

<i>Паттерны</i>	<i>Страны</i>
Стабильная структура размежеваний, коалиционный тип	Бельгия Финляндия Ирландия + Эстония
Меняющаяся конфигурация партий, коалиционный тип	Дания Нидерланды Германия Австрия Швеция
Стабильная структура размежеваний, поляризованный тип	Португалия Греция + Хорватия
Меняющаяся конфигурация партий, поляризованный тип	Франция Италия Испания
Посткоммунистический паттерн	Чехия Словакия Латвия Литва Румыния Болгария Словения + Польша Венгрия
Исключения	Великобритания

Судя по результатам исследования, важнейшей из этих характеристик является деление устойчивых партийно-политических систем западных демократий на тяготеющие к мажоритарно-поляризованному либо к коалиционно-консенсусному типу (по классификации Лейпхарта). Именно это, по нашему заключению, обуславливает большую или меньшую жесткость трансформации партийной системы в контексте институционализации нового размежевания. Вместе с тем есть основания полагать, что в странах, которые нельзя четко отнести к одному из двух типов, существенное значение имеет устойчивость модели социального государства в целом. Немалую роль здесь играет характер поляризации, политической культуры и избирательной системы, а также состояние экономики как дополнительный внешний стимул.

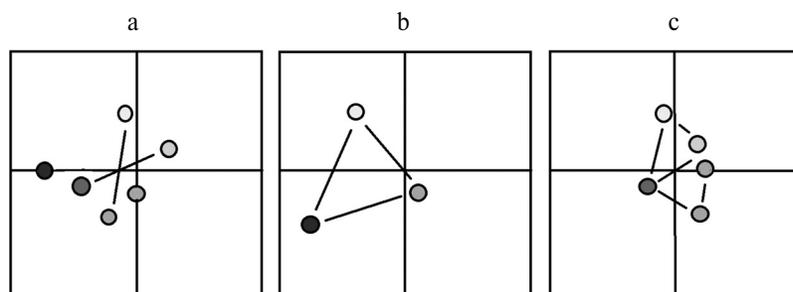
Кроме того, было обнаружено, что в ряде случаев партийная конфигурация может оставаться стабильной. В числе факторов, способ-

ствующих данной аномалии, — сравнительно низкий уровень социально-экономического развития, а также этноцентричность политики в рамках коалиционной системы. Применительно к Великобритании, не попавшей ни в один из пяти паттернов, таким фактором выступает наличие мажоритарной системы относительного большинства. При этом вклад стартовых условий трансформации, таких как начальное число значимых партий и время возникновения партий нового типа, в определение паттерна трансформации минимален.

Еще одним результатом исследования стала фиксация различий между конфигурацией партийного спектра в «старых» и посткоммунистических странах ЕС (см. *рис. 2*). Что интересно, относительная экономическая отсталость стран Южной Европы и «молодость» их демократии аналогичных различий не породили: в обоих «староевропейских» субрегионах институционализация нового размежевания происходила посредством возвышения партий нового типа, бросавших вызов хорошо структурированному позиционированию традиционных всеохватных партий, ориентированных на социально-экономическое размежевание.

Примечательно, что в посткоммунистических странах пространственная борьба партий не обладает сколько-нибудь выраженной значимостью. Напротив, в условиях характерной для них волатильной и слабоструктурированной конфигурации партий повестка нового типа легко встраивается внутрь старой системы размежеваний, не порождая новых семейств нишевых партий. Последнее, в сравнении с Южной Европой, говорит о важности именно структурных факторов, обеспечивающих рамки партийной конкуренции, а не самой по себе географической принадлежности, отсталости или позднего перехода к демократии. В свою очередь это указывает на то, что посткоммунистический паттерн

Рисунок 2 Примерная конфигурация партийного спектра (2010-е годы) с учетом значимых партий в (а) консенсусной, (б) поляризованной и (с) посткоммунистической партийных системах с позиционированием по двум размежеваниям — социально-экономическому (горизонталь) и неэкономическому (вертикаль)

не отменяет наших выводов о ключевой роли рамочных условий, пусть даже классификация Лейпхарта не сильно подходит к реализующим его странам.

Таким образом, можно утверждать, что в политических системах с разными структурными характеристиками институционализация нового размежевания происходила и будет происходить по-разному, вопреки универсальности данного тренда в масштабах Европы. При этом некоторые важные закономерности видны уже на современном этапе, тогда как другие пока скрыты за завесой будущего.

Библиография

Дюверже М. (2002) *Политические партии*. М.: Академический проект.

Инглхарт Р. и К.Вельцель. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое изд-во.

Adams J., M.Clark, L.Ezrow, and G.Glasgow. (2006) «Are Niche Parties Fundamentally Different from Mainstream Parties? The Causes and the Electoral Consequences of Western European Parties' Policy Shifts, 1976—1998» // *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 3: 513—529.

Bakker R., C. de Vries, E.Edwards, L.Hooghe, S.Jolly, G.Marks, J.Polk, J.Rovny, M.Steenbergen, and M.A.Vachudova. (2015) «Measuring Party Positions in Europe: The Chapel Hill Expert Survey Trend File, 1999—2010» // *Party Politics*, vol. 21, no. 1: 143—152.

Budge I. (1994) «A New Spatial Theory of Party Competition: Uncertainty, Ideology and Policy Equilibria Viewed Comparatively and Temporally» // *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4: 443—467.

Cox G.W. (1997) *Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dalton R.J. (2018) *Political Realignment: Economics, Culture, and Electoral Change*. Oxford: Oxford University Press.

Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row.

Green-Pedersen C. (2019) *The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press.

Hooghe L. and G.Marks. (2018) «Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage» // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.

Katz R.S. and P.Mair. (2009) «The Cartel Party Thesis: A Restatement» // *Perspectives on Politics*, vol. 7, no. 4: 753—766.

Kitschelt H. and P.Rehm. (2015) «Party Alignments. Change and Continuity» // Baramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and HKriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 179—201.

Kriesi H., E.Grande, R.Lachat, M.Dolezal, S.Bornschier, and T.Frey. (2006) «Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared» // *European Journal of Political Research*, vol. 45, no. 6: 921–956.

Lijphart A. (2012) *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. New York: Free Press: 1–61.

Menz G., ed. (2022) *The Resistible Corrosion of Europe's Center-Left after 2008*. London: Routledge.

Sartori G. (1976) *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Volkens A., J.Bara, I.Budge, M.D.McDonald, and H.D.Klingemann. (2013) *Mapping Policy Preferences from Texts III: Statistical Solutions for Manifesto Analysts*. Oxford: Oxford University Press.

I.I.Petrov

PATTERNS OF TRANSFORMATION OF PARTY SYSTEMS IN EU COUNTRIES: DIRECTION OF CHANGES AND REASONS FOR DIFFERENCES

Ivan I. Petrov — Lecturer and Ph.D. Student at the Department of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: ipetrov@hse.ru.

Abstract. The article presents an original classification of patterns of transformation of party systems in EU countries under the influence of the institutionalization of a new post-industrial cleavage. Drawing on theories of cleavage and spatial competition and using party positioning databases, electoral indices and statistics, the author attempts to identify the main trajectories of the transformation of the European party systems between 1990 and 2023 and identify factors that explain the differences between them.

The study identified five patterns associated with the effects of two key parameters. The first one is the structural specificity of the conditions of party competition in post-communist and other EU countries, associated with the difference between the old structured and new volatile party systems. The se-

cond parameter is the type of a country's party-political system in accordance with Arend Lijphart's classification — either majoritarian-polarized or coalition-consensus. While under majoritarian system the institutionalization of a new cleavage often gave rise to a radical breakdown of the old configuration of parties with the emergence of powerful populist forces, under consensus system — a smooth increase in fragmentation with the outflow of votes in favor of various new parties and the complication of the process of forming coalitions. For a number of countries other factors, such as the level of socio-economic development, ethnocentricity of politics, the type of electoral system and the stability of the welfare state appeared relatively important. In contrast, hypotheses about the significance of the initial configuration of party systems, the timing of formation of new parties and the geographical proximity of countries were not confirmed.

Keywords: political parties, party systems, cleavage theory, European politics, post-industrial transformation, post-communist Europe

References

- Adams J., M.Clark, L.Ezrow, and G.Glasgow. (2006) "Are Niche Parties Fundamentally Different from Mainstream Parties? The Causes and the Electoral Consequences of Western European Parties' Policy Shifts, 1976—1998" // *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 3: 513—529.
- Bakker R., C. de Vries, E.Edwards, L.Hooghe, S.Jolly, G.Marks, J.Polk, J.Rovny, M.Steenbergen, and M.A.Vachudova. (2015) "Measuring Party Positions in Europe: The Chapel Hill Expert Survey Trend File, 1999—2010" // *Party Politics*, vol. 21, no. 1: 143—152.
- Budge I. (1994) "A New Spatial Theory of Party Competition: Uncertainty, Ideology and Policy Equilibria Viewed Comparatively and Temporally" // *British Journal of Political Science*, vol. 24, no. 4: 443—467.
- Cox G.W. (1997) *Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dalton R.J. (2018) *Political Realignment: Economics, Culture, and Electoral Change*. Oxford: Oxford University Press.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row.
- Duverger M. (2002) *Politicheskie partii* [Les partis politiques]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
- Green-Pedersen C. (2019) *The Reshaping of West European Party Politics: Agenda-Setting and Party Competition in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Hooghe L. and G.Marks. (2018) "Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage" // *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1: 109—135.
- Inglehart R. and C.Welzel. (2011) *Modernizatsija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija* [Modernization and the Human Development Index: A Theory of Modernization and the Human Development Index]. Moscow: Nauka.

nization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Katz R.S. and P.Mair. (2009) “The Cartel Party Thesis: A Restatement” // *Perspectives on Politics*, vol. 7, no. 4: 753–766.

Kitschelt H. and P.Rehm. (2015) “Party Alignments. Change and Continuity” // Baramendi P., S.Häusermann, H.Kitschelt, and HKriesi, eds. *The Politics of Advanced Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press: 179–201.

Kriesi H., E.Grande, R.Lachat, M.Dolezal, S.Bornschier, and T.Frey. (2006) “Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared” // *European Journal of Political Research*, vol. 45, no. 6: 921–956.

Lijphart A. (2012) *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) “An Introduction” // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. New York: Free Press: 1–61.

Menz G., ed. (2022) *The Resistible Corrosion of Europe’s Center-Left after 2008*. London: Routledge.

Sartori G. (1976) *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Volkens A., J.Bara, I.Budge, M.D.McDonald, and H.D.Klingemann. (2013) *Mapping Policy Preferences from Texts III: Statistical Solutions for Manifesto Analysts*. Oxford: Oxford University Press.

М.А.Краснов**СМЕШАННАЯ МОДЕЛЬ:
МАКС ВЕБЕР И РЕАЛЬНОСТЬ**

Михаил Александрович Краснов — доктор юридических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: mkrasnov@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу полупрезидентской, или смешанной, модели (системы) власти. Особый интерес к подобной конструкции не в последнюю очередь обусловлен тем, что она создает благоприятные условия для авторитарной эволюции. Конечно, авторитарный режим может сформироваться и в президентской, и в парламентской моделях, но полупрезидентская содержит гораздо больший потенциал для такого развития событий. Основной ее порок состоит в том, что президент нормативно как бы ставится над всеми институтами власти, но при этом сохраняет prerogatives, не позволяющие ему оставаться политически нейтральным. Такое положение президента в системе власти искажает его политическую самоидентификацию. Он начинает воспринимать себя в качестве аналога абсолютного монарха и легальными способами монополизирует власть.

Одним из отцов смешанной модели был Макс Вебер, чья идея плебисцитарного президента положила начало становлению новой разновидности республиканской формы правления, впервые закрепленной в Конституции (Веймарской) Германии 1919 г. В связи с этим автор внимательно рассматривает концепцию Вебера, его роль в разработке Веймарской конституции, а также сравнивает его взгляды с нормативной моделью, нашедшей отражение в этой Конституции. В статье показано, что хотя Веймарская конституция восприняла не все установки Вебера и гораздо дальше отделилась от модели президентской республики, основные веберовские идеи вошли в нее в виде некоторых норм. В заключительной части статьи приведен ряд критических соображений относительно отдельных положений веберовской концепции и веймарской конструкции власти.

Ключевые слова: смешанная модель, президентская республика, парламентская система, Веймарская конституция, плебисцитарный лидер, авторитаризм, Макс Вебер

**Место рождения —
Веймар**

В юридической компаративистике выделяются три формы правления, которые точнее именовать системами или моделями власти:

президентская, парламентская и полупрезидентская, или смешанная. Последняя (к ней нормативно относится и современная Россия) впервые была закреплена в Конституции (Веймарской) Германии, вступившей в силу 14 августа 1919 г., а через год — в Конституции Австрии, но получила такое название лишь через несколько десятилетий — после принятия Конституции Франции 1958 г.¹ Данная модель называется смешанной потому, что соединяет в себе институты президентской и парламентской систем. На это обращал внимание еще Карл Шмитт, писавший, что Веймарская конституция ввела «элементы президентской системы наряду с подобной чисто парламентской системой»².

Не все, правда, согласны с тем, что родиной этой модели является Германия. Например, Антон Варнавский полагает, что ее аналог существовал еще в Римской империи эпохи принципата, а «организация власти при различных бонапартистских режимах, прежде всего режиме первого консула», вполне может рассматриваться в качестве прямой ее предшественницы³. Однако даже если в упомянутых случаях и были схожие с полупрезидентской моделью элементы, не следует забывать, что речь идет о разных концепциях, предполагающих и разные принципы властной конструкции. Согласно другому мнению, приоритет имеет Конституция Финляндии, принятая 17 июля 1919 г.⁴, то есть на месяц раньше Веймарской. На самом же деле эта Конституция закрепила президентскую модель, хотя и с серьезными особенностями. Только с принятием Конституции 1999 г. Финляндия стала полупрезидентской республикой. Еще более популярна точка зрения, связывающая рождение смешанной модели с Конституцией Франции 1958 г.⁵ Но это, так сказать, аберрация исторического зрения, вызванная, скорее всего, тем, что после принятия Конституции Пятой республики в научном обороте утвердились термины «полупрезидентская, или смешанная, республика» (модель, форма правления), и многие государства, в конце XX в. принявшие смешанную модель, ориентировались именно на Францию.

Ввиду гибридного характера смешанной модели появилось множество ее вариаций, различающихся между собой прежде всего институциональной силой президента, которая в свою очередь обусловлена степенью его воздействия на исполнительную власть. Поэтому, кстати, среди исследователей существуют огромные расхождения при квалификации государств со смешанной моделью. Одни склонны относить полупрезидентские республики к не очень сильной фигурой президента к парламентским⁶. Другие (причем не только политологи, но и юристы⁷), «вдохновленные» могуществом президента, говорят о суперпрезидентской модели. Третьи выделяют две самостоятельные формы правления: президентско-парламентарную и парламентарно-президентскую⁸ (а некоторые еще и премьерско-президентскую⁹). Однако, хотя институциональная сила президента действительно варьирует от страны к стране, найти формальные индикаторы, позволяющие отличить одну модификацию смешанной системы от другой, невозможно. А главное, в основании любой модификации лежит общая для всех них «философия».

¹ В литературе отмечается, что терминологически эту модель стали выделять еще до принятия Конституции Пятой республики (см. Слеженков 2020: 17—18).

² Шмитт 2010: 171.

³ Варнавский 2010: 102.

⁴ См., напр. Зазнаев 2007: 102; Шаблинский 2020: 23.

⁵ См., напр. Чиркин 2010: 86; Варнавский 2010: 102—103.

⁶ См., напр. Linz 1990: 52; Мейнваринг 2006: 223; Слеженков 2020: 17.

⁷ Напр. Алебастрова 2023: 15, 33, 40; Тебаев 2023: 10.

⁸ Напр. Чиркин 2010: 86.

⁹ Голосов 2012: 151.

Во многом эта «философия» восходит к Макс Веберу, оказавшему существенное влияние на Веймарскую конституцию. Речь идет в первую очередь о его идее *плебисцитарного лидера* и, более конкретно, плебисцитарного президента — политика, получающего доверие, формализованное или неформализованное, непосредственно от народа.

Могут спросить: как эта идея связана с полупрезидентской моделью? Ведь президент США, «классической» президентской республики, как раз является тем самым плебисцитарным президентом (что признавал и Вебер¹⁰). Ответ прост: помимо плебисцитарности (мандата на власть, получаемого непосредственно от народа), «веберовский», а в еще большей степени веймарский президент находится в системе власти, принципиально отличающейся от президентской республики, о чем будет сказано ниже.

¹⁰ См., напр. Вебер 2016: 310.

Любопытно, что только смешанная модель, в противовес двум другим, имеет концептуальную основу. Это, однако, не означает, что она представляет собой чистый продукт *in vitro*. Если бы это было так, элитные группы тогдашней Германии не восприняли бы выдвинутые Вебером идеи. Так что конструкция власти, закреплённая Веймарской конституцией, в значительной мере обусловлена «спецификой позднего становления германской государственности и наличием мощной монархической традиции»¹¹, то есть вырабатывалась для удовлетворения политических потребностей, возникших в конкретных исторических условиях.

¹¹ Бав 2010: 273.

Препятствия перед политиками по призванию

Работы Вебера, в которых в совокупности изложена его концепция плебисцитарности, можно условно разделить на два типа — «фундаментальные» и «прикладные».

К первому относятся социологические работы, вошедшие позднее в многотомный академический труд «Хозяйство и общество», который был издан лишь после смерти Вебера. В главе «Типы господства» выдающийся немецкий социолог выделял три основания легитимности, хотя признавал, что они редко существуют в чистом виде: 1) *рациональное* — веру в законность зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения; 2) *традиционное* — веру в святость издавна действующей традиции; 3) *харизматическое* — убеждение в святости или героической мощи, совершенстве какой-то персоны¹². Больше всего его интересовала харизматическая легитимность, которая характерна для периодов революций: «Харизматическое господство, — пояснял он, — будучи неповседневным, в полном смысле экстраординарным, резко противостоит как рациональному, особенно бюрократическому, так и традиционному, особенно патриархальному и патримониальному или сословному господству. И то, и другое — специфически повседневные формы господства; истинно харизматическое господство — их специфическая противоположность»¹³. Другое дело, что харизма рутинизируется при «передаче» ее преемнику (Вебер описал несколько спо-

¹² Вебер 2016: 254—255.
См. также Вебер 1990: 646—647.

¹³ Вебер 2016: 281.

¹⁴ Там же: 283—291. собов такой «передачи»¹⁴), вследствие чего харизматическое господство превращается в традиционное или рациональное.

¹⁵ Там же: 258. В частности, Вебер фиксировал харизматическое господство «в случае плебисцитарного президентского правления»¹⁵. «Перетекание» харизматичности в плебисцитарность — довольно туманное место в веберовской концепции. Недаром некоторые исследователи видят в плебисцитарности основание харизматичности, что, думается, косвенно работает на оправдание личной власти. Так, Андраник Мигра-
¹⁶ Миграция 1989: 154. нян утверждает, что «в американской политической системе должность президента обладает харизмой независимо от личности президента»¹⁶.

Впрочем, с его точки зрения, личные свойства последнего вполне способны добавить ему харизматичности, как в случае с Рональдом Рейганом, которому «удалось полностью „выжать“ всю харизму, заключающуюся в символической роли президента»¹⁷.

¹⁷ Там же: 155. В «прикладных» трудах Вебера на первое место выходит уже понятие плебисцитарности. Речь идет о сборнике «Парламент и правительство в новой Германии» (май 1918 г.), статьях «Будущая государственная форма Германии» (ноябрь 1918 г.) и «Рейхспрезидент» (январь 1919 г.), а также о докладе «Политика как призвание и профессия», прочитанном в 1918 и изданном в 1919 г. Среди перечисленных работ стоит выделить «Парламент и правительство в новой Германии», куда вошли переработанные и расширенные версии статей, публиковавшихся летом 1917 г. в газете «Frankfurter Zeitung». По мнению Шмитта, «эти статьи (объединенные в 1918 году в сочинении „Парламент и правительство в новой Германии“) имели большое влияние на авторов Веймарской конституции и являются важным источником для государственно-теоретической оценки этой конституции»¹⁸.

¹⁸ Шмитт 2010: 233. Сам Вебер скромнее оценивал свое сочинение, отмечая, что «специалистам по государственному праву оно не сообщает ничего нового», но вместе с тем подчеркивая, что оно «и не прикрывается авторитетом науки»¹⁹. Действительно, цели этих статей скорее политические. С одной стороны, Вебер стремился сформулировать аргументы «против тех, кто и теперь (весной 1918 г. — М.К.) нынешнюю ситуацию считает подходящей для того, чтобы напрямую дискредитировать народное представительство в пользу других политических сил»²⁰. По его убеждению, «кто вообще ставит будущий вопрос о государственном строе Германии иначе, нежели „как сделать парламент способным к власти?“, тот с самого начала ставит его неправильно. Ибо все остальное — второстепенная работа»²¹. С другой стороны, он хотел продемонстрировать изъяны партийно-парламентской системы тогдашней Германии и предложить средства для их преодоления. К важнейшим недостаткам этой системы Вебер относил то, что она препятствует приходу к власти *политиков по призванию*, «вождей».

¹⁹ Вебер 2003а: 107.

²⁰ Там же. «кто вообще ставит будущий вопрос о государственном строе Германии иначе, нежели „как сделать парламент способным к власти?“, тот с самого начала ставит его неправильно. Ибо все остальное — второстепенная работа»²¹. С другой стороны, он хотел продемонстрировать изъяны партийно-парламентской системы тогдашней Германии и предложить средства для их преодоления. К важнейшим недостаткам этой системы Вебер относил то, что она препятствует приходу к власти *политиков по призванию*, «вождей».

²¹ Там же: 187. Одно из главных таких препятствий, по Веберу, заключалось в том, что занятие политических должностей не было связано с соотношением политических сил в нижней палате парламента (Рейхстаге).

Поэтому германский парламент оказывался бессильным, а значит, малопривлекательным для политиков по призванию. Если такой человек, язвительно замечал Вебер, «захотел бы стать членом парламента — что бы он стал там делать? Когда освобождалось место в канцелярии, соответствующему начальнику управления можно было сказать: в моем избирательном округе есть весьма толковый человек, он бы подошел, возьмите-ка его. И его охотно брали на освободившееся место. Вот, в общем-то, все, чего мог достигнуть немецкий парламентарий для удовлетворения своих инстинктов власти — если у него таковые имелись»²².

²² Вебер 1990: 685.

Между тем *работающий* парламент, подчеркивал Вебер, «может стать почвой, на которой возвращаются и путем селекции совершенствуются качества подлинных политических лидеров. А работающий парламент — это такой парламент, который контролирует администрацию непрерывно и в сотрудничестве с ней»²³. Среди средств подобного контроля Вебер особо выделял институт парламентских расследований, полагая, что его наличие способно превратить парламент «в место для отбора политических лидеров»²⁴.

²³ Вебер 2003а: 169.

²⁴ Там же: 174.

Но еще более серьезное препятствие для выдвижения и продвижения политических харизматиков Вебер видел в бюрократизации партийной жизни. В частности, это побудило его выступить в защиту «демагогов», противопоставив их «работникам канцелярий» — партийным чиновникам: «Обстоятельством решающей важности является то, что в любом случае для политического лидерства годятся лишь личности, отобранные в ходе политической борьбы, так как всякая политика, по существу, есть борьба. А для борьбы столь поносимое „ремесло демагога“, как правило, полезнее, чем канцелярия, которая, правда, дает бесконечно лучшую выучку в делах конкретного управления»²⁵. Устаревшей системе «уважаемых людей», в которой трудно пробиться политическим талантам, он противопоставлял англо-саксонскую систему кокусов (saucis), то есть «собраний организованных членов партии»²⁶, благодаря которой «на политической сцене выступают и делают карьеру разнообразные политические темпераменты и лидерские натуры»²⁷.

²⁵ Там же: 227.

²⁶ Вебер 1990: 675.

²⁷ Вебер 2003а: 242.

Американские партии Вебер называл «содержательно беспринципными», ибо «их цель состоит исключительно в том, чтобы посредством выборов продвинуть своего лидера на руководящий пост, чтобы впоследствии тот назначил собственную свиту — чиновничий и пропагандистский аппарат партии — на государственные должности»²⁸. В Германии же, по его оценке, преобладали «мировоззренческие» партии, стремящиеся «служить осуществлению содержательных политических идеалов»²⁹. Однако предпочтение Вебер отдавал первым, поскольку, с его точки зрения, они препятствовали «возникновению касты бюрократов»³⁰ и свойственные им недостатки уравнивались харизматичностью лидеров³¹.

²⁸ Там же: 135.

²⁹ Там же: 136.

³⁰ Там же.

³¹ Там же: 222.

При этом он отнюдь не ратовал за заимствование американской политической конструкции. Хорошо понимая, что Германия имеет немало существенных особенностей, начиная с идейной и политической

раздробленности общества после Первой мировой войны и заканчивая социальной структурой и состоянием экономики, он признавал целесообразным сохранить парламентское влияние на формирование правительства. Но и в этом случае, согласно его представлениям, «рейхспрезидент по-прежнему будет обладать самостоятельной властью»³².

³² Вебер 2003b: 376—377.

Своей научной и гражданской задачей Вебер считал поиск институциональных средств, которые могли бы обеспечить сохранение германской государственности, оказавшейся в конце войны под угрозой, в том числе из-за крайней политической фрагментированности. И главным среди этих средств, по его убеждению, был единоличный институт, способный объединить нацию, — президент, избираемый народом. Тем самым Вебер очертил контуры доселе неизвестной модели власти, хотя не сознавал и потому не говорил, что речь идет о *новой* разновидности республиканской формы правления.

Разработка Конституции 1919 г.

В начале XX в. идея радикальной трансформации германской Конституции 1871 г. становилась все более популярной. Однако кайзер Вильгельм II и его окружение, что называется, до последнего отстаивали существующее положение вещей и прежде всего сопротивлялись стремлению парламента (точнее, нижней его палаты — Рейхстага) влиять на формирование правительства и участвовать в контроле над ним. Тем не менее военная (на фронтах Первой мировой войны) и внутривластная ситуация складывались таким образом, что монарху пришлось пойти на уступки: «30 сентября 1918 г. кайзер своим указом практически ввел в действие парламентскую систему. Закон о внесении изменений в Конституцию от 28 октября 1918 г. юридически превратил империю в парламентскую монархию»³³.

³³ Бавв 2010: 271.

Шаг оказался запоздалым. 3 ноября 1918 г. восстали военные матросы в Киле, и в Германии началась революция, приведшая к отречению Вильгельма II от престола, его бегству из страны, затем к кровавой гражданской войне, бушевавшей с января по май, а кое-где и до середины лета 1919 г., «результатом которой были тысячи человеческих жертв и невыразимое чувство бесконечной горечи»³⁴. На этом фоне и шла разработка будущей Конституции Германской империи³⁵ 1919 г., вошедшей в историю как Веймарская. Связь конституционного проектирования с гражданской войной была весьма тесной уже потому, что политические устремления немецкого народа разделились. Одни хотели пойти по пути России, официально провозгласившей летом 1918 г. диктатуру пролетариата и систему Советов; другие мечтали реставрировать монархию; третьи выступали за демократические преобразования. В учредительном органе — Национальном собрании — последние оказались в большинстве.

³⁴ Хаффнер 1983: 164.

³⁵ Так официально называлась Веймарская республика.

Датой начала работы над конституционным проектом можно считать 15 ноября 1918 г., когда временное правительство под руководством социал-демократов Фридриха Эберта и Гуго Гаазе поручило профессору

³⁶ Hugo Preuß. В русскоязычной литературе его фамилию чаще транскрибируют как Прейс.

³⁷ Юдин** 2021: 18.

³⁸ Драбкин 1958: 357.

³⁹ Там же: 358.

⁴⁰ См. Баев 2010: 284.

⁴¹ Выделение Питером Бэрлом шести вариантов проекта (см. Ваehr 1989: 21) объясняется, видимо, тем, что он включил в их число варианты с небольшими изменениями, обсуждавшиеся в ходе парламентских чтений.

⁴² Драбкин 1958: 366.

⁴³ С февраля 1919 г. этот пост занимал Эберт.

⁴⁴ То же, что spoils system — раздача должностей сторонникам победившей на выборах партии (см. Вебер 1990: 682).

Отличия конституционной конструкции от веберовской модели

⁴⁵ Вебер 2003с: 403.

публично права Гуго Пройсу³⁶ возглавить группу разработчиков, назначив его с этой целью статс-секретарем Министерства внутренних дел. В некоторых источниках отмечается, что «Эберт рассматривал Вебера в качестве кандидата на эту должность, однако отдал предпочтение либеральному юристу Пройсу, который уже с 1917 года предлагал конкретные идеи по изменению конституции. До того, как предложить проект профильному комитету будущего Национального собрания (избрано в январе 1919 года), Пройс в декабре проводил совещания неофициальной конституционной комиссии в ведомстве внутренних дел. Вебер участвовал в ее работе наряду с официальными лицами»³⁷. Возможно, предпочтение было отдано Пройсу потому, что буквально накануне назначения он опубликовал в газете «Berliner Tageblatt» статью, где выступил категорическим противником власти советского типа³⁸.

Пройса нельзя назвать сторонником веберовской концепции плебисцитарного президента. Во всяком случае, в первом варианте проекта (начало января 1919 г.) предусматривалось, что президент избирается парламентом³⁹. Этот вариант был отвергнут, но по другой причине: как подчеркивал Пройс в своей Пояснительной записке, ключевым был вопрос об «отношениях между империей и республиками»⁴⁰. А радикальная позиция Пройса в сфере федеративных отношений (в частности, он предлагал разделить Пруссию) не понравилась ни одной из тогдашних партий. Для продолжения работы правительство порекомендовало Пройсу согласовать свои идеи с другими профессорами, прежде всего с Вебером.

Отвергнуты были и два последующих варианта. И только по четвертому, появившемуся в конце июня 1919 г., состоялись три чтения в Национальном собрании⁴¹. Против проекта категорически выступили лишь сторонники реставрации — представители Немецкой национальной народной партии, которые сочли его недостаточно консервативным и противоречившим их монархическим убеждениям, и национал-либералы из Немецкой народной партии, протестовавшие против «духа крайней демократии», «декоративного положения президента» и референдума, «грозящего сбросить с рельсов государственную колесницу»⁴². Тем не менее благодаря голосам социал-демократов и центристов проект был принят. 11 августа 1919 г. Конституция была подписана президентом⁴³, а спустя три дня опубликована и вступила в силу.

В январе 1919 г. Вебер вывел своего рода формулу, согласно которой «всенародно избранный президент как глава исполнительной власти, руководитель ведомственного патронажа⁴⁴ и (соответственно) обладатель права на отсрочивающее вето и полномочий на роспуск парламента и всенародный опрос — это твердыня подлинной демократии, означающей не немощную сдачу власти кликам, а подчинение всенародно избранным лидерам»⁴⁵. Здесь нетрудно заметить черты президентской республики, но имеются и отсутствующие в ней элементы:

⁴⁶ Для Вебера «все-народный опрос» был синонимом референдума (см. Вебер 2016: 329).

⁴⁷ Здесь и далее цит. по: Конституция Германского рейха 1919.

наделение президента правом распускать парламент и инициировать всенародный опрос — референдум⁴⁶.

В Веймарской конституции данная «формула» была воспроизведена далеко не полностью, и предусмотренная ею конструкция еще больше отходила от президентской республики. Прежде всего, хотя Вебер настаивал на том, что плебисцитарный президент должен возглавлять исполнительную власть, Конституция 1919 г. отказалась от этого — одного из главных — элемента президентской модели (впрочем, в конституционном тексте вообще не упоминалось о ветвях власти). Не предусматривалось в ней, как ни странно, и президентское вето на законы. Вместе с тем был закреплен не присущий президентской республике институт контрасигнации президентских актов. Статья 50 гласила: «Все приказания и распоряжения Рейхспрезидента, в том числе в отношении вооруженных сил, действительны лишь после скрепы их рейхсканцлером или соответствующим имперским министром. Скрепа означает принятие ответственности»⁴⁷. Надо отметить, что, хотя впоследствии институт контрасигнации был включен в конституции ряда полупрезидентских республик (например, Франции), он не является специфическим элементом смешанной модели.

Тем не менее основу веберовской «формулы» Конституция 1919 г. сохранила. В первую очередь плебисцитарность — избрание президента непосредственно народом (ст. 41). Отражением веберовского требования ведомственного патронажа можно считать ст. 46, где устанавливалось, что Рейхспрезидент «назначает и увольняет имперских чиновников и офицеров». Статья 25 наделяла президента правом распускать Рейхстаг (единственное ограничение состояло в том, что к роспуску можно было прибегнуть «не более одного раза по данному поводу»). Закреплены были и «полномочия на всенародный опрос», хотя в несколько суженном, по сравнению с формулой Вебера, виде: президент мог вынести на народное голосование принятый Рейхстагом, но еще не опубликованный закон (ст. 73), а также «распорядиться о производстве народного голосования» в случае непреодолимых расхождений между Рейхстагом и Рейхсратом по поводу некоего закона (ст. 74).

Трудно сказать, почему Вебер не включил в свою «формулу» формирование правительства президентом с учетом результатов парламентских выборов. Возможно, он считал это не столь значимым для плебисцитарного президента (в отличие от конституционного монарха) или просто «технической» процедурой. Между тем это один из принципиальных моментов. И его не упустила из виду Веймарская конституция, установив, что рейхсканцлер и имперские министры назначаются президентом, но «нуждаются для отправления своих должностей в доверии рейхстага» (ст. 53—54).

В президентской и парламентской системах президент тоже взаимодействует с парламентом по вопросам назначения высших чиновников, но характер взаимоотношений там иной. Так, в разделе 2 ст. II Конституции США (президентской республики) предусмотрено, что

президент «назначает на должности и по совету и с согласия Сената вводит в должности послов, других официальных представителей и консулов, судей Верховного суда и всех других должностных лиц Соединенных Штатов, введение в должности которых в ином порядке не предусмотрено Конституцией и должности которых установлены законом»⁴⁸. Однако это в принципе другая процедура. В частности, должны рассматриваться личные качества кандидата, а не его политическая принадлежность — не случайно согласование возложено на верхнюю палату. В парламентской же системе глава государства формирует правительство не «с учетом», а *на основании* политических договоренностей в парламенте.

⁴⁸ Конституция Соединенных Штатов б.г.

Использование в смешанной модели понятия «учет» вполне логично: оно не несет интенции императивности — президент здесь не обязан слепо подчиняться решению парламентского большинства. «Если же и всенародно избранного президента, — подчеркивал Вебер, — связывать в выборе его министров доверием парламента, то все-таки зачастую в качестве доверенного лица миллионов он будет обладать большими правами, чем наличное партийное большинство в парламенте, и тем больше, чем дольше будет срок его президентства»⁴⁹. Действительно, в реальной практике требование доверия нижней палаты рейхсканцлеру и имперским министрам не слишком жестко связывало Пауля фон Гинденбурга. Напротив, в 1932—1933 гг. на фоне чрезвычайно пестрого партийного состава Рейхстага мнение президента стало весьма весомым для межфракционного торга относительно кандидатуры канцлера. В конце концов 30 января 1933 г. после долгих переговоров о правительственной коалиции Гинденбург согласился назначить канцлером Адольфа Гитлера.

⁴⁹ Вебер 2003б: 375.

Виноват ли Вебер?

Трагическая судьба Веймарской республики побуждает некоторых авторов возлагать косвенную вину за это на концепцию плебисцитарного президента⁵⁰. Такое мнение представляется ошибочным. Во-первых, если бы после революции 1918—1919 гг. в Германии была установлена президентская или парламентская республика, скорость, последовательность или даже сам характер событий, наверное, были бы другими, но итог, скорее всего, оказался бы тем же. И «версальский» ресентимент, и экономический кризис, и расколотость немецкого общества, и отсутствие симпатий к веймарской системе у большей части германских элит⁵¹ (в том числе у президента Гинденбурга⁵²), и ряд других факторов делали вероятность произошедшего в 1933—1934 гг. весьма высокой. Во-вторых, приводимые в качестве аргументов в пользу подобного обвинения конституционные статьи часто не имеют отношения к концепции Вебера. В частности, речь идет о статье 48, закреплявшей чрезвычайные полномочия президента. Так, признавая, что «Вебер не проявлял никакого интереса к пресловутой статье 48 (которая способствовала приостановлению всех основных гражданских свобод)»,

⁵⁰ См., напр. Ваehr 1989: 23—24; Мигранян 1989: 152; Моттсен 2004: 403; Юдин** 2021: 19.

⁵¹ В частности, ее противником была влиятельная в те годы Протестантская церковь (Вирт 2023: 64).

⁵² Баев 2010: 276, 301.

⁵³ Baehr 1989: 23—24.

⁵⁴ *Ibid.*: 24.

⁵⁵ Цит. по: Баев 2010: 331.

⁵⁶ Чиркин 2010: 86.

⁵⁷ Речь идет о преобразовании хозяйства. «Сущность социализации и любого ее аспекта, — отмечает в предисловии к пятому изданию веберовского «Хозяйства и общества» (1972 г.) его редактор Йохан-

Бэр вместе с тем называет такую «беспечность» по-своему показательной⁵³. При этом более опасной он считает статью 76 (предусматривавшую возможность изменения Конституции при поддержке как минимум двух третей депутатов Рейхстага), видя в ней «решающий конституционный инструмент в создании Третьего рейха»⁵⁴. Наконец, в-третьих, обвинения в адрес веберовской концепции и базировавшейся на ней веймарской модели, может быть, и имели бы под собой основания, если бы власть сконцентрировал в своих руках сам президент Гинденбург. Но власть захватил рейхсканцлер Гитлер, который фактически совершил государственный переворот, то есть стал диктатором ни благодаря, ни вопреки веймарской конструкции. 1 августа 1934 г. (за день до смерти Гинденбурга) гитлеровское правительство издало декрет «О главе Германской империи», где объявлялось: «Должность президента империи объединяется с должностью рейхсканцлера. В силу этого установленные до сих пор полномочия президента империи переходят к вождю и рейхсканцлеру — Адольфу Гитлеру. Он назначает своего заместителя»⁵⁵.

Сказанное, однако, не означает апологии смешанной модели, тем более согласия с мнением, будто она вобрала в себя *положительные* стороны президентской и парламентской систем, как полагает, например, Вениамин Чиркин, говоря, что жизнь поставила задачу «не только корректировать, но и органично соединить положительные черты обеих форм (президентской и парламентской — М.К.) и минимизировать их недостатки»⁵⁶. Конечно, у полупрезидентской республики имеются и достоинства, прежде всего более широкие институциональные возможности для предотвращения и преодоления конституционных тупиков. Но отдельные плюсы этой модели перекрывает скрытая в ней угроза *авторитарного перерождения президента*. Из чего следует такой вывод?

Двойственность веберовского президента

нес Винкельман, — состоит в том, что индивид, его намерения и действия влетают в совокупность общественных обстоятельств и перманентного процесса обобществления» (Вебер 2016: 59).

⁵⁸ Вебер 2003с: 399.

⁵⁹ Там же: 400.

В веберовской концепции плебисцитарного президента заложен изъян, который не воспринимался в качестве такового ее автором, но который дал о себе знать в конце XX в. Заключается он в том, что в предлагавшейся Вебером конструкции президенту вменялось исполнение двух несовместимых друг с другом фундаментальных ролей — *адаптационной* (развивающей) и *стабилизирующей* (охранительной). Особенно отчетливо это видно в одной из последних работ Вебера «Рейхспрезидент», где утверждалось, что лишь «рейхспрезидент, за которым стоят голоса миллионов избирателей», способен осуществлять социализацию⁵⁷, «в которой совершенно ничего нельзя достичь, следуя параграфам законов, зато всего можно достичь посредством единообразного управления»⁵⁸; что ни коллегиальное руководство, ни глава государства, «избранный парламентом и дискредитированный жалкой немощью французского президента, никогда не смогли бы внести в управление то единство, без которого невозможно восстановление нашего хозяйства»⁵⁹. Но в той же работе Вебер восклицал: «Партикуля-

⁶⁰ Вебер 2003с: 401.

ризм требует носителя мысли об имперском единстве»⁶⁰ (в данном случае он имел в виду региональный партикуляризм, но в его концепции плебисцитарный президент предназначен и для нейтрализации политической фрагментации и отстаивания партиями своих узких интересов). И хотя на первое место он ставил именно охранительную функцию⁶¹, она совмещалась у него с функцией управления.

⁶¹ Там же: 402.

Таким образом, в представлении Вебера, сила президента, обусловленная его народным избранием, требовалась для обеспечения как единства системы управления (поэтому он должен возглавлять данную систему), так и национального (государственного) единства (президент обязан оберегать государственный организм от внутренних потрясений).

Конституция 1919 г., казалось бы, сняла эту двойственность: непосредственное управление страной было возложено не на рейхспрезидента, а на правительство во главе с канцлером. Основными конституционными прерогативами президента, помимо права распускать Рейхстаг и инициировать референдум, стали чрезвычайные полномочия, рассчитанные на устранение угрожающих внутренней безопасности нарушений Конституции (ст. 48). Такая направленность и набор полномочий, на первый взгляд, представляли президента как *политически нейтральную фигуру*. Некоторые исследователи так и воспринимают веймарского президента — как эффективного и беспристрастного участника «правительственных и иных назначений»⁶² или независимого арбитра⁶³. Но это заблуждение — рейхспрезидент оставался частью системы управления и, следовательно, политически ангажированным. Даже если отвлечься от текста его присяги, нацеливавшей отнюдь не на охрану и защиту конституционного порядка⁶⁴, Конституция не выводила президента из сферы politics. Об этом свидетельствуют, в частности, его прерогативы в области заключения международных договоров (ст. 45), назначения и увольнения высших должностных лиц (ст. 46, 53). Впрочем, и те президентские полномочия, которыми он наделялся для обеспечения государственной стабильности, выхода из политических тупиков, вполне могли быть задействованы отнюдь не для этих целей. Помимо права распускать Рейхстаг, это уже упомянутые чрезвычайные полномочия, которые достаточно широко формулировались и к тому же «приобретали со временем расширенное толкование»⁶⁵. И этими полномочиями активно пользовались оба веймарских президента, причем Гинденбург «на этой основе издал за два года (1930—1932) не только... многочисленные чрезвычайные распоряжения в целях устранения экономических и финансовых проблем, но и принял меры по устранению самой конституции»⁶⁶.

⁶² Алебастрова 2023: 38.

⁶³ Там же; Сафолов 2022: 465.

⁶⁴ «Я клянусь посвятить свои силы благу германского народа, способствовать его пользе, оберегать его от ущерба, блюсти конституцию и законы империи, добросовестно исполнять мои обязанности и соблюдать справедливость по отношению ко всем» (ст. 42).

⁶⁵ См. Баев 2010: 274—275.

⁶⁶ Там же: 275.

Чем же опасно совмещение двух ролей? Как метко заметил английский политолог Джейкоб Мейер, оценивая веберовскую конструкцию: «волку доверили стеречь овец»⁶⁷. Однако это нуждается в пояснении.

⁶⁷ Цит. по: Миграян 1989: 152—153.

В вышедшей в 1990 г. статье Хуана Линца «Опасности президентализма» отмечалось, что «должность президента по своей природе двумерна и в определенном смысле неоднозначна, двусмысленна: с од-

ной стороны, президент является главой государства и представителем всей нации; с другой стороны, он отстаивает явно партийный политический выбор»⁶⁸. Линц имел в виду главным образом президентские республики, где статус главы государства побуждает президента позиционировать себя в качестве общенационального лидера (как это открыто делают многие американские президенты⁶⁹), хотя он возглавляет исполнительную власть. Такое положение создает у президента ощущение, что он «может быть единственным „избранным представителем всего народа“», при этом он «будет склонен отождествлять своих сторонников с „народом“ в целом»⁷⁰. Как следствие, «неизбежная оппозиция его политике покажется ему гораздо более раздражающей и деморализующей, чем премьер-министру (в парламентской системе — М.К.), который считает себя всего лишь представителем временной правящей коалиции, а не гласом нации или народным трибуном»⁷¹.

Статья эта писалась еще до распада советского блока и самого СССР, давшего толчок взрывному росту числа полупрезидентских республик в мире. Иначе Линц, наверное, сосредоточил бы свое внимание на смешанной модели. Ведь в ней гораздо сильнее, чем в президентской, проявляется феномен президента-миссионера, которому мешают те, кто не согласен с его политическими устремлениями. Причина в том, что к статусу главы государства здесь добавляется положение президента, не принадлежащего ни к одной из традиционных ветвей власти⁷² и потому как бы возвышающегося над ними в качестве патрона всего государственного организма⁷³.

Сама по себе идея политически нейтрального президента, чье предназначение — обеспечивать стабильность системы власти, совершенно правильна. Концепцию нейтральной власти выдвинул еще 200 лет назад Бенжамен Констан (применительно к конституционному монарху)⁷⁴. Но ни Констан, ни впоследствии Вебер и другие создатели Веймарской конституции, ни Шмитт как приверженец концепта «гарант конституции», ни генерал Шарль де Голль с его концептом «президент-арбитр» не увидели или не захотели увидеть опасность совмещения двух предназначений главы государства — правителя и хранителя.

Как уже говорилось, в смешанной модели президент отнюдь не дистанцирован от системы управления и имеет рычаги воздействия на исполнительную власть со всеми ее огромными финансовыми, административными и силовыми ресурсами (правда, в разных странах сила этих рычагов различна). Но при этом, позиционируясь в качестве хранителя стабильности, он прячет за этой ролью свое активное участие в politics (да и в policy тоже). В частности, как точно замечено в одном учебнике, «глава правительства, на которого возложено текущее управление, подчас выступает в роли „мальчика для битья“: если что не получается, то причина не в политическом курсе президента, а в плохом проведении этого курса правительством»⁷⁵.

Таким образом, политическая нейтральность, которую предполагает стабилизационная (охранительная) роль президента, представляет

⁶⁸ Linz 1990: 61.

⁶⁹ См. Wilson 1917: 69; Иванян (ред.) 2001: 42, 160, 176, 187, 244—245.

⁷⁰ Linz 1990: 61.

⁷¹ Ibid.: 56.

⁷² В конституциях некоторых полупрезидентских республик (в частности, Австрии) президент отнесен к исполнительной власти, но в реальности он ее не возглавляет.

⁷³ Ряд юристов-государствоведов пишет об этом как о вполне нормальном явлении (см., напр. Радченко 1995: 1—2; Окуньков 1996: 40; Зорькин и Лазарев (ред.) 2009: 121; Кутафин 2012: 6), что неудивительно, поскольку на это прямо указывают и многие конституции, и практика конституционных судов.

⁷⁴ См. Констан 2000.

⁷⁵ Страшун (ред.) 1999: 351.

собой ложную презумпцию. Между тем именно она определяет статус президента в смешанной модели, что создает благоприятные условия — психологические и институциональные — для его *авторитарного перерождения*⁷⁶.

⁷⁶ *Формат статьи не позволяет углубиться в рассмотрение этих условий.*

⁷⁷ *См., напр. Вебер 2003а: 229.*

⁷⁸ *Там же: 110.*

⁷⁹ *Цит. по: Масловский 2020: 110.*

⁸⁰ *Вебер 2016: 303.*

⁸¹ *Вебер 2003а: 230—231.*

Не то чтобы Вебер совсем не видел авторитарной угрозы, исходящей от плебисцитарного президента, или, тем более, благожелательно относился к авторитаризму. Видел⁷⁷ и относился отрицательно⁷⁸, но, по словам Вильгельма Моммзена, расценивал «как сравнительно незначительную опасность того, что демократическое правление „вождя“, получившего легитимность в результате плебисцита, может обернуться диктатурой»⁷⁹. Возможно, он несколько идеалистично полагал, что «авторитарный по своему исходному смыслу харизматический принцип легитимности может быть переосмыслен в антиавторитарном духе»⁸⁰, и вместе с тем рассчитывал, что «цезаристско-плебисцитарный момент» будет нейтрализован, прежде всего посредством парламентского контроля, обеспечивающего, среди прочего, и «мирную форму элиминации цезаристского диктатора, когда он утрачивает доверие масс»⁸¹.

Конечно, формирование режима личной власти не предрешено. Подобный поворот может сдерживаться более или менее сбалансированной конструкцией власти, традициями парламентаризма, развитой партийной системой, общественной привычкой к политической конкуренции, наконец, нежеланием самого президента превращаться в автократа (история знает примеры). А если таких препятствий нет?..

* * *

В конституционном нормотворчестве (и шире — в конституционном строительстве) часто забывают о важном методологическом принципе: необходимо учитывать фактор подверженности политиков соблазнам, искушениям. Иными словами, при оценке новой концептуальной схемы организации власти нужно в первую очередь обращать внимание не на то, какой эффект она даст, а на то, какой вред может причинить. Андраш Шайо и Рената Уитц формулируют этот принцип так: «Конституционализм как предприятие морально-этического толка — это замысел, диктуемый недоверием, но недоверием рациональным. Шотландский философ эпохи Просвещения Дэвид Юм (1711—1776) утверждал, что „...замышляя какую-либо систему управления государством, учреждая всяческие виды проверок и контроля исполнения конституции, мы исходим из того, что человек — подлец“»⁸². И в другом месте: «Говорить о самоограничении или об ограничивающей себя власти несколько некорректно»⁸³. Конечно, есть случаи реального самоограничения, когда некий конституционный актер в одностороннем порядке слагает с себя часть полномочий или же политическое сообщество в целом отказывается от некоторых практик, таких как рабство, пытки или смертная казнь. Однако в большинстве случаев ограничение власти

⁸² *Шайо и Уитц 2021: 43.*

⁸³ *Тем не менее сам Шайо в свое время издал книгу о самоограничении власти (см. Шайо 2001).*

⁸⁴ Шайо и Уитц
2021: 51.

проистекает из конституционного устройства институтов и правил, позволяющих конституционным акторам ограничивать друг друга»⁸⁴.

Библиография

Алебастрова И. (2023) «Представительное правление и плебисцитарная демократия: новая попытка гармонизации на постсоциалистическом пространстве» // *Сравнительное конституционное обозрение*, № 3 (154): 14—44.

Баев В.Г. (2010) *Германский конституционализм (конец XVIII — первая треть XX в.): Историко-правовое исследование*. М.: Юрлитинформ.

Варнавский А.Г. (2010) «Смешанная (полупрезидентская) форма государственного правления: причины и условия становления, факторы трансформации в современных условиях» // *Социально-экономические явления и процессы*, № 4: 102—106.

Вебер М. (1990) «Политика как призвание и профессия» // Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 644—706.

Вебер М. (2003а) «Парламент и правительство в новой Германии» // Вебер М. *Политические работы (1895—1919)*. М.: Праксис: 107—299.

Вебер М. (2003б) «Будущая государственная форма Германии» // Вебер М. *Политические работы (1895—1919)*. М.: Праксис: 343—393.

Вебер М. (2003с) «Рейхспрезидент» // Вебер М. *Политические работы (1895—1919)*. М.: Праксис: 399—403.

Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии*. Т. 1. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Вирт Н.Ф. (2023) «Германский протестантизм и религиозные аспекты Веймарской конституции 1919 года» // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, № 3: 59—65. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2023/03/2023-03-08.pdf> (проверено 27.02.2024).

Голосов Г.В. (2012) *Демократия в России: инструкция по сборке*. СПб.: БХВ-Петербург.

Драбкин Я.С. (1958) *Революция 1918—1919 гг. в Германии: Краткий очерк*. М.: Изд-во социально-экономической литературы.

Зазнаев О.И. (2007) «Парламентаризация полупрезидентской системы (на примере Финляндии)» // *Ученые записки Казанского государственного университета*, т. 149, кн. 3: 100—111. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_250524448/149_3_gum_7.pdf (проверено 27.02.2024).

Зорькин В.Д. и Л.В.Лазарев, ред. (2009) *Комментарий к Конституции Российской Федерации*. М.: ЭКСМО.

Иванян Э.А., ред. (2001) *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789—2001 гг.) с историческим комментарием*. М.: Стратегия.

Констан Б. (2000) «Принципы политики, пригодные для всякого правления» // *Французский классический либерализм: Сборник*. М.: РОССПЭН: 23—262.

«Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г.» // *100(0) ключевых документов по германской истории в 20 веке*. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation (проверено 26.03.2024).

Конституция Соединенных Штатов Америки. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (проверено 26.03.2024).

Кутафин О.Е. (2012) *Глава государства*. М.: Проспект.

Масловский М.В. (2020) «Веберовский анализ плебисцитарного господства и дискуссия о множественных модернах» // *Социология власти*, т. 32, № 4: 107—122.

Мейнваринг С. (2006) «Президентское правление, многопартийность и демократия: трудное сочетание» // Иноземцев В.Л. и Б.Г.Капустин, ред. *Теория и практика демократии: Избранные тексты*. М.: Ладомир: 223—227.

Мигранян А.М. (1989) «Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс» // *Вопросы философии*, № 6: 148—158.

Окуньков Л.А. (1996) *Президент Российской Федерации: Конституция и политическая практика*. М.: ИНФРА-М; Норма.

Радченко В.И. (1995) *Президент Российской Федерации в системе разделения властей*. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Саратов: Саратовская государственная академия права.

Сафоклов Г. (2022) «Стабилизирующий фактор или катализатор разбалансировки? К вопросу о внедрении института „нейтральной власти арбитра“ в конституционный строй правовых государств и в систему управления Православной Церкви» // Ермилов П.В. и М.В.Грацианский, ред. *Понятие первенства: Истоки и контексты*. М.: Изд-во ПСТГУ: 421—490.

Слеженков В.В. (2020) «Полупрезидентская (смешанная) республика: исторические корни и проблемные аспекты терминологии (опыт французской политико-правовой науки)» // *Advances in Law Studies*, т. 7, № 4: 16—20.

Страшун Б.А., ред. (1999) *Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4-х т.* Т. 1—2. М.: БЕК.

Тебаев Д.Б. (2023) *Конституционно-правовой статус высшего должностного лица Республики Казахстан*. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова.

Хаффнер С. (1983) *Революция в Германии 1918/19: Как это было в действительности*. М.: Прогресс.

Чиркин В.Е. (2010) *Глава государства: Сравнительно-правовое исследование*. М.: Норма; ИНФРА-М.

Шаблинский И.Г. (2020) «Формы правления в Финляндии: эволюция и исторический контекст» // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, № 5: 21—34.

Шайо А. (2001) *Самоограничение власти: Краткий курс конституционализма*. М.: Юрист.

Шайо А. и Уитц Р. (2021) *Конституция свободы: Введение в юридический конституционализм*. М.: Институт права и публичной политики*.

Шмитт К. (2010) «Учение о конституции (фрагмент)» // Шмитт К. *Государство и политическая форма*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики: 33—65.

Юдин Г.** (2021) «Россия как плебисцитарная демократия» // *Социологическое обозрение*, т. 20, № 2: 9—47. URL: <https://typeset.io/pdf/russia-as-a-plebiscitary-democracy-4j9omlu3dj.pdf> (проверено 27.02.2024).

Baehr P. (1989) «Weber and Weimar: The „Reich President“ Proposals» // *Politics*, vol. 9, no. 1: 20—25.

Linz J.J. (1990) «The Perils of Presidentialism» // *Journal of Democracy*, vol. 1, no. 1: 51—69.

Mommsen W.J. (2004) *Max Weber und die deutsche Politik, 1890—1920*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Wilson W. (1917) *Constitutional Government in United States*. New York: Columbia University Press.

* Решением Минюста РФ внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

** Решением Минюста РФ внесен в реестр иностранных агентов.

политика

M.A. Krasnov
MIXED MODEL:
MAX WEBER AND REALITY

Mihail A. Krasnov — Doctor of Law; Ordinary Professor at the HSE University. Email: mkrasnov@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the semi-presidential, or mixed, model (system) of power. This structure is of a particular interest, not least due to the fact that it creates favorable conditions for the authoritarian evolution. Of course, an authoritarian regime can form in both the presidential and parliamentary systems, but the semi-presidential model holds much greater potential for such a development of events. The main flaw of the semi-presidential system is that the president is normatively placed above all institutions of power, but at the same time retains prerogatives that do not allow him to remain politically impartial. This position of the president in the

system of power distorts his political self-identification. He begins to perceive himself as an analogue of an absolute monarch and monopolizes power via legal means.

One of the fathers of the mixed model was Max Weber, whose idea of a plebiscitary president marked the beginning of the formation of a new type of a republican form of government, first enshrined in the Constitution of (Weimar) Germany in 1919. This is why the author thoroughly examines Weber's concept, his role in the development of the Weimar Constitution, and compares his views with the normative model reflected in the Constitution. The article shows that although the Weimar Constitution did not adopt all of Weber's principles and moved much further away from the model of a presidential republic, the main Weberian ideas were included in the form of certain norms. The final part of the article presents a number of critical considerations about certain provisions of the Weberian concept and the Weimar model of power.

Keywords: mixed model, presidential republic, parliamentary system, Weimar Constitution, plebiscitary leader, authoritarianism, Max Weber

References

- Aleastrova I. (2023) "Predstavitel'noe pravlenie i plebistsitarnaja demokratija: novaja popytka garmonizatsii na postsotsialisticheskom prostranstve" [Representative Government and Plebiscitary Democracy: A New Attempt at Harmonization in the Post-Socialist Space] // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], no. 3: 14–44. (In Russ.)
- Baehr P. (1989) "Weber and Weimar: The „Reich President“ Proposals" // *Politics*, vol. 9, no. 1: 20–25.
- Baev V.G. (2010) *Germanskij konstitutsionalizm (konets 18 — pervaja tret' 20 v.): Istoriko-pravovoe issledovanie* [German Constitutionalism (The End of the 18th — the First Third of the 20th Century): Historical and Legal Research]. Moscow: Jurlitinform. (In Russ.)
- Chirkin V.E. (2010) *Glava gosudarstva: Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Head of State: Comparative Legal Research]. Moscow: Norma; INFRA-M. (In Russ.)
- Constant B. (2000) "Printsipy politiki, prigodnye dlja vsjakogo pravlenija" [Principes de politique applicables à tout les gouvernements] // *Frantsuzskij klassicheskij liberalizm: Sbornik* [French Classical Liberalism: A Collection]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Drabkin Ya.S. (1958) *Revoljutsija 1918—1919 gg. v Germanii: Kratkij ocherk* [The Revolution of 1918—1919 in Germany: A Brief Essay]. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury. (In Russ.)
- GolosoV G.V. (2012) *Demokratija v Rossii: instruksija po sborke* [Democracy in Russia: Assembly Instructions]. St Petersburg: BKhV-Peterburg. (In Russ.)
- Haffner S. (1983) *Revoljutsija v Germanii 1918/19: Kak eto bylo v dejstvitel'nosti* [Die deutsche Revolution, 1918/19]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Ivanyan E.A., ed. (2001) *Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789—2001 gg.) s istoricheskim kommentariem* [Inaugural Speeches of US Presidents from George Washington to George Bush (1789—2001) with a Historical Commentary]. Moscow: Strategija. (In Russ.)

“Konstitutsija Germanskogo rejkhha ot 11 avgusta 1919 g.” [Verfassung des Deutschen Reichs] // *100(0) kljuchevykh dokumentov po germanskoy istorii v 20 veke* [100(0) Key Documents on German History in the 20th Century]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&l=ru&object=translation (accessed on 26.03.2024). (In Russ.)

Konstitutsija Soedinennykh Shtatov Ameriki [Constitution of the United States]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/cnstUS.htm> (accessed on 26.03.2024). (In Russ.)

Kutafin O.E. (2012) *Glava gosudarstva* [The Head of State]. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Linz J.J. (1990) “The Perils of Presidentialism” // *Journal of Democracy*, vol. 1, no. 1: 51—69.

Mainwaring S. (2006) “Prezidentskoe pravlenie, mnogopartijnost’ i demokratija: trudnoe sochetanie” [Presidentialism, Multiparty Systems, and Democracy: the Difficult Equation] // Inozemtsev V.L. and B.G.Kapustin, eds. *Teorija i praktika demokratii: Izbrannye teksty* [Theory and Practice of Democracy: Selected Texts]. Moscow: Ladomir. (In Russ.)

Maslovskiy M.V. (2020) “Veberovskij analiz plebistsitarnogo gospodstva i diskussija o mnozhestvennykh modernakh” [Max Weber’s Analysis of Plebiscitary Leadership and the Debate on Multiple Modernities] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], vol. 32, no. 4: 107—122. (In Russ.)

Migranyan A.M. (1989) “Plebistsitarnaja teorija demokratii Maksa Vebera i sovremennyy politicheskij process” [Max Weber’s Plebiscitary Theory of Democracy and the Modern Political Process] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 6: 148—158. (In Russ.)

Mommsen W.J. (2004) *Max Weber und die deutsche Politik, 1890—1920*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Okun’kov L.A. (1996) *Prezident Rossijskoj Federatsii: Konstitutsija i politicheskaja praktika* [The President of the Russian Federation: The Constitution and Political Practice]. Moscow: INFRA-M; Norma. (In Russ.)

Radchenko V.I. (1995) *Prezident Rossijskoj Federatsii v sisteme razdelenija vlastej* [The President of the Russian Federation in the System of Separation of Powers]. Abstract of Ph.D. diss. Saratov: Saratov State Academy of Law. (In Russ.)

Safoklov G. (2022) “Stabilizirujushchij faktor ili katalizator razbalansirovki? K voprosu o vnedrenii instituta „nejtral’noj vlasti arbitra“ v konstitutsionnyj stroj pravovykh gosudarstv i v sistemu upravlenija Pravoslavnoj Tserkvi” [A Stabilizing Factor or a Catalyst for Imbalance? On the Issue of the Introduction of the Institution of “Neutral Arbiter Power” into the Constitutional System of Law-governed States and into the Management System of the Orthodox Church] // Ermilov P.V. and M.V.Gratsiansky, eds. *Ponjatie perven-*

stva: Istoki i konteksty [The Concept of Primacy: Origins and Contexts]. Moscow: Izd-vo PSTGU. (In Russ.)

Sajó A. (2001) *Samoogranichenie vlasti: Kratkij kurs konstitutsionalizma* [Limiting Government: An Introduction to Constitutionalism]. Moscow: Jurist. (In Russ.)

Sajó A. and R.Uitz. (2021) *Konstitutsija svobody: Vvedenie v juridicheskiy konstitutsionalizm* [The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism]. Moscow: Institut prava i publichnoj politiki. (In Russ.)

Schmitt C. (2010) “Uchenie o konstitutsii (fragment)” [Verfassungslehre (Fragment)] // Schmitt C. *Gosudarstvo i politicheskaja forma* [The State and the Political Form]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Shablinskij I.G. (2020) “Formy pravlenija v Finljandii: evoljutsija i istoricheskij kontekst” [Forms of Government in Finland: Evolution and Historical Context] // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], no. 5: 21—34. (In Russ.)

Slezhenkov V.V. (2020) “Poluprezidentskaja (smeshannaja) respublika: istoricheskie korni i problemnye aspekty terminologii (opyt frantsuzskoj politiko-pravovoj nauki)” [Semi-Presidential (Mixed) Republic: Historical Roots and Problematic Aspects of Terminology (Experience of French Politico-Legal Science)] // *Advances in Law Studies*, vol. 7, no. 4: 16—20. (In Russ.)

Strashun B.A., ed. (1999) *Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran: V 4-kh t.* [Constitutional (State) Law of Foreign Countries: In 4 vol.]. Vol. 1—2. Moscow: BEK. (In Russ.)

Tebaev D.B. (2023) *Konstitucionno-pravovoj status vysshego dolzhnostnogo litsa Respubliki Kazakhstan* [Constitutional and Legal Status of the Highest Official of the Republic of Kazakhstan]. Abstract of Ph.D. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Varnavskij A.G. (2010) “Smeshannaja (poluprezidentskaja) forma gosudarstvennogo pravlenija: prichiny i uslovija stanovlenija, faktory transformatsii v sovremennykh uslovijakh” [Mixed (Half-Presidential) Form of State Government: Establishment Purposes and Conditions, Factors of Transformation under Modern Conditions] // *Sotsial'no-ekonomicheskie javlenija i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], no. 4: 102—106. (In Russ.)

Virt N.F. (2023) “Germanskij protestantizm i religioznye aspekty Vejmarskoj konstitutsii 1919 goda” [German Protestantism and Religious Aspects of the 1919 Weimar Constitution] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sotsiologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], no. 3: 59—65. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/history/2023/03/2023-03-08.pdf> (accessed on 27.02.2024). (In Russ.)

Weber M. (1990) “Politika kak prizvanie i professija” [Politik als Beruf] // Weber M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow: Progress: 644—706. (In Russ.)

Weber M. (2016) *Khodzajstvo i obshchestvo: Ocherki ponimajushchej sotsiologii* [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Weber M. (2003a) “Parlament i pravitel'stvo v novoj Germanii” [Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland] // Weber M. *Politicheskie raboty (1895—1919)* [Political Works (1895—1919)]. Moscow: Praksis: 107—299. (In Russ.)

Weber M. (2003b) “Budushchaja gosudarstvennaja forma Germanii” [Deutschlands künftige Staatsform] // Weber M. *Politicheskie raboty (1895—1919)* [Political Works (1895—1919)]. Moscow: Praksis: 343—393. (In Russ.)

Weber M. (2003c) “Rejkhsprezident” [Der Reichspräsident] // Weber M. *Politicheskie raboty (1895—1919)* [Political Works (1895—1919)]. Moscow: Praksis: 399—403. (In Russ.)

Wilson W. (1917) *Constitutional Government in United States*. New York: Columbia University Press.

Yudin G. (2021) “Rossija kak plebistsitarnaja demokratija” [Russia as a Plebiscitary Democracy] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 20, no. 2: 9—47. URL: <https://typeset.io/pdf/russia-as-a-plebiscitary-democracy-4j9omlu3dj.pdf> (accessed on 27.02.2024). (In Russ.)

Zaznaev O.I. (2007) “Parlamentarizatsija poluprezidentskoj sistemy (na primere Finljandii) [The Parliamentarization of Semi-Presidential System (the Case of Finland)] // *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Kazan University], vol. 149, issue 3: 100—111. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_250524448/149_3_gum_7.pdf (accessed on 27.02.2024). (In Russ.)

Zorkin V.D. and L.V.Lazarev, eds. (2009) *Kommentarij k Konstitutsii Rossijskoj Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: EKSMO. (In Russ.)

политика

Н.С.Розов

КРИЗИСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ 1990-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ РОССИИ

Николай Сергеевич Розов — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН; профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Для связи с автором: prozov@gmail.com.

Аннотация. Бурная социально-политическая динамика в России 1990-х годов, представленная через череду кризисов и поворотных событий, соотнесена в статье с концепцией механизмов российских исторических циклов. Перечислены основные этапы динамики — комплексы взаимосвязанных событий, меняющих расстановку сил, структурные условия и направленность последующих процессов. Приведен перечень главных акторов и социальных групп, участвовавших в политической динамике того периода: верховная власть, реформаторы, инсайдеры, олигархи, ставленники спецслужб, «просоветская» и демократическая оппозиция, регионалы, городской образованный класс, рабочие и шахтерские движения, «простой народ».

По заключению автора, быстрые масштабные изменения в политике 1990-х годов, как и прежде, происходили в параметрическом пространстве с осями «государственный успех» и «свобода». Переходы осуществлялись между фазами, характерными для гораздо более продолжительных циклов исторического прошлого России, — «кризис», «либерализация», «авторитарный откат», «распад государства», «военно-политический триумф». Вместе с тем механизм общей смены демократического тренда и нарастания авторитарных тенденций нуждается в уточнении. Предложена фазовая модель, объясняющая эту смену через закономерности стратегий, используемых верховной властью в ответ на вызовы-угрозы при разных условиях. Слабость и провалы государственной политики при дефиците ресурсов вели к массовому разочарованию, делегитимации верховной власти и политики реформ, что проявлялось на выборах, вдохновляло приверженцев реставрации. Рост соответствующих угроз приводил к ставке на административные и силовые меры. При накоплении достаточных ресурсов эти меры становились успешными, получали положительное подкрепление. При каждом кризисе верховная власть одерживала победу, при этом снижалась коллегиальная разделенность власти, а реформы теряли изначальную направленность на экономи-

ческую свободу, подъем малого и среднего бизнеса, рост демократии. Как следствие, возможности политической модернизации не были реализованы, уступив место авторитарным трендам.

Ключевые слова: социально-политическая динамика, исторические циклы, авторитарный откат, либерализация, коллегиальное разделение власти, легитимность, 1990-е годы

**Структура
политической
динамики 1990-х
годов**

Перестройка, падение коммунистического режима, распад СССР, переход к рыночной экономике и всенародным выборам — все эти процессы осуществлялись через острые кризисы и крутые повороты. Они происходили на многих уровнях и через несколько контуров — причинных цепочек событий и действий. Как и в других случаях, наиболее значимыми здесь выступали два контура — большой и малый.

В большом — социально-политическом — контуре поворотные события воздействуют на масштабные политико-экономические структуры, уровни безопасности, благосостояние, настроения и поведенческие установки широких социальных групп, на изменение хода множества процессов по всей стране.

В малом — конфликтном, элитарном — контуре те же поворотные события меняют расстановку сил главных акторов национального политикума, что выражается прежде всего во взлетах и падениях легитимности акторов, в их назначениях и отставках, электоральных выигрышах и проигрышах, изменениях в отношениях, полномочиях, доступе к ресурсам, возможностях, ограничениях действий и т.п.

Поворотные события являются интегральными следствиями действий и стратегий разных *акторов*, отвечающих на свои *вызовы*. Каждый актер предстает в двух ипостасях:

- а) как *позиция* (формальная должность, пост в государственных структурах, формальное и/или неформальное лидерство в политических партиях и движениях);
- б) как *человек* (конкретный индивид, личность), занимающий эту позицию, имеющий определенные установки (интересы, цели, внутренние принципы, ограничения) и опирающийся на личные ресурсы (таланты, внешность, риторические способности, партнерские связи, деньги и пр.), которые не обязательно связаны с актуально занимаемой позицией.

¹ См., напр. Хасбулатов 1994; Ельцин 1994; Рогов* (ред.) 2021.

**Кризисы и
поворотные
события 1990-х
годов**

Описания событий и процессов 1990-х годов весьма обильны, причем с разных сторон и в разных жанрах¹. Далее приведен перечень поворотных событий — относительно быстрых структурных изменений, связанных между собой, близких по времени и типу явлений, которые приводили к соответствующим этапам политической динамики — сменам расстановки политических сил, характера противостоя-

ний, логики взаимодействий и направления социально-политических процессов на разных уровнях.

1. *Провал путча* (август 1991 г.). Попытка переворота и поражение ГКЧП с арестом его лидеров и подчинением силовых органов Борису Ельцину, последующей растерянностью и бездействием союзных властных структур.
2. *Распад СССР* (осень-зима 1991 г.). Референдумы, политические выступления за отделение от России в других союзных республиках. Беловежские соглашения (декабрь 1991 г.).
3. *Испытание реформами* (январь 1992 — декабрь 1993 г.). «Шоковая терапия» Егора Гайдара, отпуск цен, инфляция, уличные протесты и акции. Обострение конфликта между президентом и Съездом народных депутатов. Политический кризис (сентябрь 1993 г.) и вооруженный мятеж в Москве, расстрел здания Верховного совета, победа Ельцина, роспуск Съезда и Верховного совета РСФСР (октябрь 1993 г.). Принятие Конституции РФ и успех ЛДПР на выборах в Госдуму (декабрь 1993 г.).
4. *Военный и политический провал* (1994—1995 гг.). Первая чеченская война с унижительным поражением, неприятие войны в обществе. Рост массового недовольства политикой президента и правительства, стачки и забастовки, нередко при поддержке региональных руководителей. Победа КПРФ на выборах в Госдуму (декабрь 1995 г.).
5. *Победа, усилившая конфликт* (лето 1996 — лето 1999 г.). Успешное проведение кампании «Не дай Бог!» и победа Ельцина во втором туре президентских выборов (июль 1996 г.). Образование широкой антиельцинской коалиции в Думе при участии региональных лидеров во главе с Юрием Лужковым и Евгением Примаковым. Болезнь Ельцина и его отказ баллотироваться на следующий срок (сентябрь 1997 г.). Обострение борьбы за будущее президентство. Дефолт (август 1998 г.). Усиление социально-экономического кризиса и общего политического напряжения. Попытка импичмента Ельцина (май 1999 г.).
6. *Операция «преемник»* (май 1999 — март 2000 г.). Освобождение Примакова от должности председателя правительства. Столкновения на границе Чечни и Дагестана. Стягивание российских войск к границам Чечни. Назначение Владимира Путина главой правительства (август 1999 г.). Взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске. Начало Второй чеченской войны (сентябрь 1999 г.). Успех «Единства» на выборах в Думу. Прощальная речь и уход Ельцина с досрочной передачей полномочий (декабрь 1999 г.). Победа Путина над Геннадием Зюгановым на президентских выборах (март 2000 г.).

**Пять аспектов
поворотных
событий**

Поворотные события всегда многоаспектны. В данной модели учитываются пять аспектов — институциональный, кадровый, медийный, силовой и ресурсный, — которые во многом определяют остальные (ментальные, дискурсивные, языковые и пр.).

Институциональный аспект поворотного события означает существенную трансформацию структуры властных позиций, правил взаимодействия между занимающими эти позиции, их формальных полномочий и доступа к ресурсам, преобразование политически значимых организаций.

Так, поворотными в институциональном плане являются такие события, как появление/ликвидация президентской должности, учреждение и роспуск парламента, выборы общенационального уровня, кардинально меняющие расстановку сил, серьезное изменение правил формирования правительства и т.п. Создание, слияние, разделение, ликвидация министерств, ведомств и прочих учреждений, изменение электоральных правил, а также сами выборы считаются поворотными событиями лишь тогда, когда влекут за собой крупные структурные изменения, меняют направление и ход процессов в основных сферах общественной жизни.

Кадровый аспект поворотного события состоит в таком замещении (или серии замещений) властных позиций, когда вновь назначенный или избранный человек существенно отличается от предшественника по своим интересам, целям, принципам, арсеналам методов и, соответственно, политическому поведению. Тем самым на той же структурной позиции (ключевой во власти и администрации) фактически появляется новый актер, который в общем случае иначе воспринимает вызовы и иначе на них реагирует.

Чем выше властная позиция (пост, должность) и шире сопутствующие ей формальные полномочия, тем больше обычно бывает кадровых изменений на нижележащих уровнях, поскольку политики и чиновники склонны приводить за собой или собирать под себя команду подчиненных (как минимум ближайших).

Медийный аспект поворотного события сопряжен с относительно быстрыми изменениями в информировании публики и интерпретации политически значимых явлений, что трансформирует представления и настроения социальных групп в *большом контуре* и опосредованно воздействует на поведение акторов в *малом*.

Силовой аспект поворотного события включает организованные вооруженные действия (применение силовых ресурсов) со стороны акторов, коалиций, партий, движений, направленные на подавление политических противников и/или создание желаемого эмоционального настроения (тревожности, страха, гнева, удовлетворения от отмщения, гордости за проявленную мощь и т.д.) в элитах и среди широких групп населения. Сюда относятся как государственные, так и протестные акции: задержания и аресты, разгоны демонстраций, политические покушения и убийства, расстрелы, захваты административных зданий, взятие за-

ложников, военные действия внутри государственных границ (против сепаратистов, против центральных властей) и на внешней арене.

Наконец, *ресурсный аспект* поворотного события заключается в существенных сдвигах в доступных акторам электоральных, финансовых, кадровых, силовых, информационных и прочих ресурсах. Внешними причинами таких сдвигов могут быть повышения/падения экспортных цен, миграционные процессы. Также значительным образом могут меняться поддержка со стороны избирателей, собираемость налогов, лояльность и эффективность силовых и бюрократических структур, количество и качество информации, необходимой для принятия решений.

Политический конфликт в данной модели понимается как особая серия взаимодействий в *малом контуре*, при которых ответы одних акторов воспринимаются как прямой ущерб или вызовы-угрозы для других. Используя доступные им ресурсы, противники предпринимают враждебные действия в институциональной, кадровой, медийной и силовой сферах (полях борьбы), что при определенных условиях ведет к политическому кризису.

Политический кризис — это следствие эскалации взаимных враждебных действий основных акторов в *малом контуре*, которая уже не преодолевается стандартными мерами. Поскольку противостоящие акторы вынуждены искать союзников, такая эскалация обычно приводит к формированию коалиций, их поляризации и радикализации, переходу взаимодействий на новые поля борьбы вплоть до вооруженного насилия.

Социально-политический кризис — фаза расширения политического кризиса на *большой контур* (соответственно, на значительную часть общества), когда некоторые из враждующих между собой акторов привлекают на свою сторону крупные социальные группы, целые слои населения или региональные элиты, местные лоялистские или протестные движения. Кризис этого типа тоже не может быть преодолен обычными средствами, так как враждующие акторы и коалиции элит не способны к последовательной солидарной политике. Если острота подобного кризиса приводит к реальной опасности свержения власти, смены режима, следует говорить о социальной революции.

Завершение кризиса происходит через победу одной из сторон или новое равновесие, как правило, со сменой состава акторов, их позиций, предметов внимания, структур и ресурсов, отношений и расстановки сил, с новыми вызовами-угрозами и вызовами-возможностями.

**Источники
и факторы
поворотных
событий в обоих
контурах**

В общем случае поворотные события порождаются сочетанием «естественных» процессов, которые, «назревая», подготавливают их, а также взаимодействием акторов:

- а) изменения в конъюнктуре экспортных цен, собираемости налогов и пошлин, ведущие к существенному повышению или снижению

доступных финансовых средств (бюджета для правительства, его долей для ведомств, в том числе силовых), серии провалов, свидетельствующие о снижении качества и объема имеющихся административных, информационных, технологических, силовых ресурсов, другие значимые ресурсные изменения, становятся вызовами-угрозами и вызовами-возможностями для акторов *малого контура*;

- б) следствия прошлых поворотных событий, включая стратегии акторов, влияют на процессы на низовом уровне в *большом контуре*; меняются уровни благосостояния, безопасности, характер настроений, ожиданий, политических предпочтений, мобилизованности разных социальных групп, в том числе чиновничества, силовых структур, региональных элит и групп избирателей;
- в) в результате процессов (а) и (б) в *большом контуре* возрастает электоральная, финансовая, низовая административная, силовая поддержка одних акторов и снижается поддержка других, что, как правило, приводит к сдвигам в их положении, легитимности в *малом контуре*;
- г) отвечая на поступающие вызовы, акторы с административными полномочиями, а также обладающие субъектностью и полномочиями коллегиальные органы в *малом контуре*, в той или иной мере подчиняясь правилам и ограничениям для своих позиций, осуществляют институциональные изменения (обновление организаций, правил, целей и порядка деятельности) и кадровые замены; эти действия вместе с ответами на вызовы (а) и продолжающимися стратегиями других акторов производят новое поворотное событие, ведущее к структурным трансформациям, смене характера течения процессов в обоих контурах (а-в).

Основные акторы, их интересы и предрасположенности в 1990-х годах

Акторов, действовавших в 1990-е годы, можно условно подразделить на две группы — власть и оппозицию, — в рамках которых в свою очередь выделяются особые подгруппы со своими интересами и предрасположенностями.

1. Власть:

- а) *верховная власть* (Михаил Горбачев, затем Ельцин с меняющимися сподвижниками) — удержание власти, рыночная и отчасти демократическая трансформация;
- б) *реформаторы* (Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин, Виктор Черномырдин) — рыночные реформы в расчете на создание среднего класса, что должно было обеспечить политическую модернизацию;
- в) *инсайдеры* — бюрократы и «фавориты» (Геннадий Бурбулис, Сергей Ястржембский, Александр Волошин, Александр Коржаков, Валентин Юмашев, Татьяна Дьяченко) — укрепление власти Ельцина через административные ресурсы;

г) *олигархи* (Борис Березовский, Владимир Гусинский, Михаил Фридман, Владимир Потанин, Роман Абрамович, тогдашний Михаил Ходорковский и др.) — захват собственности, влияние на власть, а также на медиа и выборы;

д) *ставленники спецслужб* (Евгений Примаков, Сергей Степашин, Николай Бордюжа, Владимир Путин, вероятно, Владимир Жириновский, Валентин Юмашев и др.) — влияние на власть, использование выборов, но чаще административных и силовых ресурсов.

2. Оппозиция:

а) *«просоветская» оппозиция* (КПРФ, Геннадий Зюганов, Аман Тулеев и др.) — борьба за власть через реставрационную пропаганду с использованием свободы прессы, провоцирование протестов и выборы²;

б) *регионалы* (Юрий Лужков, Минтимер Шаймиев, Эдуард Россель, «Сибирское соглашение» и др.) — борьба за самостоятельность и долю ресурсов через самоорганизацию и демонстрацию массовой поддержки;

в) *демократические лидеры и движения* (Виктор Шейнис, Галина Старовойтова, Григорий Явлинский, Борис Немцов, столичные и региональные группы) — демократическая трансформация, поддержка Ельцина, вначале сильная, потом слабая.

Не являлись отдельными акторами, но существенно влияли на политические процессы:

а) *образованный городской класс* — вначале поддержка демократов и Ельцина, затем политическая пассивность;

б) *рабочие и шахтерские движения* — готовность к протестным акциям, нередко при поддержке региональных властей в контексте их политического торга с центром;

в) *«простой народ»* — электоральная поддержка вначале Ельцина, потом альтернативных лидеров и партий (ЛДПР и КПРФ), а также Александра Лебеда, Примакова, Лужкова, Путина.

**Фазы циклов в
параметрическом
пространстве
«государственный успех /
свобода»**

Для осмысления бурных событий 1990-х годов следует поместить их в охватывающий контекст. Вполне адекватным здесь видится контекст российских циклов, которые выделяются многими авторами, хотя представляются и интерпретируются по-разному³. При этом удобно использовать не один параметр изменения (реформы/контрреформы, милитаризация/демилитаризация), а две шкалы — свобода/несвобода и государственный успех/провал, — расположив соответствующие оси ортогонально (см. рис. 1).

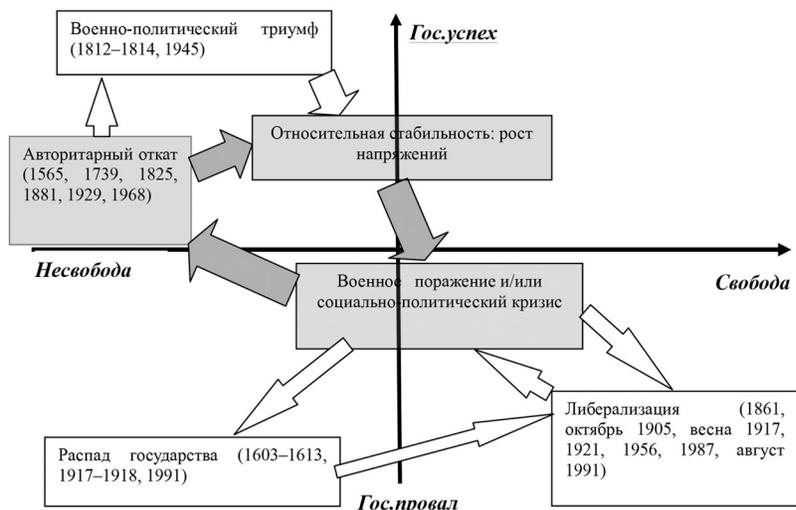
³ См., напр. Янов 1997; Hellie 2005; Розов 2011.

Шкала *государственный успех/провал* агрегирует уровни:

- геополитического могущества, престижа;
- военных побед/поражений и территориальных приобретений/потерь;

Рисунок 1 Основные фазы российских циклов и переходы между ними⁴

⁴ *Затемненные блоки и стрелки — самая типичная кольцевая динамика; белые — более редкая маятниковая динамика. В скобках указаны годы наиболее ярких манифестаций отдельных фаз.*

- легитимности власти и политического режима;
- социально-политической стабильности/напряженности;
- экономического и эмоционального комфорта (удовлетворения материальных и социальных потребностей) влиятельных групп.

Шкала *свобода/несвобода* в свою очередь агрегирует уровни:

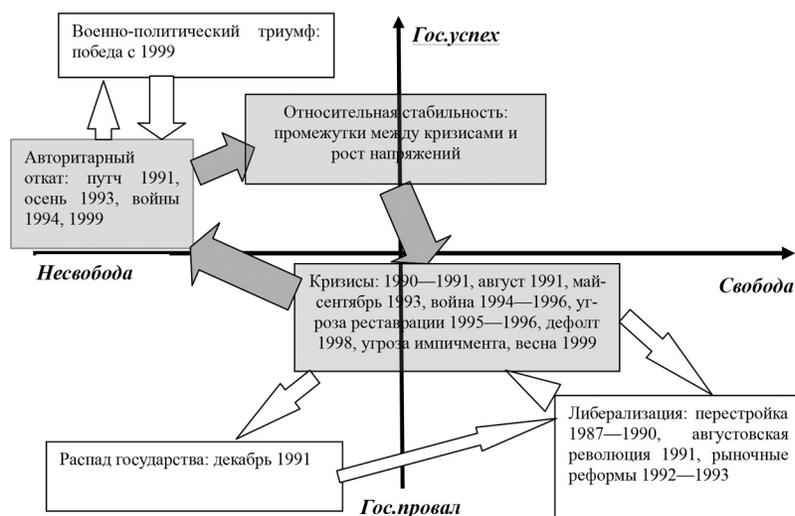
- фактической независимости индивидов (подданных, граждан), их защищенности от прямого принуждения и насилия;
- защиты личных, гражданских и политических свобод, прав человека;
- защиты собственности, свободы предпринимательства;
- партиципаторности — участия населения в управлении обществом, ответственности политиков и чиновников перед его избранными представителями;
- конституционализма, верховенства права — подчиненности исполнительной власти законам.

Пусть с оговорками, политические события 1990-х раскладываются по тем же фазам исторических циклов (см. *рис. 2*).

Можно сколь угодно аргументированно критиковать или защищать отнесение конкретных событий к той или иной фазе. Но вряд ли можно оспаривать следующие общие тезисы:

- а) колебания происходили по обеим указанным осям;
- б) скорость процессов и размах колебаний были чрезвычайно велики.

Рисунок 2 Основные политические события 1990-х годов, соответствующие типовым фазам российских циклов

Подтвердились сквозные паттерны российских циклов:

- а) краткость, неустойчивость либерализаций, которые происходят только в результате кризиса при низком государственном успехе;
- б) выйти из кризиса удастся только через авторитарный откат;
- в) квадрант сочетания высокого государственного успеха и высокого уровня свободы остается пустым.

Применительно к прежним эпохам растущие напряжения, кризисы власти получили объяснение через понятие ресурсного баланса и его нарушения:

- а) вследствие внешних и/или внутренних причин у государства возникает дефицит ресурсов (казны, бюджета, рекрутов), что обуславливает его неспособность содержать силовые структуры, обеспечивающие внутренний порядок, удерживать провинции, эффективно собирать налоги, выполнять обязательства;
- б) государство и элиты восполняют дефицит ресурсов за счет основной части населения (через принудительный труд, инфляцию, дополнительные налоги), тем самым провоцируя социальное напряжение, рост протестных настроений и пр.;
- в) растут численность и аппетиты элит, которые в борьбе между собой привлекают на свою сторону широкие социальные слои, что ведет к социально-политическому кризису;
- г) в условиях дискредитации авторитарных режима и власти происходят попытки либерализации.

При минимальных поправках черты этих процессов просматриваются также во времена перестройки и 1990-е годы. Тем более важно, как объяснялись провалы либерализаций в историческом прошлом.

**Почему
либеральные
ответы не ведут
к успеху?**

Обобщение условий свертывания либеральных реформ (1805—1811, 1874—1881, 1906—1911, 1927—1929, 1968—1971 гг.) дало следующие результаты.

На момент начала либеральных реформ целостность и упорядоченность функционирования российского общества (территориальное управление, регулирование ресурсных потоков, налогообложение, система повинностей и обязанностей подданных/граждан, формирование мировоззрения) держались на принуждении, которое прямо осуществлялось либо поддерживалось государством.

Поскольку каждая либерализация ослабляла отношения принуждения, нарушались прежние режимы функционирования общества, возрастали неравенство, недовольство ущемленных слоев населения, что вело к дискредитации либеральных реформ.

При ослаблении отношений принуждения возникали мятежи и сепаратистские выступления на окраинах (кавказские войны, польские восстания первой половины XIX в., действия басмачей в Средней Азии в 1920—1930-х годах, Венгерское восстание 1956 г., «Пражская весна» 1968 г.; в том же ряду «бархатные революции» в Центральной Европе, столкновения в Тбилиси, Баку, Вильнюсе в конце 1980-х годов, сепаратистские движения в СССР, а затем в России в начале 1990-х годов). Падение геополитического престижа тоже дискредитировало либеральные преобразования.

Государство всегда само проводило реформы, политики и чиновники не считали нужным вести диалог с обществом и идти на какие-либо уступки, видя в последних демонстрацию слабости власти. Либеральные реформы порождали у общества (особенно у образованных слоев) большие надежды, которые, как правило, не оправдывались, что обостряло конфликт (декабристы, народники и народовольцы, диссиденты, демократическая и патриотическая оппозиция).

Несколько раз во внутреннюю политику вмешивалась война. Каждая победа (над Наполеоном в 1812—1814 гг., над Турцией в 1877—1878 гг., типологически сюда же относится силовое подавление «Пражской весны» 1968 г.) оборачивалась свертыванием либеральных реформ. Военный и геополитический успех в России прочно ассоциируется с оправданностью авторитарного государства и мобилизационно-го режима.

Наряду со структурными и ресурсными факторами следует принимать во внимание и менталитет — политическую культуру правителей, элит и больших групп населения. Здесь маятниковое движение происходит между эмансипацией элит и захваченных ими масс от правил как инструментов принуждения «сверху», что ведет к кризисам и либера-

лизациям, и восстановлением таких правил вкупе с соответствующей «вертикалью власти». Хронический дефицит правил, ограничивающих само государство, дисциплинирующих правителей, властные, силовые и экономические элиты, может объясняться множеством причин, но первая из них чрезвычайно проста: в российском менталитете мысль о необходимости подобных правил практически отсутствует.

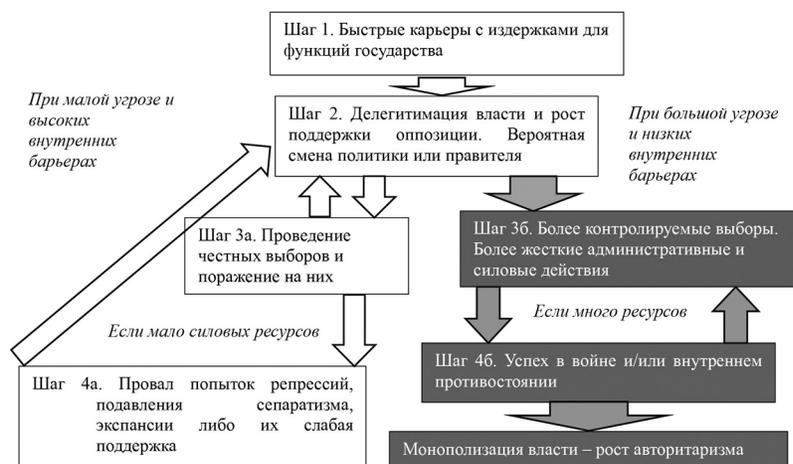
В 1990-е годы принятие Конституции 1993 г., введившей — по американскому и французскому образцам — определенные правила, взаимно ограничивающие высшие власти, обусловило конкурентную политическую борьбу, а также отдельные случаи уступок и компромиссов между президентом и Думой. Однако главная энергия была направлена на выигрыш в «игре в царя горы» с перспективой изменения правил под себя, когда победа будет достигнута.

Механизм смены политических решений и трендов при росте вызовов-угроз для верховной власти

Как видим, концептуальные средства объяснения российских циклов вполне релевантны и для объяснения политической динамики бурных 1990-х годов.

В уточнении нуждается сам механизм смены благих (причем вполне искренних) стремлений к установлению открытого, свободного, демократического общества на противоположные тренды. Здесь недостаточно указания на постоянно действующие принципы и сквозные паттерны. Рассмотрим модель динамической взаимосвязи между меняющимися структурными условиями и политическими решениями/действиями (см. рис. 3).

Рисунок 3 Модель, объясняющая становление нового авторитаризма при конфликтной динамике после обрушения прежнего

Шаг 1. После падения прежнего авторитарного режима при ослабших административных и правовых ограничениях чиновники, политики, а также связанные с ними представители бизнеса и финансовой сферы, стремясь сохранить или повысить собственные позиции, наращивают свои административные и материальные ресурсы.

Шаг 2. Последствиями таких действий становятся несправедливое распределение, невыполнение государством своих обязательств и функций поддержания правопорядка, что снижает легитимность верховной власти и порождает вызовы-угрозы для правителя. Растет легитимность его соперников, оппозиции, других ветвей власти.

Шаг 3а. Для ответа на эти вызовы правитель, пришедший к власти на волне возмущения авторитаризмом, следуя внутренним моральным и внешним правовым ограничениям, пытается укрепить свои позиции в электоральном поле посредством честной борьбы по правилам (демократические парламентские выборы), но терпит поражение ввиду снижения легитимности как его самого, так и поддерживающих его партий. Происходит возвращение к шагу 2, но с ростом угроз и повышением вероятности перехода к шагу 3б.

Шаг 4а. В надежде восстановить свою легитимность правитель обращается к внутренним репрессиям, а также к военным действиям, направленным на подавление сепаратизма или присоединение новых территорий. При недостатке ресурсов и решимости добиться военного успеха и/или подавить соперников и оппозицию в других ветвях власти не удастся, что еще больше снижает легитимность правителя. Происходит возвращение к шагу 2.

Повторение цикла $2 \rightarrow 3а \rightarrow 4а \rightarrow 2$ ведет к радикальной смене политики или правителя, причем, чтобы избежать прежних провалов, реализуются противоположные, более жесткие стратегии (контур $3б \rightarrow 4б \rightarrow 3б$).

Шаг 3б. Столкнувшись с сильной угрозой полной утраты власти, правитель склонен нарушать оставшиеся внутренние барьеры. Он накапливает силовые и административные ресурсы, проявляет решительность в подавлении политических соперников, сепаратизма, а также во внешней экспансии, оправдывая это необходимостью укрепления державы и рассчитывая на повышение престижа и посмертную славу.

Шаг 4б. При наличии достаточных ресурсов и решимости массированное применение насилия позволяет выиграть войну и/или подавить соперников. При этом легитимность правителя растет. В дальнейшем в критических ситуациях он будет ориентироваться на принуждение, что означает возвращение к шагу 3б.

При закономерном переходе от контура $2 \rightarrow 3а \rightarrow 4а \rightarrow 2$ к контуру $2 \rightarrow 3б \rightarrow 4б \rightarrow 3б$ происходит снижение коллегиальной разделенности власти (паттерн «воронки»), а соответственно, ее монополизация и рост авторитаризма.

Сопоставление модели с поворотными событиями 1990-х годов

Шаг 1. Экономоцентризм Гайдара и других «младореформаторов» при проведении реформ обуславливался надеждами на автоматическое создание среднего класса благодаря рынку. Ставка была сделана не на малый и средний, а на крупный бизнес. Приближенные к власти представители бизнеса (*олигархи*) были нацелены на быстрое обогащение через раздел захваченных ресурсов («залоговые аукционы» и т.п.).

Отметим скандальные дисфункции в базовых сферах государства (обеспечение правопорядка и монополии на насилие, сбор налогов, выплата зарплат бюджетникам и пенсий). Они были вызваны не столько «трудностями перехода», сколько смещением интересов чиновничества (*инсайдеров*) в сторону включения в патрональные сети, кланы и клиентелы, манящие высокими доходами разной степени нечестности⁵.

Шаг 2. С 1993 г. Ельцин в основном проигрывал в медийном поле, а поддерживавшие его партии, связанные с *реформаторами*, не достигали ожидаемого успеха на думских выборах (декабрь 1993, 1995 и 1999 гг.).

Шаг 3а. С весны 1995 г. Ельцин неуклонно терял легитимность, сталкивался с серьезнейшими вызовами-угрозами для своей власти и политики, но каждый раз, привлекая помощников с разными ресурсами (*инсайдеров, ставленников спецслужб*), жертвуя различными «фигурами» и «принципами», справлялся с ситуацией. Изначальная вера в демократию с проведением относительно честных и открытых выборов сочеталась с иллюзиями относительно массовой поддержки демократического пути «*простым народом*». Сходные паттерны наблюдались при сменах режимов в Египте, Ираке, Афганистане в 2010-е годы.

Шаг 4а. Непопулярность Первой чеченской войны, особенно среди *городского образованного класса*, тем более с учетом сопутствующих ей унижительных поражений, усиливала делегитимацию *верховой власти* в полном соответствии с принципом Макса Вебера⁶. Общественные настроения сдвигались против Ельцина и *реформаторов* в лице Гайдара и Чубайса.

Шаг 3б. В условиях вышедшего на поверхность в 1992—1993 гг. антагонизма высших органов власти провал нормальной, мирной государственной политики еще сильнее укрепил традиционное российское неприятие «двоевластия» как ведущего к чему-то дурному и опасному, повысил стремление к монополизации власти в одних руках.

Октябрьские события 1993 г. имели долговременный эффект с точки зрения ментальности и политической культуры общества. Электоральные провалы партий Гайдара и Черномырдина в 1993 и 1995 гг. точнее всего передает метафора «обожглись демократией». Уже в 1996 г. команда Ельцина стала делать ставку на административный ресурс.

Весной 1999 г. вновь назрела угроза импичмента Ельцина с перспективой передачи президентского поста Примакову, который к тому же набрал значительную популярность своим знаменитым разворотом над Атлантикой. После отставки Примакова (май 1999 г.) в ближнем круге Ельцина, судя по всему, шла напряженная работа по подготовке «преемника».

⁵ Heilman 1998; Hale 2015; Rogov* (ред.) 2021: 69.

⁶ Вебер 2017: 281—283.

Шаг 46. В августе 1991 г. лидеры ГКЧП ввели танки в Москву и планировали силовой захват приверженцев Ельцина.

⁷ Ельцин 1994:
329—333;
Хасбулатов 1994.

С начала сентября 1993 г. Ельцин, заранее заручившийся поддержкой милиции и военных⁷, вплотную готовил роспуск Съезда и Верховного совета, где стала доминировать «просоветская» оппозиция. После известного Указа 1400 началась эскалация силовых действий, разрешившаяся танковыми залпами по зданию Верховного совета. Победа была закреплена в Конституции (декабрь 1993 г.), поставившей президента над ветвями власти.

В 1998 г. наметился новый вызов-угроза в виде движения генерала Льва Рохлина. По многим свидетельствам, готовился антипрезидентский мятеж с расчетом на поддержку со стороны «просоветской» оппозиции, возмущенных граждан и военных частей. Если убийство Рохлина (согласно официальной версии, совершенное его женой) действительно было спланированным и связанным с готовившимся мятежом, оно означало преодоление весьма значимого в политике морально-го барьера.

Параллельно начали раскручиваться обвинения в коррупции против «Семьи» и олигархов. Ответом на этот вызов-угрозу стала дискредитация и последующая отставка генпрокурора Юрия Скуратова.

В августе 1999 г. начались столкновения на границе Чечни и Дагестана. В сентябре последовали взрывы в Буйнакске, Москве и Волгодонске, начало Второй чеченской войны, уже получившей массовую поддержку со стороны почти всех акторов и групп.

Заключение

В целом реальная демократическая политика 1990-х годов с непредсказуемыми выборами привела не к коллегиальному разделению власти как основы классической демократии-полиархии⁸, а к тренду на угасание последней.

⁸ Коллинз 2015:
201—211.

Среди элит и населения политическая борьба этого периода ассоциировалась с неспособностью государства обеспечивать порядок и безопасность и массовым обнищанием. Сами правящие элиты и реформаторы неоднократно переживали фрустрацию, не получая ожидаемой электоральной поддержки.

Таким образом, достижения конца 1980-х — 1990-х годов в виде свободы слова и печати, открытой конкурентной политики, парламентаризма, паритетности центров силы получили не положительное, а отрицательное подкрепление, причем для всех сторон. Возможности политической модернизации не были реализованы и последовательно (а в тех условиях и вполне закономерно) сменились авторитарными трендами.

Библиография

- Вебер М. (2017) *Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
Ельцин Б.Н. (1994) *Записки президента*. М.: Огонек.

Коллинз Р. (2015) *Макроистория: Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС.

Рогов К.Ю.*, ред. (2021) *Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя*. М.: Новое литературное обозрение.

Розов Н.С. (2011) *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.

Снеговая М.** (2023) «Смена режима в России? Демократический транзит, которого не было» // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры: Русское издание*, № 1—2: 119—135.

Хасбулатов Р.И. (1994) *Великая российская трагедия*. М.: Симс.

Янов А.Л. (1997) *Тень Грозного царя: Загадки русской истории*. М.: КРУК.

Hale Н.Е. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regime Change Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Heilman J. (1998) «Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions» // *World Politics*, vol. 20, 2: 203—234.

Hellie R. (2005) «Structure of Russian Imperial History» // *History and Theory*, vol. 44, no. 4: 88—112.

* Решением Минюста РФ внесен в реестр иностранных агентов.

** Решением Минюста РФ внесена в реестр иностранных агентов.

N.S. Rozov
**CRISES OF MODERNIZATION
IN THE 1990S IN THE CONTEXT
OF HISTORICAL CYCLES
IN RUSSIA**

Nikolai S. Rozov — Doctor of Philosophy; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. Email: nrozov@gmail.com.

Abstract. The article compares the reckless socio-political dynamics in Russia in the 1990s, manifested in a series of crises and turning events, with the concept of mechanisms of the Russian historical cycles. The paper lists the main stages of dynamics — complexes of interrelated events that change

the balance of power, structural conditions and the direction of subsequent processes. The author also lists the main actors and social groups involved in the political dynamics of that time period: supreme power, reformers, insiders, oligarchs, representatives of special services, “pro-soviet” and democratic opposition, urban educated class, workers and miners’ movements, “ordinary people”.

The author concludes that the rapid sweeping changes in the politics of the 1990s took place, as they did before, in the parametric space with the axes of “state success” and “freedom”. Transitions occurred between the phases that were typical for much longer cycles of the Russian historical past — “crisis”, “liberalization”, “authoritarian rollback”, “state collapse”, “military-political triumph”. At the same time, the mechanism of the general democratic backsliding trend and the growth of authoritarian tendencies calls for clarification. The authors propose a phase model that explains this change through the patterns of response strategies of the supreme power to challenges and threats under different conditions. Weakness and failures of the state policy coupled with a shortage of resources led to mass disillusionment, delegitimization of the supreme power and reform policy, which manifested itself in elections and inspired the adherents of the restoration. The increase in the corresponding threats placed a premium on administrative and violent measures. Once sufficient resources were accumulated, those measures were becoming successful and received positive reinforcement. With each crisis, the supreme power took an upper hand, while the collegial separation of powers was reduced, and the reforms lost their original focus on economic freedom, the rise of small and medium-sized businesses, and the growth of democracy. As a result, the opportunities for the political modernization were missed, giving way to the authoritarian trends.

Keywords: socio-political dynamics, historical cycles, authoritarian rollback, liberalization, collegial separation of power, legitimacy, 1990s

References

- Collins R. (2015) *Makroistorija: Oчерki sotsiologii bol'shoj dli-tel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Hale H.E. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regime Change Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.
- Heilman J. (1998) “Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions” // *World Politics*, vol. 20, 2: 203–234.
- Hellie R. (2005) “Structure of Russian Imperial History” // *History and Theory*, vol. 44, no. 4: 88–112.
- Khasbulatov R.I. (1994) *Velikaja rossijskaja tragedija* [The Great Russian Tragedy]. Moscow: Sims. (In Russ.)
- Rogov K.Yu., ed. (2021) *Demontazh kommunizma: Tridtsat' let spu-stja* [Dismantling Communism: Thirty Years Later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Rozov N.S. (2011) *Koleja i pereval: makrosotsiologicheskie osnovanija strategii Rossii v 21 veke* [Track and Pass: The Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Snegovaya M. (2023) "Smena rezhima v Rossii? Demokraticeskij tranzit, kotorogo ne bylo" [Regime Change in Russia? Democratic Transit That Did Not Happen] // *Forum novejshej vostochnoevropskoj istorii i kul'tury: Russkoe izdanie* [Forum of Modern East European History and Culture: Russian Edition], no. 1–2: 119–135. (In Russ.)

Weber M. (2017) *Khodzajstvo i obshchestvo: Oчерki ponimajushchej sotsiologii* [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Yanov A.L. (1997) *Ten' Groznogo tsarja: Zagadki russkoj istorii* [Shadow of the Terrible Tsar: Riddles of Russian History]. Moscow: KRUK. (In Russ.)

Yeltsin B.N. (1994) *Zapiski prezidenta* [The President's Notes]. Moscow: Ogonek. (In Russ.)

СОЦИОЛОГИЯ

П. С. Каневский

К ВОПРОСУ О МНОГОГРАННОСТИ И ПРАКТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Павел Сергеевич Каневский — кандидат политических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. Для связи с автором: kanevskiy@socio.msu.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать основные тенденции в развитии понятия и научного направления публичной политики. Несмотря на то что на протяжении более полутора десятилетий это понятие и направление активно внедряются в российский научный оборот и систему образования, дискуссия о предметном поле и практической значимости публичной политики далека от завершения. Россия не гомогенна в своих поисках базовых смыслов публичной политики, в зарубежных научных школах тоже существуют разные трактовки данного понятия, которые отличаются друг от друга не только с теоретико-методологической, но и с политико-идеологической точек зрения.

По мнению автора, для того чтобы понять многогранность и практический смысл публичной политики, следует учитывать тот социально-политический контекст, в котором это направление родилось и развивалось. Будучи изначально продуктом социально-политических и ценностных изменений второй половины XX в., концептуальная рамка публичной политики помогла исследователям, политикам, бюрократам и гражданам по-иному взглянуть на то, каким образом можно выстраивать коммуникацию между государством и обществом, как сделать процесс принятия решений более проблемно ориентированным и приближенным к реальной жизни людей. Вместе с тем автор указывает на отсутствие единого ответа на порожденные публичной политикой вопросы, выделяя две основные традиции в ее осмыслении, первая из которых ставит на первое место государство и государственное управление, тогда как вторая делает упор на роль гражданского общества.

Россия находится сегодня в процессе выработки собственных смыслов публичной политики, которые бы адекватно отражали потребности государства и общества, способствовали выстраиванию эффективной коммуникации между ними в целях повышения качества принимаемых решений. Настоящую статью следует рассматривать как продолжение соответствующей дискуссии, крайне важной для российского научного сообщества как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ключевые слова: публичная политика, публичная сфера, государственное управление, гражданское общество, политическая коммуникация

Постановка проблемы

В последние два десятилетия тематика публичной политики стремительно набирает популярность в российской науке и системе образования. Университеты один за другим открывают учебные программы по публичной политике, у абитуриентов и студентов растет интерес к данному направлению. Термин «публичная политика» активно внедряется как в науку, так и в российскую политико-правовую систему. Благодаря поправкам к Конституции РФ в 2020 г. появилось понятие публичной власти, объединяющее власть государственную и муниципальную.

Вместе с тем научная дискуссия по поводу содержания понятия «публичная политика», его предметного поля и истории развития еще продолжается. Следует отдать должное российским авторам, которые за последние годы значительно продвинулись в осмыслении публичной политики, попытались адаптировать соответствующий термин к российским реалиям. Речь идет прежде всего о Юрии Красине, Нине Беляевой, Инне Мирошниченко, Александре Сунгурове, Ларисе Никовской, Владимире Якимце, Александре Соловьеве и ряде других ученых¹. Свои коллективы, изучающие публичную политику, сложились в МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Кубанском университете, РАНХиГС. В 2004—2015 гг. Российская ассоциация политической науки и Петербургский филиал НИУ ВШЭ издавали ежегодный альманах «Публичная политика», с 2017 г. выходит журнал под тем же названием. Прочие научные издания тоже стараются уделять внимание данному направлению — например, в 2022 г. журнал «Политическая наука» выпустил тематический номер, полностью посвященный публичной политике. Был организован ряд конференций, круглых столов и научных семинаров по этой тематике. Вышло несколько крупных коллективных монографий² и учебников³ по публичной политике.

Однако, оглядываясь назад, приходится констатировать, что упомянутой дискуссии не хватает целостности, так как ее участники отталкиваются порой от очень разных посылок в своих рассуждениях о публичной политике, используют различающиеся по смыслу категории и понятия. Одни рассматривают публичную политику через переосмысление базовых функций и анализ эффективности государственного и муниципального управления⁴, другие выдвигают на первый план гражданское общество и некоммерческий сектор⁵, третьи отводят роль ключевых субъектов публичной политики экспертному и академическому сообществу⁶, наконец, существует отдельное направление исследования лоббистских отношений через призму корпоративной публичной политики⁷. Сверх того, происходит довольно хаотичная апроприация зарубежного опыта в изучении публичной политики, что зачастую не облегчает, а, напротив, усложняет понимание данного феномена в России.

¹ См. Красин (ред.) 2005; Беляева 2007; Мирошниченко 2014; Сунгуров 2017; Никовская и Якимец 2019; Соловьев 2021.

² Данилов, Гуров и Жидков (ред.) 2008; Сунгуров (ред.) 2008; Гаман-Голутвина (ред.) 2008; Сморгунов (ред.) 2015, 2018.

³ Сморгунов (ред.) 2013; Радиков (ред.) 2022.

⁴ Никовская и Якимец 2019; Брянцев и Евстифеев 2020; Сморгунов 2022.

⁵ Мерсиянова и Иванова 2018.

⁶ Беляева (ред.) 2012; Бабинцев, Надуткина и Сапрыка 2014.

⁷ Сморгунов 2016; Устинович и Сергеев 2019.

⁸ *Мирошниченко*
2014: 354.

Сложности, с которыми сталкивается российское научное сообщество, вполне объяснимы. Публичная политика — междисциплинарное направление с чрезвычайно широкой предметной областью. Как справедливо замечает Мирошниченко, «на сегодняшний день публичная политика представляет собой зонтичную концепцию, кроющую под собой многие измерения политического»⁸. Не случайно споры относительно предмета, цели и основных категорий публичной политики идут во всем мире. Это, впрочем, не может служить индульгенцией для размывания предмета публичной политики, поскольку в какой-то момент соответствующее понятие элементарно начинает терять концептуальную стройность, превращаясь в научное «чудовище Франкенштейна», что в итоге затрудняет его изучение и практическое применение.

Попробуем вкратце охарактеризовать основные проблемы, которые возникают в ходе научной дискуссии о публичной политике в России.

Прежде всего, у данного направления нет единого теоретического фундамента и единой концептуальной точки отсчета. А потому неизбежно встает вопрос: можем ли мы в принципе говорить о единой науке о публичной политике? В мире существуют разные традиции изучения публичной политики, получившие развитие в последней трети XX в. Публичная политика — это проблемно ориентированная наука, она нацелена одновременно на выявление и анализ конкретных общественных проблем, согласование общественных интересов и повышение эффективности политико-государственного управления. Однако выбор стратегий и субъектов решения проблем, способы согласования интересов и управленческие приоритеты варьируют в зависимости от фокуса публичной политики.

Одни исследователи ставят на первое место государство как базовый институт публичной власти и, следовательно, рассматривают публичную политику скорее в разрезе государственного управления. Другие же делают акцент на роли публичной сферы и гражданского общества. Между этими подходами имеется множество пересечений, они не исключают друг друга. Но причина подобных концептуальных различий требует прояснения. Как будет показано ниже, они носят не только теоретический, но и идеологический характер.

Вторая проблема напрямую связана с первой и касается соотношения публичной политики с прочими политическими науками и смежными понятиями. Как соотносятся между собой публичная политика, политология, политическая социология, государственное управление, теория рационального выбора, институционализм и неинституционализм, сетевые теории? Многие исследователи считают, что публичная политика включает в себя элементы разных научно-исследовательских областей, являясь по своей природе интегративным направлением. Но конкретные ингредиенты и пропорции их смешивания различаются. Например, Сунгуров предлагает рассматривать публичную политику как научное направление, расположенное между традиционной по-

⁹ Сунгуров 2022:
87.

литической наукой, государственным и муниципальным управлением и граничащее с социологией и политической философией⁹.

Хотя публичная политика, несомненно, вбирает отдельные категории и методы различных научных областей, не до конца раскрытым остается вопрос: каким именно образом, а главное, для чего мы смешиваем эти науки и что нам может дать в итоге новый гибрид? Ситуацию усугубляют сложности перевода, так как в русском языке нет традиции разделения политики на *politics* и *policy*, а потому понятие публичной политики (как *public policy*) в российском контексте порой приобретает искаженные черты. Ведь в случае *policy* речь идет не о политике как борьбе за власть, а о политике как программе действий, нацеленной на решение конкретных задач.

Наконец, третья проблема сопряжена с практической значимостью публичной политики. В странах Запада развитие публичной политики как академической дисциплины стало следствием параллельного запроса государства и гражданского общества на открытость и большую инклюзивность политического процесса. В России как сложноустроенном государстве ряд вопросов, которые поднимаются в рамках этой дисциплины, тоже имеют значение как для органов власти, так и для граждан. Однако особенности механизма власти, специфика подготовки и принятия решений, политическая культура вносят свои коррективы в базовые смыслы публичной политики. В конечном счете и для общества, и для государства публичная политика зачастую предстает обернутым в красивые слова фантомом, за которым трудно разглядеть практический смысл.

Думается, что сегодня назрела потребность в более целостной дискуссии по поводу содержания и целей публичной политики в России. В такой дискуссии заинтересовано не только академическое сообщество, но и государство, которое нуждается в более четком понимании того, в чем заключается ценность данного направления, кем при выпуске из вуза должен быть эксперт в области публичной политики, как правильно интегрировать общественные запросы и интересы в процесс принятия решений, как выстраивать приоритеты при планировании государственной политики. Настоящая статья не претендует на то, чтобы дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, ее следует рассматривать скорее как продолжение разговора о путях развития, базовых определениях и практической значимости публичной политики.

Два понимания публичной политики

Очень часто у нас возникает соблазн говорить о развитии тех или иных научных областей как бы с чистого листа, не вдаваясь в историю и причины их возникновения. В особенности это касается социальных и политических наук, которые, в отличие от наук естественных, не всегда связаны с объективными законами, а складываются в результате сложных социальных, экономических, политических и ценностно-идеологических процессов. В российских условиях это усугубляется тем, что

мы порой ориентируемся на западные разработки, которые связаны с вполне конкретными траекториями институциональной, культурной и научной эволюции соответствующих стран. Насколько и каким образом они применимы в России, должно быть предметом широкого обсуждения, и здесь важно избежать крайностей как «слепой веры» в западные концепции и теории, так и полного отказа от них. Нам нужно вычлениить то, что имеет значение для российского государства и общества и способно внести позитивный вклад в их развитие.

Будучи многогранной и междисциплинарной областью исследований, публичная политика возникла в конкретную эпоху и в конкретных политических системах как ответ государства и научного сообщества на глубинные процессы, происходившие в социуме. Основной этап институционализации публичной политики в академическом пространстве стран Запада приходится на 1960—1970-е годы. Всплеск гражданской политической активности по всему миру привел к тому, что многие традиционные политические дисциплины и теории оказались неспособны объяснить новую социально-политическую реальность, а главное, дать ответ, как должно реагировать на нее государство.

Социальные и протестные движения 1960—1970-х годов, пробуждение гражданского общества, радикализация политики, публичные политические скандалы вкупе с быстрым развитием СМИ поставили перед политиками абсолютно новые проблемы. Как взаимодействовать с гражданами, превращающимися из пассивных избирателей в активных участников политического процесса? Как поддерживать политическую легитимность в новых условиях? Как сделать политический процесс более эффективным и отвечающим реальным социальным, политическим и экономическим запросам общества?

Традиционная политическая наука оказалась мало приспособлена к решению этих проблем. В ситуации нарастания массовой политической активности требовалось переосмысление роли государства *per se*. По справедливому замечанию Эндрю Хейвуда, развитие публичной политики как академической дисциплины связано с попыткой перевести исследовательский фокус с вопроса о том, что из себя представляет государство и что оно делает, на вопрос: для чего нужно государство и что оно должно делать, чтобы политика была более эффективной и подотчетной обществу?¹⁰

¹⁰ Heywood 1997: 393.

Таким образом, публичная политика представляла собой нормативное и проблемно ориентированное направление, которое должно было концентрироваться не только на роли институтов и политическом поведении, но также на анализе проблемных полей общества, его конкретных запросов и потребностей. Все это было нужно для повышения эффективности государственного управления, выстраивания более грамотной экономической и социальной политики, усиления прозрачности политического процесса.

Традиционный взгляд на политику с его упором на политические партии как основные агрегаторы общественных интересов и государ-

ственную бюрократию как исполнителя политических решений претерпевал коренные изменения. Чтобы оперативно и эффективно согласовывать интересы и принимать решения, необходим был постоянный прямой контакт между государством, гражданским обществом и все более активным бизнес-сообществом. Это предполагало разрушение монополии партий на агрегирование интересов и одновременно меняло роль бюрократии, которая из исполнителя решений превращалась в важнейший элемент диалога между обществом и государством.

Главные вопросы заключались в том, кто должен брать на себя основную роль в донесении различных социальных интересов и проблем до центров принятия решений, как правильно выстраивать коммуникацию между обществом и государством, что нужно поменять в государстве и процессе принятия решений, чтобы привести их в соответствие с новыми задачами. Единого ответа на эти вопросы не существовало. Как минимум потому, что в разных теоретических и идеологических исследовательских традициях публичная политика понималась по-разному.

Одна традиция, которая исторически в большей степени была свойственна американской политической мысли, связывает публичную политику с процессом государственного управления. Однако, в отличие от классического взгляда на государственное управление (*public administration*) образца первой половины XX в., который концентрировался преимущественно на организации и эффективности государственного аппарата, публичная политика (*public policy*) предполагала более проблемно ориентированный подход. По словам Барбары Нельсон, публичная политика прежде всего подразумевает применение экспертных знаний для решений социальных проблем и умение осуществлять конкретные действия, чтобы формировать политику, позволяющую решать эти проблемы¹¹. Иначе говоря, эффективное государственное управление — это не только хорошо организованное управление, но и то, что направлено на решение проблем, стоящих перед обществом и государством.

¹¹ Nelson 1998: 557—558.

Другим важным аспектом развития публичной политики в США было изменение роли граждан при принятии политических решений. В классическом определении Пола Эпплби государственное управление (*public administration*) понималось как «управление общественными делами политическими лидерами, ответственными за принятие решений»¹². Это был взгляд на государственное управление, который ставил на первое место профессиональных управленцев, принимавших решения в общих интересах граждан, но трактовавших эти общие интересы исходя из собственного видения того, что лучше для граждан и для государства.

¹² Appleby 1947: 95.

В определенном смысле это было продолжением аристократической трактовки политики, в соответствии с которой представители элиты лучше знают, что на самом деле ждет от них общество и как правильно принимать решения. Демократия здесь сводилась к наделению политиков посредством выборов мандатом на реализацию той или иной

¹³ Именно так рассуждал Йозеф Шумпетер, согласно которому «демократия значит лишь то, что у народа есть возможность принять или не принять тех людей, которые должны им управлять» (Шумпетер 1995: 372). При таком угле зрения демократия есть не более чем гарантия сменяемости власти, отнюдь не гарантирующая прямого участия граждан в политических делах.

¹⁴ Подробнее см. Каневский 2017.

¹⁵ Fukuyama 2013.

программы действий, на чем их взаимодействие с обществом по сути заканчивалось¹³. Такая интерпретация общественного договора долгое время устраивала и элиту, и общество. Она жестко ограничивала вмешательство граждан в политику, а основной канал коммуникации между обществом и государством был фактически монополизирован политическими партиями, которые говорили и действовали от имени больших социальных групп.

Следствием активизации гражданского общества, постепенного падения роли партий, снижения базовых показателей политической легитимности и ряда других изменений, пришедшихся на 1960—1970-е годы, стал пересмотр социального контракта в сторону большей включенности граждан в управление. Это было частью демократизации американского политического процесса, который с 1970-х годов двигался к большей открытости и подотчетности перед гражданами.

Данная тенденция хорошо прослеживается на примере американской партийной системы. Тектонические сдвиги в американском обществе в 1960—1970-е годы привели к тому, что партии взяли курс на повышение своей открытости перед обществом. Это проявилось, в частности, в переносе центра тяжести при отборе кандидатов на прямые первичные выборы (праймериз). Тем самым партии показывали, что они отходят от старых элитарных принципов, где все ключевые решения принимали боссы, лидеры профсоюзов и партийные нотабли, и готовы прислушиваться к простым гражданам. Ныне подобная процедура стала нормой. Вопрос о том, как это сказалось на качестве американской политики, особенно остро стоит сегодня, когда кандидаты стремятся создать свои группы поддержки, порой довольно слабо отражающие позиции более широких групп граждан¹⁴.

Заявляя о большей открытости и учете интересов граждан, государство рассматривало это как необходимый шаг навстречу обществу, призванный снизить социальную напряженность. Но за этим отнюдь не стояла готовность действительно отказаться от элитарных принципов. В США аристократические и олигархические тенденции в политике никуда не исчезли, и открытость перед обществом «на бумаге» вовсе не означает, что среднестатистический американский гражданин усилил свою роль в политическом процессе.

Если бóльшая открытость государства в реальности и привела к чему-то, так это к усилению роли частных интересов в виде организованных групп давления. Хотя подобные группы являются ординарными субъектами публичной политики, их влияние способно достигать такого уровня, что влечет за собой дисбаланс в системе принятия решений. Как отмечает Фрэнсис Фукуяма, «увеличение количества групп интересов и лоббистов исказило демократический процесс в США и уменьшило эффективность государственной власти»¹⁵. Вокруг решений и блоков решений в Вашингтоне сегодня выстраиваются сложные по своей структуре коалиции, которые далеко не всегда отражают интересы широких слоев населения.

Это заставляет задуматься о том, каким образом открытость публичной политики может приводить к нарушению баланса между различными субъектами, претендующими на право влиять на принятие решений и участвовать в этом процессе. Публичная политика, по крайней мере в том смысле, который изначально вкладывался в данный концепт, должна быть направлена на повышение качества государственного управления через эффективное взаимодействие между государством и обществом. Однако вопрос в том, кто именно становится участником этого взаимодействия и каковы риски того, что за фасадом открытости и инклюзивности преимущества будут получать те, кто имеет больше ресурсов и связей с центрами принятия решений.

Эти размышления подводят нас ко второй традиции в понимании публичной политики, которая в большей степени присуща западноевропейским исследователям второй половины XX в. В трудах таких ученых, как Юрген Хабермас, Ханна Арендт, Карл Шмитт, на первое место выходит интерпретация публичной сферы как пространства диалога между обществом и государством. В рамках этой традиции акцент делается на роли гражданского общества в поддержании двусторонней коммуникации между центрами принятия решений и гражданами.

Именно в таком ракурсе рассматривает публичную сферу Хабермас, который связывает понятие публичности с феноменом коммуникативного действия. Вовлечение граждан в процесс принятия решений происходит посредством выработки ими собственной позиции, которая может быть как ответом на действия государства, так и самостоятельно выработанными предложениями, направленными на улучшение тех или иных областей общественной жизни. Для Хабермаса идеальная модель взаимодействия общества и государства построена на идее коммуникативной рациональности. Будучи ядром публичной сферы, гражданское общество есть рационально организованное пространство, включающее в себя ассоциации, движения, организации, которые резонируют с тем, что происходит в частной сфере и посылают обработанные сигналы и предложения в сферу публичную¹⁶. Тем самым Хабермас демонстрирует тесную взаимосвязь между частным и публичным, показывая, что коммуникативная структура публичной сферы сохраняется исключительно благодаря активному гражданскому обществу¹⁷.

Публичная сфера, таким образом, предстает в качестве особой области социально-политической жизни, где постоянный диалог между гражданами и государством способствует выработке более солидарной и инклюзивной политики. В отличие от американской школы, здесь подчеркивается коммуникативный аспект, культура диалога и роль общественного мнения как ключевого инструмента контроля общества над государством. Как отмечает Анна Трахтенберг, «публичная сфера представляет собой пространство рациональной дискуссии, основанной на принципах открытости и равенства сторон... Именно в публичной сфере в процессе свободной от внешнего контроля дискуссии и об-

¹⁶ *Habermas 1996.*

¹⁷ *Ibid.: 369.*

мена информацией вырабатывается то, что можно назвать общественным мнением»¹⁸.

¹⁸ Трахтенберг
2006: 225.

В модели публичной сферы Хабермаса на первое место выходит просвещенная публика, интеллектуальная и вместе с тем политически активная элита общества. Поэтому общественное мнение здесь не просто совокупность мнений всех граждан, это мнение прежде всего активной его части, которая способна рефлексировать и выстраивать диалог с государством во имя достижения общественно значимых целей.

Несмотря на ряд сходных элементов, упомянутые традиции осмысления публичной политики имеют разные политические и идеологические основания. Американская традиция изначально фокусировалась на роли партий и государственного аппарата в выработке эффективной политики. Начиная с ранних работ Гарольда Лассуэлла¹⁹, посвященных политико-управленческому анализу (*policy analysis*), американские исследователи были ориентированы на поиск такой государственной модели, в рамках которой эффективность принимаемых и реализуемых решений была бы напрямую связана с тем, насколько хорошо государство понимает суть общественных запросов и проблем. Постепенная эволюция взглядов на эффективность управления вела ко все большему включению общественных интересов и мнений в процесс принятия решений, и граждане из наблюдателей, которые активизируются преимущественно в периоды выборов, превращались в субъектов политического процесса.

¹⁹ Lerner and
Lasswell 1951.

В таком ракурсе публичная политика вполне вписывалась в теоретический и идеологический фундамент либеральной демократии, став элементом того, что Роберт Даль называл процедурной демократией. Под процедурной демократией Даль понимал особую организацию процесса принятия решений, при которой тот перестает концентрироваться исключительно вокруг привилегированных кругов и начинает полноценно учитывать интересы граждан, обладающих не меньшим правом высказывать свою точку зрения по поводу общественно значимых вопросов²⁰. Таким образом, тренд на демократизацию политического процесса снизу был подхвачен правящими элитами и превращен в инструмент подготовки, принятия и реализации политических решений. Государство, не меняя в корне организацию политической системы, добавляло и институционализировало в ней механизмы более эффективного учета общественных интересов, что служило одновременно трем целям — повышению качества принимаемых решений, усилению их легитимности и снижению напряженности в обществе. А программы подготовки экспертов по публичной политике, активно внедряющиеся в американских вузах с 1970-х годов, были направлены на то, чтобы получить новую когорту специалистов, способных анализировать проблемные поля, ориентироваться в ожиданиях и требованиях граждан, а также выстраивать диалог между государством и обществом.

²⁰ Dahl 1977:
14—15.

Собственно, диалог между государством и обществом являлся ключевым вопросом и в рамках второй из рассматриваемых традиций.

Однако европейские исследователи изначально исходили из другой посылки. Если в США институционализация публичной политики шла от государства, которое понимало необходимость создания новой инфраструктуры взаимодействия с обществом и учета общественных интересов, то в Европе о необходимости увеличения роли граждан в политике заявляли преимущественно публичные интеллектуалы. Арендт и Хабермас — яркие примеры такого рода интеллектуалов, предлагавших свое видение инклюзивного политического процесса, в основании которого лежит активное гражданское общество. По их убеждению, при принятии решений государство обязательно должно консультироваться с гражданами посредством четко выстроенной коммуникации. При этом данная модель должна работать так, чтобы учитывать максимально возможное число общественных интересов, не замыкаясь на интересах избранных групп. Когда Хабермас говорил, что Евросоюз не должен «скатываться к рынку, поглощенному процессами глобализации», он имел в виду прежде всего растущий разрыв между частными корпоративными интересами и общими интересами граждан²¹.

²¹ Habermas 2001.

В конечном счете оба понимания публичной политики вращались вокруг переосмысления роли государства и государственного управления, выстраивания каналов коммуникации между органами власти и обществом, повышения эффективности и легитимности государственных институтов. Теоретическая и идеологическая разница между ними заключалась преимущественно в различном толковании баланса между органами власти и обществом в политическом процессе.

**Публичная
политика
для России —
в поисках
реалистичных
рамочек**

Когда на рубеже столетий академическое направление публичной политики пришло в Россию, оно, естественно, принесло с собой и те споры по поводу его концептуального наполнения, которые разворачивались на Западе. Российское экспертное сообщество оказалось в ситуации выбора наиболее подходящей модели публичной политики, которая бы адекватно отвечала запросам как со стороны государства, так и со стороны общества и была бы реальным рабочим инструментом, а не очередным модным термином.

В годы активных дискуссий о модернизации и демократизации конца XX — начала XXI в. российские исследователи в большей степени ориентировались на западноевропейскую традицию, выдвигая на первый план гражданское общество в качестве базового субъекта публичной политики и настаивая на отказе от традиционных бюрократических иерархий в государственном управлении в пользу более инклюзивного, открытого и горизонтального диалога при подготовке и принятии решений. Эта установка отчетливо просматривается в работах Красина, Сунгурова, Беляевой, Никовской, Якимца, в исследованиях, проводившихся в научном центре «Стратегия» и НИУ ВШЭ²². Согласно представлениям их авторов, эволюция демократических институтов логично ведет к утверждению переосмысленного социального контракта, в рам-

²² Красин (ред.) 2005; Беляева (ред.) 2005; Сунгуров (ред.) 2008; Никовская и Якимец 2011.

ках которого государство принимает решения «в общественных интересах и с реальным учетом общественного мнения»²³.

²³ Сунгуров 2017: 10.

С позиций сегодняшнего дня подобный подход выглядит чересчур оптимистичным. Слабость гражданского общества, не обладающего необходимыми ресурсами, организованностью и авторитетом в глазах как государства, так и широких слоев населения, не позволяет говорить о хабермасовской модели публичной политики применительно к России. Не случайно многие авторы, долгие годы занимавшиеся данной проблематикой, в итоге пришли к пессимистическим выводам, констатируя, по выражению Соловьева, «закат или даже гибель публичности»²⁴.

²⁴ Соловьев 2021: 200.

Представляется, что изначальные ожидания по поводу развития пространства публичной политики в России действительно были завышенными. Впрочем, не надо думать, что так обстоит дело только в России. В частности, тот же Хабермас в своих последних работах признает, что публичному пространству эпохи цифровизации присущ ряд дисфункций, указывая на снижение качества публичной коммуникации и публичных дебатов и рост уровня конфликтности, следствием чего становятся многочисленные сбои в демократическом управлении²⁵.

²⁵ Habermas 2023: 27.

Идея о том, что граждане встроены в политический процесс наравне с властными структурами, давно вызывает споры. Хотя любая политика (*policy*) позиционирует себя как программа действий в интересах общества, участие последнего в ее формировании зачастую сводится лишь к видимости, в то время как реальные решения принимаются внутри органов государственной власти. При этом даже те модели принятия решений, которые действительно строятся на активных и постоянных консультациях с гражданами (например, плебисцитарная демократия в Швейцарии или в Калифорнии), могут приводить к повышенной конфликтности или неспособности систем быстро реагировать на вызовы²⁶.

²⁶ *The Perils* 2011.

Все вышесказанное вовсе не означает, что в российском контексте публичная политика как концепция, как академическое и практическое направление лишена смысла. Вопрос в том, какое значение мы придаем публичной политике, какова инструментальная ценность этой концептуальной рамки для государства и общества. На деле публичная политика содержит в себе целый ряд важнейших элементов, имеющих прямое отношение к эффективности принятия решений, их легитимности и механизмам согласования интересов.

Публичная политика в России, как и в других странах, должна рассматриваться через призму согласования общественных и государственных интересов как необходимого условия эффективности, легитимности и прозрачности политических решений. В таком ракурсе государство и общество предстают естественными союзниками, ориентированными на решение конкретных общественных задач. Нужно только добиться, чтобы система согласования и продвижения общественных интересов не была оторвана от реальных проблем. Для этого требуется развивать механизмы вовлечения граждан в публичные кон-

сультации, а также повышать прозрачность процесса принятия решений, чтобы граждане могли видеть результат своего участия. Правовая система постепенно обрывает конкретными нормами, регламентирующими соответствующие процессы. Так, в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 зафиксированы принципы, призванные обеспечить согласованность действий региональных органов государственной власти и местного самоуправления при решении общих задач и приобщение населения к управлению публичными делами²⁷.

²⁷ *Федеральный закон 2021.*

В практическом измерении данные принципы находят отражение, например, в подходах к городскому развитию. Публичная политика является важным элементом управления городом и предполагает реализацию целого ряда норм, направленных на вовлечение граждан в проектирование городских пространств, решение актуальных проблем, связанных с созданием благоприятных условий жизни, адекватное и своевременное преодоление противоречий, возникающих при взаимодействии горожан и местных властей²⁸.

²⁸ *Попова 2022: 5.*

Среди ключевых инструментов вовлечения граждан в такого рода общественно-управленческие проекты особого упоминания заслуживают цифровые платформы. Хотя сегодня в России они получили распространение преимущественно в крупных городах, их потенциал с точки зрения публичной политики бесспорен. И речь идет не только о вопросах городской жизни; цифровые платформы включают в себя электронные консультации, петиции, онлайн-слушания и ряд других форматов. Их преимущество перед традиционной коммуникацией в том, что они упрощают взаимодействие между гражданами и центрами принятия решений, способствуют повышению прозрачности, усилению общественного контроля над деятельностью органов власти. Вместе с тем правы Сунгуров и Дмитрий Аркатов, когда отмечают, что «наше понимание электронного участия остается ограниченным»²⁹. Цифровые платформы пока заметно проигрывают традиционным формам взаимодействия. На сегодняшний день граждане все еще предпочитают личный контакт с представителями власти. По данным опросов, лишь пятая часть россиян готова строить общение с органами власти исключительно в цифровой форме³⁰.

²⁹ *Сунгуров и Аркатов 2021: 54.*

³⁰ *См. Видясова, Видясов и Тензина 2019: 49.*

Цифровые технологии открывают новые возможности для развития публичной политики, но было бы ошибкой видеть в них панацею, способную кардинально повысить качество принимаемых решений и разрешить все возникающие проблемы. Будучи важным технологическим подспорьем, они имеют реальный вес лишь в случае сочетания таких факторов, как политическая активность населения, его цифровая грамотность и готовность органов власти реагировать на поступающие импульсы. Сочетание данных факторов является ключевой предпосылкой развития публичной политики в стране, а какие формы коммуникации будут при этом использоваться — вопрос скорее технический, чем политический.

Но адекватное российскому контексту понимание публичной политики не сводится лишь к поиску инструментов вовлечения граждан в политико-управленческие консультации. Не меньшее значение имеют качественные изменения самого управленческого аппарата. Сегодня растет спрос на управленцев нового типа, способных не только быть проводниками спускаемых сверху решений, но также самостоятельно ставить и решать задачи, связанные с общественным и экономическим развитием, обеспечивать эффективное функционирование задействованных в этом процессе институтов и механизмов согласования интересов³¹.

³¹ См. Мирошниченко и Морозова 2022: 147.

Современные управленцы должны ориентироваться в сложных информационных потоках и разнообразных групповых интересах, которые неизбежно складываются вокруг почти любых принимаемых решений, разбираться в имиджевых вопросах, обладать коммуникативными навыками, необходимыми для выстраивания эффективных каналов взаимодействия как внутри собственных структур, так и с внешними акторами.

Все это требует качественной системы подготовки кадров и их отбора. Именно поэтому университеты, выпускающие экспертов в области публичной политики, находятся сегодня на острие модернизации и повышения эффективности всего политико-управленческого аппарата. Эксперты по публичной политике, которых готовят российские вузы, — это будущие многопрофильные профессионалы, которым предстоит управлять сложными социально-политическими процессами. Они должны понимать суть общественных запросов и участвовать в согласовании разнообразных интересов, быть способными встраиваться в коммуникационные каналы, уметь адекватно оценивать имеющиеся у государства возможности и ресурсы и на этом основании выработать оптимальные решения. Подобные специалисты все еще относительно новое явление на рынке труда. Тем важнее объяснять обществу и государству перспективность и практический смысл данного направления.

Вместо заключения

Публичная политика — это многогранная категория, содержательное наполнение которой варьирует в зависимости от теоретических, управленческих и идеологических ракурсов. Вместе с тем это важнейшее исследовательское направление, которое связано с фундаментальными основами функционирования государства, повышением эффективности государственного управления, гармонизацией интересов государства и общества. Будучи изначально отражением качественных изменений политической жизни и активного включения граждан в политические процессы во второй половине XX в., концептуальная рамка публичной политики помогла исследователям, политикам, бюрократам и гражданам иначе взглянуть на то, каким образом можно выстраивать коммуникацию между государством и обществом, как сделать процесс принятия решений более проблемно ориентированным и приближен-

ным к реальной жизни людей. Думается, что в России, где так много говорят о необходимости повышения качества государственного управления и учета гражданских интересов при выработке государственных решений, публичную политику следует рассматривать как важнейшее теоретическое и практическое направление, требующее тщательного осмысления.

Библиография

Бабинцев В.П., И.Э.Надуткина и В.А.Сапрыка. (2014) «Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе» // *Власть*, № 7: 5—9.

Беляева Н.Ю. (2007) «Публичная политика в России: сопротивление среды» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 22—32. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2007/1/Polis-2007-1-Belyaeva.pdf> (проверено 20.01.2024).

Беляева Н.Ю., ред. (2005) *Публичная политика в современной России: Субъекты и институты*. М.: ГУ-ВШЭ.

Беляева Н.Ю., ред. (2012) *Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики*. М.: РАПН; РОССПЭН.

Брянцев И.И. и Р.В.Евстифеев. (2020) «Проблемы оценки эффективности институтов государственно-общественного управления (на примере Общественных палат Владимирской и Саратовской областей)» // *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 1: 115—136.

Видясова Л.А., Е.Ю.Видясов и Я.Д.Тензина. (2019) «Исследование социального доверия информационным технологиям при предоставлении электронных государственных услуг и использовании порталов электронного участия (кейс Санкт-Петербурга)» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5: 43—47. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/14/13> (проверено 20.01.2024).

Гаман-Голутвина О.В., ред. (2008) *Политическое управление и публичная политика XXI века*. М.: РАПН; РОССПЭН.

Данилов Н.Ю., О.Ю.Гуров и Н.Г.Жидков, ред. (2008) *Публичная политика: от теории к практике*. СПб.: Алетейя.

Каневский П.С. (2017) «Социальные размежевания в американском обществе как фактор президентской кампании 2016 г.» // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*, т. 23, № 4: 169—182.

Красин Ю.А., ред. (2005) *Публичная политика в России*. М.: Альпина Бизнес Букс.

Мерсиянова И.В. и Н.В.Иванова. (2018) «Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций» // *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 1: 29—46.

Мирошниченко И.В. (2014) «Публичная политика как зонтичная концепция политической науки» // *Государственное управление: Электронный вестник*, № 47: 354–376. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__47._dekabr_2014_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/miroshnichenko.pdf (проверено 20.01.2024).

Мирошниченко И.В. и Е.В.Морозова. (2022) «Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий» // *Политическая наука*, № 3: 144–163. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7068/07_miroshnichenko-_morozova.pdf (проверено 20.01.2024).

Никовская Л.И. и В.Н.Якимец. (2011) «Типология публичной политики в российских регионах» // *Социологические исследования*, № 3: 224–235.

Никовская Л.И. и В.Н.Якимец. (2019) «Введение в предметное поле муниципальной публичной политики» // *Социально-политические исследования*, № 4 (5): 36–53.

Попова О.В. (2022) «Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и самоуправления» // *Социально-политические исследования*, № 1 (14): 5–23.

Радиков И.В., ред. (2022) *Трансформации публичной политики в современной России*. М.: РУСАЙНС.

Сморгунов Л.В. (2016) «Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббирования к корпоративной публичной политике» // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, № 4 (71): 100–104.

Сморгунов Л.В. (2022) «Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой» // *Политическая наука*, № 3: 100–121. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7066/05_smorgunov.pdf (проверено 20.01.2024).

Сморгунов Л.В., ред. (2013) *Сетевой анализ публичной политики*. М.: РФ-Пресс.

Сморгунов Л.В., ред. (2015) *Управление публичной политикой*. М.: Аспект Пресс.

Сморгунов Л.В., ред. (2018) *Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие*. М.: Аспект Пресс.

Соловьев А.И. (2021) «Фронтирные зоны публичной политики» // *Политическая наука*, № 3: 183–204. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6333/9_solov_ev.pdf (проверено 20.01.2024).

Сунгуров А.Ю. (2017) «Публичная политика: основные направления исследования (мировой и российский опыт)» // *Публичная политика*, № 1: 8–28.

Сунгуров А.Ю. (2022) «Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований» // *Политическая наука*, № 3: 80–99.

URL: http://inion.ru/site/assets/files/7065/04_sungurov.pdf (проверено 20.01.2024).

Сунгуров А.Ю., ред. (2008) *Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия*. М.: РАПН; РОССПЭН.

Сунгуров А.Ю. и Д.А.Аркатов. (2021) «Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике» // *Политическая наука*, № 3: 54—71. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6328/4_sungurov-_arkatov.pdf (проверено 20.01.2024).

Трахтенберг А.Д. (2006) «Рунет как „публичная сфера“: хабермасианский идеал и реальность» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 2, № 2: 163—168.

Устинович Е.С. и Н.В.Сергеев. (2019) «Публичная политика государственной корпорации (на примере ПАО „ФСК ЕЗС“)» // *Социальная политика и социальное партнерство*, № 8: 36—39.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/vlast-dok.html> (проверено 20.12.2023).

Шумпетер Й. (1995) *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.

Appleby P.H. (1947) «Toward Better Public Administration» // *Public Administration Review*, vol. 7, no. 2: 93—99.

Dahl R. (1977) «On Removing Certain Impediments to Democracy in the United States» // *Political Science Quarterly*, vol. 92, no. 1: 1—20.

Fukuyama F. (2013) «The Decay of American Political Institutions» // *The American Interest*, vol. 9, no. 3. URL: <http://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/> (accessed on 20.12.2023).

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge (MA): MIT Press.

Habermas J. (2001) «Why Europe Needs a Constitution» // *New Left Review*, September/October. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii11/articles/jurgen-habermas-why-europe-needs-a-constitution> (accessed on 14.12.2023).

Habermas J. (2023) *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics*. Cambridge: Polity Press.

Heywood A. (1997) *Politics*. London: Macmillan.

Lerner D. and H.D.Lasswell, eds. (1951) *The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method*. Stanford: Stanford University Press.

Nelson B. (1998) «Public Policy and Administration: An Overview» // Goodin R.E. and H.-D.Klingemann, eds. *A New Handbook of Political Science*. Oxford: Oxford University Press: 551—592.

«The Perils of Extreme Democracy». (2011) // *The Economist*, 20.04.2011. URL: <https://www.economist.com/leaders/2011/04/20/the-perils-of-extreme-democracy> (accessed on 15.12.2023).

P.S. Kanevskiy
ON VERSATILITY
AND PRACTICAL MEANING
OF PUBLIC POLICY

Pavel S. Kanevskiy — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. Email: kanevskiy@socio.msu.ru.

Abstract. The article attempts to analyze the main trends in the development of the concept and scientific direction of public policy. Despite the fact that for more than a decade and a half this concept and direction have been actively introduced into Russian scientific circulation and the education system, the discussion about the subject field and practical significance of public policy is far from over. Russia is not homogeneous in its search for the basic meanings of public policy. Within foreign scientific schools there are also various interpretations of this concept, which differ from each other not only from theoretical and methodological, but also from political and ideological points of view.

According to the author, in order to understand the versatility and practical meaning of public policy, one should take into account the socio-political context in which this direction was born and developed. Being originally a product of socio-political and value changes in the second half of the 20th century, the conceptual framework of public policy helped researchers, politicians, bureaucrats and citizens take a different look at how to build communication between the state and society, how to make the decision-making process more problem-oriented and closer to people's real lives. At the same time, the author underscores the lack of a single answer to the questions posed by public policy, highlighting two main traditions in its understanding. The first tradition gives priority to the state and public administration, while the second one focuses on the role of civil society.

Today Russia is in the process of developing its own meanings of public policy that would adequately reflect the needs of the state and society and contribute to building effective communication between them in order to improve the quality of decisions. This article should be considered as a continuation of the corresponding discussion, which is crucial for the Russian scientific community both in theoretical and practical terms.

Keywords: public policy, public sphere, public administration, civil society, political communication

References

- Appleby P.H. (1947) “Toward Better Public Administration” // *Public Administration Review*, vol. 7, no. 2: 93—99.
- Babintsev V.P., I.E.Nadutkina, and V.A.Sapryka. (2014) “Ekspertnoe soobshchestvo kak sub’ekt grazhdanskogo uchastija v regione” [Expert Community as a Subject of Civil Participation in a Region] // *Vlast’* [The Authority], no. 7: 5—9. (In Russ.)
- Belyayeva N.Yu. (2007) “Publichnaja politika v Rossii: soprotivlenie sredy” [Public Policy in Russia: Resistance of the Medium] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], № 1: 22—32. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2007/1/Polis-2007-1-Belyaeva.pdf> (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)
- Belyaeva N.Yu., ed. (2005) *Publichnaja politika v sovremennoj Rossii: Sub’ekty i instituty* [Public Policy in Modern Russia: Subjects and Institutions]. Moscow: GU-VShE. (In Russ.)
- Belyaeva N.Yu., ed. (2012) *Analiticheskie soobshchestva v publichnoj politike: global’nyj fenomen i rossijskie praktiki* [Analytical Communities in Public Policy: a Global Phenomenon and Russian Practices]. Moscow: RAPN; ROSSPEN. (In Russ.)
- Bryantsev I.I. and R.V.Evstifeev. (2020) “Problemy otsenki effektivnosti institutov gosudarstvenno-obshchestvennogo upravlenija (na primere Obshchestvennykh palat Vladimirskoj i Saratovskoj oblastej)” [Problems of Evaluating the Effectiveness of the Institutions of State and Society Interaction (The Cases of Regional Public Chambers of the Vladimir and Saratov Regions)] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravlenija* [Public Administration Issues], no. 1: 115—136. (In Russ.)
- Dahl R. (1977) “On Removing Certain Impediments to Democracy in the United States” // *Political Science Quarterly*, vol. 92, no. 1: 1—20.
- Danilov N.Yu., O.Yu.Gurov, and N.G.Zhidkov, eds. (2008) *Publichnaja politika: ot teorii k praktike* [Public Policy: From Theory to Practice]. St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Federal’nyj zakon ot 21 dekabrya 2021 g. No. 414-FZ “Ob obshchikh printsipakh organizatsii publichnoj vlasti v sub’ektakh Rossijskoj Federatsii”* [Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 “On the General Principles of the Organization of Public Power in the Constituent Entities of the Russian Federation”]. URL: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/vlast-dok.html> (accessed on 20.12.2023). (In Russ.)
- Fukuyama F. (2013) “The Decay of American Political Institutions” // *The American Interest*, vol. 9, no. 3. URL: <http://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/> (accessed on 20.12.2023).
- Gaman-Golutvina O.V., ed. (2008) *Politicheskoe upravlenie i publichnaja politika 21 veka* [Political Management and Public Policy of the 21st Century]. Moscow: RAPN; ROSSPEN. (In Russ.)
- Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge (MA): MIT Press.

Habermas J. (2001) “Why Europe Needs a Constitution” // *New Left Review*, September/October. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii11/articles/jurgen-habermas-why-europe-needs-a-constitution> (accessed on 14.12.2023).

Habermas J. (2023) *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics*. Cambridge: Polity Press.

Heywood A. (1997) *Politics*. London: Macmillan.

Kanevskiy P.S. (2017) “Sotsial’nye razmezhevanija v amerikanskom obshchestve kak faktor prezidentskoj kampanii 2016 g.” [Social Cleavages in the American Society as a Factor of 2016 Presidential Campaign] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18: Sotsiologija i politologija* [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], no. 4: 169–182. (In Russ.)

Krasin Yu.A., ed. (2005) *Publichnaja politika v Rossii* [Public Policy in Russia]. Moscow: Al’pina Biznes Buks. (In Russ.)

Lerner D. and H.D.Lasswell, eds. (1951) *The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method*. Stanford: Stanford University Press.

Mersiyanova I.V. and N.V.Ivanova. (2018) “Partnerstvo gosudarstva i blagotvoritel’nykh fondov kak strategija povyshenija resursnoj obespechennosti nekommercheskikh organizatsij” [Partnership of the State and Charitable Foundations as a Strategy for Increasing Resources of Nonprofit Organizations] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravlenija* [Public Administration Issues], no. 1: 29–46. (In Russ.)

Miroshnichenko I.V. (2014) “Publichnaja politika kak zontichnaja kontseptsija politicheskoi nauki” [Public Policy as an “Umbrella Concept” of Political Science] // *Gosudarstvennoe upravlenie: Elektronnyj vestnik* [Public Administration: E-Journal], no. 47: 354–376. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__47._dekabr_2014_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/miroshnichenko.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Miroshnichenko I.V. and E.V.Morozova. (2022) “Publichnaja politika kak prostranstvo konvertatsii nematerial’nykh resursov v faktory razvitiya territorij” [Public Policy as a Space for Converting Intangible Resources into Factors of Territorial Development] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 144–163. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7068/07_miroshnichenko-_morozova.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Nelson B. (1998) “Public Policy and Administration: An Overview” // Goodin R.E. and H.-D.Klingemann, eds. *A New Handbook of Political Science*. Oxford: Oxford University Press: 551–592.

Nikovskaya L.I. and V.N.Yakimets. (2011) “Tipologija publichnoy politiki v rossijskikh regionakh” [Typology of Public Policy in Russian Regions] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 3: 224–235. (In Russ.)

Nikovskaya L.I. and V.N.Yakimets. (2019) “Vvedenie v predmetnoe pole munitsipal’noj publichnoy politiki” [Introduction to the Subject Field of Mu-

nicipal Public Policy] // *Sotsial'no-politicheskie issledovanija* [Social and Political Researches], no. 4 (5): 36–53. (In Russ.)

Popova O.V. (2022) “Institucionalizatsija edinoj sistemy publichnoj vlasti v RF na urovne gorodskogo upravlenija i samoupravlenija” [Institutionalization of a Unified System of Public Power at the City Level in the Russian Federation] // *Sotsial'no-politicheskie issledovanija* [Social and Political Researches], no. 1 (14): 5–23. (In Russ.)

Radikov I.V., ed. (2022) *Transformatsii publichnoj politiki v sovremennoj Rossii* [Transformations of Public Policy in Modern Russia]. Moscow: RUSAJNS. (In Russ.)

Schumpeter J. (1995) *Kapitalizm, sotsializm i demokratija* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Smorgunov L.V. (2016) “Vzaimodejstvie gosudarstva i biznesa v Rossii: ot lobbirovaniya k korporativnoj publichnoj politike” [Interaction between Government and Business in Russia: from Lobbying to Corporate Public Policy] // *Nauka i obrazovanie: khozjajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management], no. 4 (71): 100–104. (In Russ.)

Smorgunov L.V. (2022) “Sovremennye tendentsii v gosudarstvennom upravlenii: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k upravleniju publichnoj politikoj” [Modern Trends in Public Administration: from New Public Management to Governance of Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 100–121. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7066/05_smorgunov.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Smorgunov L.V., ed. (2013) *Setevoj analiz publichnoj politiki* [Network Analysis of Public Policy]. Moscow: RG-Press. (In Russ.)

Smorgunov L.V., ed. (2015) *Upravlenie publichnoj politikoj* [Public Policy Management]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Smorgunov L.V., ed. (2018) *Publichnaja politika: Instituty, tsifrovizatsija, razvitie* [Public Policy: Institutions, Digitalization, Development]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Solovyev A.I. (2021) “Frontirnye zony publichnoj politiki” [Frontline Zones of Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 183–204. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6333/9_solov_ev.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Sungurov A.Yu. (2017) “Publichnaja politika: osnovnye napravlenija issledovanija (mirovoj i rossijskij opyt)” [Public Policy: Basic Directions of Research (World and Russian Experience)] // *Publichnaja politika* [Public Policy], no. 1: 8–28. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. (2022) “Publichnaja politika: razvitie zarubezhnykh i rossijskikh issledovanij” [Public Policy: Development of World and Russian Research of Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 80–99. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7065/04_sungurov.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Sungurov A.Yu., ed. (2008) *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': Opyt razvitiya i vzaimodejstviya* [Public Space, Civil Society and Power: The Experience of Development and Interaction]. Moscow: RAPN; ROSSPEN. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. and D.A.Arkato. (2021) “Ob elektronnom i traditsionnom obshchestvennom uchastii v sovremennoj publichnoj politike” [Electronic and Traditional Public Participation in Modern Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 54–71. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6328/4_sungurov-_arkatov.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

“The Perils of Extreme Democracy”. (2011) // *The Economist*, 20.04.2011. URL: <https://www.economist.com/leaders/2011/04/20/the-perils-of-extreme-democracy> (accessed on 15.12.2023).

Trakhtenberg A.D. (2006) “Runet kak „publichnaja sfera“: khabermasianskij ideal i real'nost'” [Runet as a “Public Sphere”: Habermasian Ideal and Reality] // *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], vol. 2, no. 2: 163–168. (In Russ.)

Ustinovich E.S. and N.V.Sergeev. (2019) “Publichnaja politika gosudarstvennoj korporatsii (na primere PAO „FSK EZS“)” [Public Policy of a State Corporation (On the Example of Federal Grid Company of Unified Energy System)] // *Sotsial'naja politika i sotsial'noe partnerstvo* [Social Policy and Social Partnership], no. 8: 36–39. (In Russ.)

Vidiasova L.A., E.Yu.Vidiasov, and Ia.D.Tensina. (2019) “Issledovanie sotsial'nogo doverija informatsionnym tekhnologijam pri predostavlenii elektronnykh gosudarstvennykh uslug i ispol'zovanii portalov elektronnoho uchastija (kejs Sankt-Peterburga)” [A Study of Social Trust in Information Technology in the Provision of Electronic Public Services and the Use of Electronic Participation Portals (Case Study of St. Petersburg, Russia)] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 5: 43–47. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/14/13> (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

ХІХ КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

Проводится ежегодно

Условия конкурса

1. К участию в конкурсе приглашаются студенты и аспиранты факультетов политологии, научные сотрудники исследовательских институтов и аналитических центров, не достигшие ко времени подачи работы 30 лет.
2. К участию в конкурсе принимаются работы объемом не более 40 тыс. знаков.
3. Приоритетными (для конкурса) направлениями политической науки являются: сравнительный анализ политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.
4. Работы принимаются до 31 декабря 2024 г., оглашение результатов происходит во второй половине февраля.
5. Принятые к публикации в журнале «Полития» статьи авторов, отвечающих требованиям, изложенным в пункте 1, рассматриваются Жюри автоматически.
6. По итогам конкурса присуждаются первая (30 тыс. рублей), вторая (15 тыс. рублей) и третья (10 тыс. рублей) премии.

Работы с пометкой «на конкурс» присылать на электронный адрес: politeia@politeia.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ»

1. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politeia@politeia.ru) в формате *.doc или *.docx.

2. Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов (в том числе аспирантские).

3. К статье должна прилагаться следующая информация об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью (на русском и английском языках), ученая степень и ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Статьи, поступившие от посреднических контор, к рассмотрению не принимаются.

4. К статье следует приложить аннотацию на русском и английском языках. Аннотация должна представлять собой краткий аналитический текст (1500—2000 знаков с пробелами), раскрывающий основное содержание статьи. В конце аннотации следует указать 5—7 ключевых слов статьи на русском и английском языках.

5. Рекомендуемый объем статьи — 30—40 тыс. знаков с пробелами. Тексты, выходящие за пределы данного объема, рассматриваются Редакцией только в порядке исключения.

6. Статья должна иметь библиографический список на русском и английском языках. В списке указываются все авторы и источники, цитируемые в тексте. На каждую работу из списка обязательна ссылка в тексте. Библиографические и текстовые ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены.

7. В связи с особенностями макета «Политии» просим авторов воздерживаться от обширных подстрочных примечаний.

8. Текст статьи должен быть приведен автором в максимальное соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими и прочими языковыми нормами *до* отправки его в Редакцию. Сокращения слов не допускаются.

9. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь название и располагаться по месту их будущего размещения в макете. Числовые данные в таблицах должны быть выверены автором. В тексте должна быть ссылка на каждую таблицу и рисунок (их порядковый номер). Рисунки должны быть выполнены в черно-белом формате. Таблицы и рисунки должны интегрироваться в файл формата *.doc (*.docx) с сохранением возможности их редактирования.

10. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. По заранее оговоренному желанию автора редакционная правка подлежит согласованию с автором.

11. Все статьи, поступившие в Редакцию и отвечающие профилю, концепции и тематике журнала, проходят рецензирование. Принятие первичного решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала. Статьи, не прошедшие экспертизу коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала, к рецензированию не принимаются.

12. Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей, учитывая мнения рецензентов. Рецензирование носит обоюдно анонимный характер: имена авторов не сообщаются рецензентам, имена рецензентов не сообщаются авторам.

Регламент рецензирования подробно описан в «Порядке рассмотрения и рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала „Полития“» на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/porjadok-rassmotrenija-i-recenzirovanija/>).

13. Статьи, ранее опубликованные (в том числе в интернете) или сданные в другие издания, в журнале не публикуются. Исключения возможны только для препринтов. Автор обязан проинформировать Редакцию о факте существования препринта предлагаемой к публикации в «Политии» статьи.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПРАВОЧНОГО АППАРАТА

Оформление ссылок

Библиографические ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией и включают фамилии авторов, год издания и (в случае цитат или отсылок к конкретным частям работы) страницы:

Геллнер 1991.

См. Геллнер 1991.

Геллнер 1991: 100—101 — после двоеточия указаны страницы.

Инглхарт и Вельцель 2011.

Spector and Kitsuse 1977.

Слинько, Сальников и Дмитриева 2009.

North, Wallis, and Weingast 2009.

Коротаев и др. 2007— при наличии более чем трех авторов.

Baumgartner et al. 2009 — при наличии более чем трех авторов.

Петров 2003; Сидоров 2005.

Селезнева 2011a: 100; Freedman 2017b — буквы a, b, c... обозначают разные работы данного автора, выпущенные в один и тот же год.

Если авторство в библиографическом описании не указано, в ссылке приводятся фамилии редакторов, а при отсутствии таковых — первое слово (первые слова) названия работы:

Шестопал (ред.) 2012.

Bernhard and Kubik (eds.) 2014.

Понятие 2007.

Радикальная ксенофобия 2004.

Ссылки на классические труды античных авторов, а также на священные тексты включают только их общепринятую пагинацию и рубрикацию (в случае необходимости указывается также переводчик):

Платон, Тимей: 50b—53c (пер. С.С.Аверинцева).

Plato, Timaeus: 50b—53c (transl. by V.Jowett).

Мф. 23:38.

В случае ссылки на периодическое издание в целом в подстрочном примечании указываются его название, год выпуска, том (при наличии) и номер (или день и месяц публикации):

Политическая наука 2000, № 2.

Political Studies 2000, vol. 3, no. 2.
Сегодня 01.08.2001.

При ссылке на интернет-ресурс целиком в подстрочном примечании приводится его URL:
<http://data.uis.unesco.org/>.

Оформление библиографических списков

Базовый библиографический список (Библиография) и References составляются по алфавитному принципу без нумерации. В базовом библиографическом списке сначала в алфавитном порядке приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Классические труды античных авторов и священные тексты в библиографические списки не включаются.

В базовом библиографическом списке при оформлении книг должны быть указаны фамилии и инициалы авторов (редакторов), год издания (в скобках), название книги, место издания, название издательства. При оформлении статей, опубликованных в периодических изданиях, указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, название статьи (в кавычках), название журнала или газеты, том (при наличии), номер и страницы, на которых размещена статья. Для материалов периодических изданий, имеющих как печатную, так и интернет-версию со свободным доступом, помимо информации об издании следует указывать полный URL (конкретной страницы, а не только веб-сайта, на котором она размещена). Для интернет-публикаций, не имеющих печатной версии, приводится только URL конкретной страницы. Не рекомендуется ссылаться на интернет-версии неперiodических печатных изданий, в которых не сохранена оригинальная пагинация. При описании разделов в монографиях и статей в сборниках указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, названия раздела/статьи (в кавычках) и монографии или сборника (с указанием фамилий и инициалов авторов или редакторов), место издания, издательство и страницы, на которых размещены раздел/статья. Название базового источника (книги или того издания, где помещена цитируемая работа) выделяется курсивом. При цитировании нескольких работ какого-либо автора, выпущенных в один и тот же год, после указания года издания добавляются буквы a, b, c...

В References вся информация о русскоязычных работах должна быть транслитерирована, а названия самих работ и переведены на английский язык. Транслитерация производится на основе стандарта Library of Congress (LC). Переводу подлежат также названия периодических изданий, сборников и монографий, в которых размещена цитируемая работа. В случае переводных книг и статей следует указывать их оригинальное название. В оригинальном написании должны приводиться и фамилии иностранных авторов. Описания работ на иностранных языках воспроизводятся в References без изменений.

Примеры оформления работ в базовом библиографическом списке и References приведены на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/pravila-otformlenija/>).

Table of Contents

	Issue Materials	5
Russian Polity	Yu.G.Korgunyuk The Soviet Past as Myth and Agenda	6
	I.A.Pomiguyev, D.V.Alekseev State as Value: Representation of the Image of the Future in Speeches of Russian Parliamentarians	26
Political Theories	I.A.Nikolaev On the Interpretations of the Phenomenon of Civil War in Ancient Philosophy: Stasis and Bellum Civile	46
	K.E.Morozov In Defense of Rawlsian Egalitarianism (Critique of R.Belkovich and S.Vinogradov)	62
Religion and Politics	N.A.Ryzhkov Civil Religion as Communication Environment: Conceptual Analysis	76
	S.P.Arteev, M.I.Sigachev New Split (Ukrainian Crisis and Religious Factor in the Context of Prospects for Socio-Political Development)	97
Political Parties	I.I.Petrov Patterns of Transformation of Party Systems in EU Countries: Direction of Changes and Reasons for Differences	119
Historical Retrospective: Reflections and Hypotheses	M.A.Krasnov Mixed Model: Max Weber and Reality	138
	N.S.Rozov Crises of Modernization in the 1990s in the Context of Historical Cycles in Russia	158
Cathedra	P.S.Kanevskiy On Versatility and Practical Meaning of Public Policy	175
Appendix	The 19 th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest among Young Political Scientists	196
	Guidelines for Submitting Manuscripts for Publishing in Journal <i>Politeia</i>	197

**Открыта подписка на журнал «ПОЛИТИЯ.
Журнал политической философии и социологии политики» на 2024 год.
Вы можете найти нас в каталоге агентства «Урал-пресс».
Наш индекс: 80454.**

Как подписаться на «ПОЛИТИЮ»:

1. На титульной странице сайта www.ural-press.ru выберите город, в котором живете.
2. По указанным контактам (телефону или электронной почте) свяжитесь с региональным подразделением «Урал-Пресс» и уточните условия.
3. Отправьте заявку на подписку по электронной почте по тем же контактам.
4. Все документы и выписанные издания курьер доставит Вам по указанному адресу.
5. Если Вашего города нет в списке на сайте www.ural-press.ru, оформить подписку можно через агентство «Деловая пресса» (www.delpress.ru).

ПОЛИТИЯ
Журнал политической философии
и социологии политики

ПИ № ФС 77-48673 от 21 февраля 2012 г.

Издается АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 101000, Москва, Лучников пер., 2.

Дизайн – *Ю.А. Трушин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка – *И.В. Филимонов*

Подписано в печать 31.05.2024. Формат 70×100 1/16.

Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Информ-Право»

125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, кор. 1.